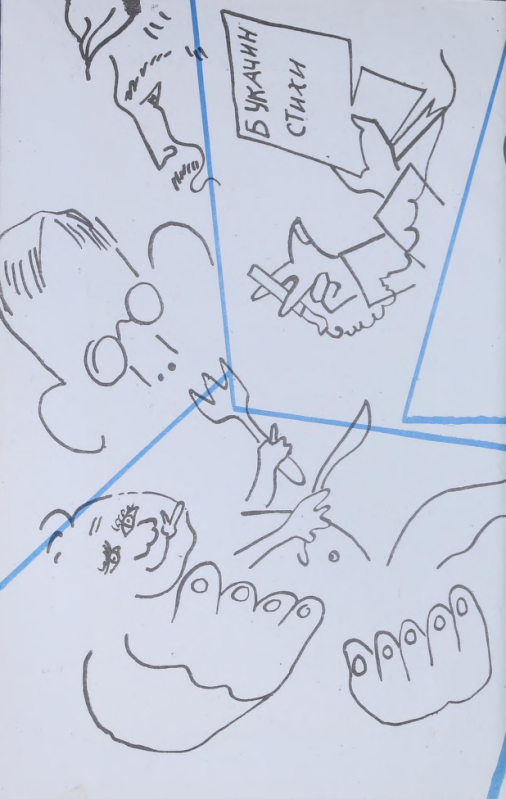

84(2=632.1/6
K 599

Лазарь КОКЫШЕВ

ПОЭТИНГ КҮЛҮМЛИЗИ

УЛЫБКА
ПОЭТА

Нет жизни сейчас

- 1507 -

Лазарь КОКЫШЕВ

ПОЭТТИҢ КҮЛҮМЈИЗИ

УЛЫБКА ПОЭТА

23

АЛТАЙ РЕСПУБЛИКАНЫҢ «УЧ-СҮМЕР» ВИЧИК ЧЫГАРТУЗЫ.

84 (2Рое-2 Алт)

С/АЛТ.7

К — 599

Кокышев Лазарь Васильевич

К — 599 **УЛЫБКА ПОЭТА: Сборник стихов и пародий.** — Горно-Алтайск: Книжное издательство «Юч-Сюмер» Республики Алтай, 1993. — 128 с.

Бу жуунты поэтинг чыкканынан ала 60 жылдыгына учурлалган. Мында бичиичинин тирү тужында жарлалбаган чүмдемелдери, каткымчылу журуктары ла нөкөр-таныштарынын эске алыныштары элбеде жарлалган

Кокышев Лазарь Васильевич

УЛЫБКА ПОЭТА

(Стихи, пародии, воспоминания)

На алтайском, русском языках

Составители **К. Ч. Телесов, И. Я. Истомин**

Редакторы **З. Ш. Шинжина, В. И. Чичинов**

Художественный редактор **В. И. Ортоңулова**

Технический редактор **Е. К. Манышева**

Корректор **Л. А. Патагашева**

Сдано в набор 15.06.93. Подписано в печать 4.10.93. Формат 84x108¹/₂. Бумага офс. кн.-журн. Гарнитура тип. Таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 6,72+0,28 форз. Уч.-изд. л. 6,41+0,34 форз. Тираж 5000 экз. Заказ 2818

Книжное издательство «Юч-Сюмер» Республики Алтай. 659 700 г. Горно-Алтайск, ул. Горно-Алтайская, 36, Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 35

1507 ✓
Горно-Алтайская

облас

тек2

им. М

на

К 70403—017

М 132 (03) — 93

J5BN5—7405 — 0595 — X

© Книжное издательство «Юч-Сюмер» Республики Алтай, 1993

ПОЭЗИЯ

Көксинде канын согулбас болзо,
Көдүрини санаалар качан да келбес.
Куру сөслө албаты кайкадар
Поэзия слерге обызын эмес.

Бу мындый ла јенил неме болзо—
Пушкин дуэльде не аттырткан?
Гомерден ала Горькийге јетире
Кемизи оордын јакшы айттырткан?

Болужы јок, ачык јүректү
Поэт улусты кем кичееген?
Калагы эмес Есенин неге
Калганчы сөзин канла бичиген?

Артып сондогон калыгын көрүп,
Абай чөлдөрдө не ыйлаган?
Бай өргөөзин таштап ийеле,
Байрон эригип, не кыйналган?

Боромтык түрменин эжигин ачала,
Поэзия Джалильге канайда келген?
Кемигер оны ойынга тўндеген?..
Кемигер оны куру-кей деген?..

КИРЕ СӨСТӨР

ОЙГОРЧЫ ЛА КОКЫРЧЫ

*«Ундыбай мени эске алыгар,
Уйалбай жүрүгөр суруум жылыз»*

Л. В. Кокышев.

Жылдар, жылдар...

Өй кандый түргөн өдүп жат... Акыр, эртен понедельник, сонзын вторник, онойып ла турганча бир недеде сурт эде берет. Онон көрзөг — бир ай, онон — бир жыл. Анайда-анайда айлар-жылдар өткөнин билбей де каларын. Каа-жаада күскүнин алдына туруп шымыранарын: бу ла жуукта көзинин алдында бу чырыштар жок болгон, саамайында ак кылдар база билдирбейтен, а эмди көр?..

Же канайдар, өйди, жүрүмди кизи токтодып, тудуп болбос. Байа бир тармачы жыланнын оозы дөбөн койгон канайда багырып-чыгырып бойы ла кирип жадатан эди — бисти онойдо ок өй лө жүрүм бойы дөбөн жууктада тартып алат. Ол керегинде бистин кожондогон кожондорыста да бар ине:

Эржиненин туйгагы
Элегенче кем минер.
Элдин-жоннын жыргалы
Түгенгенче кем жүрер.
Аргымактын туйгагы
Айланганча кем минер.
Албаты-жон жыргалы
Үзүлгенче кем жүрер.

«Салым — сакытпас, конок — кондырбас» — дегени чын ок болор. Төртөн экинчи жажында, канчын жиит тужында бистин сүүген поэдис Л. В. Кокышев бу ла Майдын жаркынду байрамдарынын бирүзінде бистин ортобыстан ырап калган эди.

Онон бери 18 жыл өттү. А сананзап, бу ла кече-башкүн болгондой. Же көзинди жумала, эки алаканыга бажын

салзан: ол туку 1975 жылда, бу ла Күүк айдын 7-чи түнинде болгон жеткерлү түбек.

Же канайдар, канайдар... Ырыс жогысты кемге айдар.

Оны та аржанынан бойы айтыратан, та эди-каныла, жүрегиле сезетен бе, тирү тужында кепке базылбаган бир үлгеринде ол мынайда бичиген эмтир.

Кем билер, айса, бу калганчы үлгерим?
Кем билер, айса, бу калганчы сөстөрүм?
Айдылбаган санааны айдар ла керек,
Амадаган жүрүмгө жүткүүр ле керек...

Кем билер, айса, бу калганчы куним?
Кем билер, айса, бу калганчы күүним?
Туйук немени тутпас керек,
Тургуза немени билер керек.

Кем билер, айса, эртен жок болорун?
Кем билер, айса, торт жок болорун?
Кичинек күүнүндү бийик деп бодобо,
Кижинин алдына качан да монголбо!..

Жаңы жүректи кондырып та берзе,
Жаңыс жүрүмдү болгоңунды бил!

Л. В. Кокышев алтан жылдардан ала калганчы кунине жетире жаан лирикага, эпический жаан прозага көчүп жатканы билдиретен. Алдындагызындый кей-салкын романтик эмес, кандый да төп, ойгорлык шүүлтелер лирика-зына кийдирип баштаган.

Тугайанын бажында
Туруп жадым жаңыскан.
20-чи чак алдымда
Меге не де керек жок...

Кизи сананганда, ол бу өйдө жаңыс ла албаты-жонун, Алтайын сананган эмес, а бастыра жер-телекейди, канча түмөн калыктардын салымын сананганы билдирет. Онын айлаткыш сагыжы (диапазоны) жааны-телкеми сезилет.

Ол орус тилди жакшы да билетен болзо, же бойынын произведениелерин качан да көчүрбейтен. Бу не мындый, Васильич, дегенисте, ол көп сананбай ла: мен бала тапкан үй кижидий, бир ле катап оорып жадым, экинчи катап энделер күүним жок дейтен. Байла, онын да учун болбой

кайдар, онын «Арина» деген романын В. И. Чаптынов көчүрүп берген эмес беги. Онын ума жок үлгерлеринен орус тилге Москвада Корностаев көчүргөн жукачак жуунтызы чыккан. Онын поэзиясын орус эл-калык билбеске жуук, жүк ле поэтин ады-жолун ыраагынан ылмаарта билер. Не дегежин, бир мындый учурал болгон эди. Бистер: Эркемен, Аржан, Бронтой, Тоюшев сулар Көксуу-Оозы аймакка командировкага жүргенис. Калганчы күн эгирде аймактын төс библиотекасында туштажу болордо, отурган улуска баштанып, сурап жадыс: «Слер Кокышев, Кокышев деп үн алышкылап жадыгар. Айдарда Кокышевтин кандый бир үлгеринен төрт лө жолдык айдып беригер?»

Бу сурактын кийинде байагы чур-чуманак болуп турган улустар бой-бойларынын ийиндери ажыра жажын-гылай берген эди. Чындыгынча айдар болзо, Кокышевтин үлгерлерин көчүрерге сүрекей күч. Ненин учун десе, онын жулукту-жиликтү, будукту, күүлү (музыкальный) тилин өскө тилге көчүрөтени — темей мууканыш, тегин жерге ой өткүриш. Бис Москвада Литературный институтта үренип турарыста, бир Сартер деп француз философто туштажу болгон. Ол биске орус поэттерден Блокты жакшы деп темдектеерде, а Пушкин коомой бо деген сурагыска ол каруузын мынайда жандырган: «Жаан жайалталу кижини көчүрөтени күч.» Онын да учун Л. В. Кокышевтин орус тилде жокко жуугы ол болгодый.

Бир тужында поэт бойынын үлгерлери керегинде мынайда бичиген эди:

Эң ле артык кожонгым менин
Элбек шуулаган аркадый болгон.
Жүзүн өзүмдер жажарып жытанган,
Жүс куштардын үниле толгон.

Ол кезик аразында бойынын кожондорына бүдүнбей, «ойгор до деген кожондорымды жүрүм орой бүрлердий учурта бергей не? Кереестеп жүректен айткан сөзимди үйелер жарыдып, учурын билгей не» — деп аланзыйтан.

Албатызынын адынан кандый жаан керек бүдүрүп турганын ла кандый каруулу болгонын сезип, кажы ла кожонгынын учурын, онын келер ойин, салымын сананып, терен-терен шүүлтеге келетени керегинде бу жолдыктар керелейт:

Жүзүгөр калыкка жарабай барза,
Жүрүм слерге бир де килебес.

Je өскүс ле артып калбайтан болзоор,
Өскөзи меге — не де эмес.

Јок, онын кожондогон кожондоры «өскүс» артар аргазы јок. Јынҗырап турган кожон кептү жүрүм кенерте үзүле де берген болзо, је келип јаткан јаш үйе ол кожондорды онон ары улалтар.

Ол ачу-коронду, түбектү јылда газетке, радиого, издательского кандый учурлу письмолор келбеди деер? Улаганнан келген бир письмодо мынайда бичилген: «Лазарьга эмди јолыкпазым деп, чек ле бүдер күүним јок, је чын ла өлүп калган деп сананала, јангыскан јортуп жүргемде, кижинин ыйы келер...» Шебалин аймактан келген письмодо: «Кизи кажы бирде городко барганда, кайдан-куйдан Кокышев көрүнер болор бо деп туйкайын көзиле бедреп жүретен эди. А эмди?..» А оныла кожо иштеген бу ла бичиктер чыгарар издательствонын ишчилеринин сөзиле болзо, Лазарь Васильевич кайдөөн дө узак өйгө калган дорговка баргандый, удабастан једип келер нем кош дежер.

...Је өйлөр өдүп, узап ла јат. Ол жүрген болзо, быјыл күскиде, октябрьдин 20 числозында, 60 јажы толор эди. Бу өйдин туркунына кандый бичиктер, канча кире чүмдегей не? Устине демократиянын өйи болзын: нени ле бичи, канай ла айт — ончозы бойыннан камаанду. Алдындагызынды литонын* шүүнине шүүлтелерин артып калбас — макалду өй. Ич тыдылар коронду кокырлары, кижини кенерте санандырып ийетен лирикалык ойгор үлгерлери кычыраачыны канча кире жүрекситетпес эди. Је андый да болзо, кычыраачы эмдиге јетире танышпаган онын произведениелери бар.

Ол андый слерге таныш эмес бичигинин бирүзи, бу колордогы «Поэтин күлүмјизи», орустап «Улыбка поэта» деген јуунтызы болор.

Бис бу бичикти орус, алтай тиле кепке базып јадыс. Не дегежин, Лазарь Васильевич орустап көп интермедиялар, сценкалар бичип, бойынын таныштары керегинде каткымчылу јуруктар (дружеские шаржи) журап туратан. Кажы ла андый јуруктарынын алдына орус тиле јартамал эдетен. Ол керектин бир јаны, а экинчи јаны дегежин орус, алтай кычыраачыга тен јартамал-ондомол болзын

*Лито — печатъта шинжү өткүрген орган.

деп амадаганыс. Онын кийинде бу жуунтыга жуук нөкөрлөринин эс алынгандарын ла кандый бир каткымчылу-кокырлу учуралдарын жуурга келишкен.

Темдек эдип айткажын: Александр Ередеевти каткымчылу эдип журайла, алдына орустап мынайда бичип салган: «Ер-е-дей... жил 51—17 гг. до н. э., говорят, что он был хромоу и жил без квартиры, но пока точно не установлен.»

(Из источников восточных историков 51—17 гг. до н. э.)

Поэтин бастыра ла жураган журуктары бого түнгейлеш. Онын кокырлу журуктарынын көп жарымында: П. Самык, Б. Укачин, А. Адаров, А. Ередеев, «Звезда Алтая» газетте иштеген журналист В. Яценко ло оной до өскөлөри.

Бир сөслө айткажын, Лазарь Кокышевке ада-энези, алтай-кудайы, агаш-тажы, албаты-юны жаан жайалта берген. Литературанын кандый ла бүдүмдеринде (жанрларында) онын колы тийбеген жери жокко жуук: поэзия, прозада да болзын, драматургия, көчүриштерде де болзын, газет, радио, издательстводо до болзын — онын этпегентутпаган немези жок. А журуктарды ол ойынга ла бодоп, журай соготон эди. Кижн бу ла тышкары ла барып келгенче, кемнин-кемнин кеберин каткымчылу этире тоолу-тоолу чийүлерле тиргизип ийетен.

Онын кокыр-каткылу ла кижинин ичи-буурын күйбүредип, једикпес-тутакарысты искусствонун бийик текпнжине чыгарганы база тегиндү эмес туру. Ол өйлөрдө келишпес-тутакту немени ачыгынча айдар арга жок болгон. Онын учун поэт оны ончозын бойына тудуп болбой, каткыга-шоодылганга көчүрген деп бодойдыс.

Ол 70 жылдардын ичинде, јартап айтса, калганчы өйлөрннде коркышту кунукчалду јүретен. Ол ло өлөр јыл «Амаду» деген жуунтызын кепке базарга шүүжүде бистин та кемибис те айткан эди: «Сенин бу жуунтын, өскөзине көрө, кандый да кунукчылду (пессимистический), калганчы сөзин айдып турган немедий билдирип јат.» Сагыжыма кирет, ол тушта А. А. Сабашкин Лазарьдин адаанын алып: «Поэзия ачымчызы жок, кунукчалы жок болзо, ол искусство эмес. Бис кыйгы-кышкылу одалар, гимндер бичизебис кычыраачынын өзөк-буурына табарбай, көндүрө өдө берер. Јаан искусство кижини качан да терен кунугышка, санандырышка экелип јат эмес пе?» Лазарь

Васильевич от тушта јуулган улустын сөзине киришпей,
јаңыс ла быыраш чачын серпий согуп, күлүмзиренип
отурган эди. Онын ол тушта ичиндеги айдылбаган сагы-
жын кемибис билген эди. Айса болзо мынайда сананган
болор бо?

Талант менде бар тушта
Табышту да болорым.
Эки жүстү немеге
Эби жок то болорым.

Ол кезик аразында эки-үч айга табылбай да калатан.
Угар болзон туку Балтикада, Кыргызстанда жүр келген
турар. Је кайда да жүргенде ол бойынын кожонгын
коптолоп, јаантайын ол керегинде жүреги сыстап жүретен
эмтир:

Колымнаг перо түшкенче
Кожогымды чүмдеерим.
Карып жажым јетсе де
Канчын мен деп бүдерим.

Келетен ойгө көстөрим
Јетпезе де көрөрим.
Јүрүм жаңыс берилген,
Јүр албазам — өлөрим.

Э-эх, өлөтөни күч беди,
Өзөтөни күч.
Јүрүм жаңыс берилген,
Јүретени күч.

«Келер үйеге письмо» деген үлгеринде айткан эди:

Чеберлеп жүрүгөр айткан сөзисти,
Чек тудугар баскан јеристи.
Ырысту текши биледе јуртап,
Ыраак Үйе, ундыбагар бисти.

Поэттин бу сөстөрүн јаантайын сананып жүрели,
најылар.

Күүгей Төлөсов

МИР УЦЕЛЕЛ ПОТОМУ, ЧТО ОН СМЕЯЛСЯ

Особое место в алтайской литературе принадлежит Лазарю Васильевичу Кокышеву, чьи стихи, поэмы, пьесы, проза — составили в алтайской культуре целую эпоху. Он поднял лирическое чувство до романтического пафоса и при этом не отдалился от земли, скорее, наоборот — приблизил алтайскую литературу к природе, жизни повседневной. Гармонию, необходимую человеку в жизни, он искал и находил в реалиях родного края, своей таежной земли.

Я в тайге алтайской пробудился.
Проступал сквозь ветки свет зари.
Горный гребень высился, гордился.
От любви стонали глухари.

Я в тайге алтайской пробудился,
Свежесть рос вдохнул в родном краю,—
Как с другой планеты воротился
Вновь на землю милую свою...

Всегда была, есть и будет существовать поэзия чувств, являющаяся труднопередаваемой категорией восприятия мира. Она вовсе не обязательна для всех, но тот, кто владеет ей, тот действительно поэт, умеющий извлекать из мира поэтическую сущность.

В поэзии Кокышева преобладает романтизм чувства, умного, я бы сказал, чувства. Он сообщает его поэзии образность, музыкальность и зримость. Это надо бы отметить в обобщающем разговоре о нем.

Есть и второе, что необходимо отметить, говоря о Кокышеве. В его художественном мире хорошо и на редкость подробно запечатлена биография его души. Не потому ли центральным, определяющим образом его поэзии является лирический герой, тесно связанный с его поэтическим «я». «Обветрен, смугл стоял я перед вами»... Это стихотворение имеет характерную для Кокышева концовку: «а я человек еще, черт возьми».

Кроме того, уходя из жизни, он оставил нам красочный образ этого мира, в котором жил он сам и его герои: молодые табунчики с веселым взглядом, Каракай, Туба, Арина, Шупфер-Тозыякова, Патей, дед Боргой, Марка и многие другие.

Творчество поэта несло в себе высший идеал литературы — объективность. Не герой, а человек — вот что главное в его писаниях. Не герой, а живой узнаваемый человек.

Камлактын трагыла
Кара тоозын чойилет.
Каймак тарткан тарадайда
Карган Боргой көрүнөт.

Карайлаган аттары
Казалап, бийелеп барадат.
Кайра жаткан Тюкеев
Каймак тартып барадат.

Тарадайы онын таркырап,
Шадырлары калырайт.
Түртүнип жүрген чочколор
Түргендеп, жолдон качкылайт.

Коркойышкан эмеендер
Коштой өдүп, крестенет.
Жүктү жүрген машина
Тюкеевке жол берет.

Автор много ездил по стране, по миру, но основных героев он нашел не в поездках, а дома, в себе, в своем любящем сердце. Он не прочь и пофантазировать, но источник фантазии — сама жизнь, ум, интуиция.

Носителем какой поэтической идеи стало его лирическое «я»?

Всегда и везде превыше всего он ставил человека. Уже в начале творческого пути прозвучало программное обещание молодого поэта: «Я поле жизни перейду. Поэтом ли? Но человеком — точно».

Обещание свое он выполнил. В стихотворении «Травке, выросшей около моего крыльца» он написал: «Я — человек, приветствую тебя». Сильный, умиленный человек приветствует весну, жизнь. Он выделался в человека и не случай, но именно это стихотворение является одним из лучших в его творчестве.

В глубинах народного сознания обрел поэт философию изначального единства человека с природой. Отсюда и такое устойчивое внимание к ней, к ее прекрасной жизни.

Близость поэта к родной земле рождена близостью к природе, которая была характерна для предков — кочевых алтайцев — на протяжении веков скотоводческого труда. Будущий поэт с детства впитывал в себя стихию народного быта, фольклора и культуры.

Таковы главные обстоятельства, обусловившие его творческую индивидуальность и тематическую направленность кокышевского творчества, которое можно определить как тему родной земли, человека и образа мира в его душе. Творчество Кокышева — многоголосая вариация на простые и вечные проблемы бытия, такие как жизнь и смерть, добро и зло, счастье и злочастие, любовь и ненависть. Вроде бы пейзажные стихи про закат, окрасивший облака, про загустевший в долине сумрак, про росу, присевшую на траву, но это только начало — дальше все про человека, про людей.

Постой, красавица, постой!
Не торопись к себе на стан.
Давай послушаем с тобой,
О чем в горах кричит куран.

Давай, красавица, вдвоем
Побродим тихо вдоль реки.
Давай цветов с тобой нарвем,
Давай сплетем из них венки.

Запомним далее красоту,
Над пропастью задержим шаг
И на вечернюю звезду
Давай посмотрим просто так.

Снова в основе стихотворения — близость алтайца к праматери — природе. Вместе с тем это уже и мировой опыт, порождающий романтизм раннего Кокышева, который впервые был отмечен известным советским поэтом Владимиром Луговским, а затем неоднократно подхватывался другими исследователями.

Что такое романтизм Кокышева?

Это гиперболические метафоры, некоторая патетика, добрый юмор, всепобеждающая сатира и стремление к идеалу.

Романтизм в его классическом понимании обычно возникает от неудовлетворенности настоящим, от разрыва между мечтой и действительностью. Так оно и было.

Самое время взглянуть на творчество поэта с точки зрения реформ, которые происходят сегодня.

Поэт был полон юношеского максимализма, хотел «торить на дорогах жизни свою широкую борозду», а жизнь властно загоняла его в чуждые ему служебные кабинеты, требуя от него умеренности и аккуратности. А он был поэт, он не хотел быть таким. Он любил жизнь, влюблялся в женщин, хотел своими руками принять всех новорожденных, он...

Его романтизм начался с ренессансного мироощущения, сказывался в бытовых деталях, а затем ощутимо воплотился в осмыслении революционного процесса в нашей республике и за ее пределами. Чтобы убедиться в этом, достаточно вчитаться в его книги и всмотреться в его героев, представленных в жизненных воплощениях.

Один из них — Туба — герой одноименной поэмы. В нем воплощен совершенно новый национальный характер в его новом нетрадиционном звучании, когда надежда растворяется в сатирическом смехе, в революционных проявлениях, носящих общечеловеческий характер.

Излюбленный художественный прием поэта в данном произведении — юмор, точнее юмористическая стилизация в духе народного творчества, служащая средством создания комического эффекта.

Оседлал Туба врага,
Снял с ноги своей башмак,
И что было силы по лбу
Каблуком с железкой — шмяк!
Я, по-твоему, дикарь?..

Стилевые особенности кокышевского стиха проявляются в характере самого стиха, своеобразии ритма, метрики, в следовании традициям фольклора и русской классики, в трансформации и неожиданном сочетании различных размеров, строгом реализме с ярко выраженной романтической стиливой окраской, высокой эмоциональной насыщенности образно-выразительных и лексических средств.

Особенности эти характерны как для поэта, так и для других жанровых разновидностей его многообразного творчества.

Анализируя индивидуальный стиль Кокышева мы не можем не отметить обогащение ритмических элементов

стиха, музыкальное насыщение метрики, активное употребление новых для алтайской поэзии лексических средств: иноязычные слова (чаще русские), предельное нагнетение напряженности метафор, эпитетов, сравнений и других литературных тропов. Во взаимодействии всех этих средств предстает перед нами яркий, живой красочный мир кокышевской поэзии.

Широкий тематический диапазон творчества, обращение к различным аспектам действительности определили многообразие жанрово-стилевых форм его произведений, язык который восходит к богатейшему алтайскому фольклору.

Стихотворение «Рождение пастуха» перевод которого опубликован в журнале «Сибирские огни», № 11 за 1961 год. В стихотворении рассказывается о том, что «под кедром большим, где тенистая мгла, пастушка рождение сына ждала.»

Чтоб видеть ребенка,
Дневное светило
К закату движение
Остановило.
Чтоб сына принять,
Травянистые доли
Заране
Свои растянули подолы.
Его ожидая,
Таежные птицы
Решили не петь—
В тишине затаиться.
И горам Алтайским суровым
На грудь
Упал гражданин,
Начинающий путь...

«Так в мир необъятный явился пастух»

На склоны,
Где травы не выжжены жаром,
Пастушка водила
Овечью отару,
А зыбку
Весь день на кедровом суку
Лишь ветер-бродяга

Качал на бегу.
Да к ночи о мальчике—
Низко видна—
Заботилась
Старая нянька луна.
И кедры над ним
Вековые шумели—
Сказанья седые
Над мальчиком пели...
Но сыну
Уже колыбель не под стать,
И он над горами
Пытается встать!
И встал,
Ухватившись за ветки руками,
И замер,
Увидев весь мир пред глазами!..

В стихотворении запечатлелся ведущий принцип фольклорной поэтики тех лет — монументальное видение мира и человека, близкое к эстетической категории возвышенного. У других поэтов его чаще выражают прилагательные в превосходных степенях, что девальвирует стоящие за ними образы.

Слог поэта отличает простота и выразительность, разговорность и напевность интонаций, что определяет неповторимость того феноменального явления в алтайской поэзии, которое называется Лазарь Кокышев.

Он и сам в детстве был пастухом — помогал матери пасти овец и... свиней. Нелегкая это была работа. Он рассказал о ней в книге «Дети гор».

Надо научиться правильно воспринимать его — в контексте времени и творческих задач. Да и по природе своей он был не прост, сложным было и его взаимодействие с собой и своим дарованием.

В жизни, как и в творчестве, было два Кокышева. Один восторженный, энергичный, играющий с жизнью человек с удивительно большими, черными, необыкновенно выразительными сияющими глазами и кудрявой шевелюрой, которую он имел обыкновение набриолинировать, чтобы волосы блестели как у Марчелло Матространи, которого он обожал...

Этот Лазарь был остроумен, он все схватывал налету,

рисовал дружеские шаржи, неумолимо создавал пародии и юмористические сценки.

Вот он на фотографии — этот первый Лазарь.

Второй Кокышев всегда жил в первом. Он был нетороплив, элегичен, задумчив. Многое на него действовало удручающе — разносы на работе, идеологические проработки, случайное окружение, которого всегда было много, бытовые неурядицы, которые вгоняли в разгул... Душа его не принимала брежневский застой, как мог, он всегда пытался освободиться из его тенет. Не он ли диктовал его удивительную, проникнутую глубоким юмором сатиру?

Как не сказать об образности Кокышева, которая зачастую восходит к загадке, развитой ассоциативно до сравнения или метафоры. «Как человек после хороших дел, Буренушка спокойно умирала». Природа стянута тут до уровня бытового жизненного обихода и в то же время она возвышена до некоего условного знака. Природа символически соотнесена с бытом и несет в себе план идеи единства человека с окружающей его жизнью. Все символически и натурально. Как у любимого им Есенина.

Другой источник кокышевской образности — цвет. Образность его картинна, зрительна, живописна.

Сегодня море — цвета бури.
Волна клубится на бегу.
Стоит Мария Фарнатури
На каменистом берегу.
Она стоит, стройна, как тополь,
А за спиной — ряды колонн
Вздывает к облакам Акрополь,
Он снова кровью окроплен!

Так реальный мир возвышается до символа, который зачастую приводит к условности и тогда рождается такое стихотворение, как «ночевка в Челушмане».

Образность позднего Кокышева, его поэтика меняется сообразно переменам в его мировидении. В его романтическую поэзию с годами приходит психологизм и острый драматизм. Мечта поэта окончательно столкнулась с реальностью застоя и начался сложный процесс вызревания нового художественного сознания. Перед нами уже не романтическая маска, а спокойное лицо героя, искаженное от несовершенства жизни. В итоге перед нами

драма несбывшихся надежд, которая никак не отменяет саму радость жизни.

Стихи последних лет жизни обрели более строгий рисунок. Точнее стали метафоры. Уменьшилась броскость образов и патетичность. Новые краски нашлись для природы и жизни.

Я по склону горы одиноко брожу.
Там, внизу, распростерся родной городок.
Сквозь листву золотую туда я гляжу,
Как струится людской муравьиный поток.

Постою, опершись на рябиновый ствол,
Поразмыслию немного над жизнью людей.
Ничего, что от них я на время ушел—
Очень многое нынче отсюда видней.

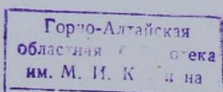
Люди строят судьбу свою, строят страну,
Люди вечно спешат, люди всюду нужны,
И не часто приходят сюда, в тишину—
Просто нет у них времени для тишины.

Упрекать их — не вправе. А жизнь все летит!
Я иду по траве, по живому ковру.
И невольно душа моя нынче грустит,
Как рябиновый куст на осеннем ветру!

...В последние годы он, действительно, был очень похож на «рябиновый куст на осеннем ветру». У Шукшина в чести была калина красная, а у Кокышева трава, журавли и рябиновый куст. Рябина горькая.

Валерий Чичинов

/

БИЧИИЧИННИҢ ЧҰМДЕГЕНИНЕН

Лазарь Кокышев

ОРТО КИЖИ

(Психологический журуктар)

Лазарь Васильевич Кокышевити баштапкы катап көргөн кижиге эмесе онын кылык-жанын ла санаа-шүүлтезин јакшы билбес улус оны омок, эбиреде болуп турган керектерге тын ајару этпес, кей-кебизин кижиге эмтир деп бодойтондор. Оныла көп катап тушташкан, керек дезе кожо иштеген ле јангыс катап эмес соотогон до улустын көбизин онын чын сўр-кеберин, нравственный, духовный ла интеллектуальный байлыгын, улустын кылык-жанын ла санаа-шүүлтезин теренжиде билерге кичеенетенин јакшы билбегендер, кезиге дезе онын јүрүминин јүк ле тыш кабыгына тын ајару эдип тура, ич јүрүминин байлыгын ондогондор. Кыскарта айтса, коқырчы, јалакай ла ачык-јарык Кокышевинин бүткүл бойын анчадала онын ич санаа-шүүлтезин, бойынын төрөл јеринин ле кылык-жанынын салымы, бүгүнгиге јадын-јүрүми ле келер өйи керегинде јаантайын терен сананып јүретенин көп улус јетире ондобогони ачымчылу.

Лазарь Васильевич Туулу Алтайла көп јорыктап, јаанда, јаш та улусла туштажып, олардын күүн-санаазын, кылык-жанын теренжиде билип аларга кичеенген. Бу керекте ол јакшы једимдерге једип алганын онын чечен тилдү ле улустын сўр-кеберин чоком көргүскен произведениелери керелеп јат. Ол кижинин чоком сўр-кеберин кезик учуралда эки-үч ле үлгерлик јолдыкла јап-јарт көргүзерине једип алган.

Л. В. Кокышевинин кезик произведениелери јүзүн-башка шылтактардан улам кепке базылбаган. Онын учун оларды көп улус билбес. Онын андый произведениелеринин бирүзи — 1974 јылда бичиген «Орто кижиге» деп

психологический журамалы — «Алтайдын чолмоны» газеттинг архивинде јаткан. Кычыраачыларды јайалталу бичиичининг кижиге керегинде бир кезек шүүлтелериле таныштырып турус.

А. Сабашкин,

СССР-динг журналисттерининг
Союзынынг члени

Улусты мекелеерге турган сүмелү кижиге «јобош» бүдүштү болор. Андый кижининг јолында, јадын-јүрүминде көп буудактар болор.

Эмеш творческий санаалу кижиге болзо, јадын-јүрүмнинг оок-теек закондорын ажындыра билип алала, јадын-јүрүмин ого келиштире бойына эптү эдип алат.

Немени ырада көрүп билетен кижиге дезе мендебес. Өзөк-бууры өйкөлип те јүрзе, је ол токыналу. Бойына тузалу планды ол ажындыра тургузып алала, келишкедий, эптү өй сакып јүрер. Өскө улустаң ол качан да озолобос. Бу өйдө ол улуска эптү, јымжак кылык-јанду јүрер. Је бойына тузалу өй јетсе ле, андый кижиге кенетийин тургуза ла кату кылык-јанду, кайра баспас боло берер. Јуун тушта ононго озо бир сөс айдар кижиге јок, блааш-тартыш болзо, законды ононго артык билер кижиге јок. Бу тушта мындый кижиге общественный текпишле өрө чыгарга албаданар. Коллектив тутпаза, андый кижини тудар арга јок. Орто кижиге общественный текпиштинг бир де баскыжына өрө чыгып алза, ол тушта — јеткер. Таныштарын таныбай барар, најыларынын алдына таңаркап турар. Общественный текпиштенг ойто түшсе, ойто ло јалакай, јакшы куучынду, ачык-јарык кижиге боло берер. Онызы кайкамчылу да, каткымчылу да, ачынчылу да.

Бир катап мен тѳжинде значокту алтай уулга јолыкам. «Эки значокту болзо, ол менен эки катап санаалу» — деп бодойло, эрмектежип те болбой баргам. Эки институтты божотконы — ол јенгил неме эмес. Бир де институтты божодорго беш јыл үренер керек.

Ононго, кийнинде угуп јүрзем, он јыл институттарда үренген ол уул орто ло кижиге болуптыр. Иштеген ижиге де, албатыга айткан санаазы до орто ло кеминде.

Је јазап сананып көрѳр болзо, Чапаев академия да

божотпогон, Горький университетте де үренбеген... Айдарда, керек кижинин төжинде жалтырууш темирден камаанду эмес. Мыныла коштой бир учурал айдарга турум.

Јаан коллективте база бир киж иштеген. Ончозынан артык та эмес, тын жабыс та эмес. Је медальдарла кайралдайтан күндер жууктап келерде, ол кижини кожо иштеген улус чек таныбай барган: ишке ончозынан озо келер, иштег ончозынын кийнинен јанар. Јуун болзо, ононг жуучыл киж иок. Организациянын јандары онын «өзүп» келгенин бойларынын ичинде темдектеп, организацияга берилген медальдардын бирүзин онын төжине тагып бергендер. Онын кийнинде ол кижини өрө өскөн деп тураар ба? Јок. Ойто ло озогы кемине кире берген. Озо до эмес, орой до эмес. Онызы орто кижинин база бир сүр-кебери.

Орто кижинин база бир бүдүми бар: јамылу улусты айланыжып, јаантайын олордын алдында элбендеп турар. Кандый да керекте онын бойынын танг алдынан шүүлтези јок. Јамылу јараткан болзо, ончозынан озо јарадар, јаратпаза — тал-табышту јаратпас. Орто кижинин кылык-јаны качан да јылбындууш болор. Орто киж и копсок. Андый киж и копты общественный санаа-шүүлтеге јетирерге албаданар. Ненин учун дезе, коп ого база тузалу.

Кезикте торт аргазы јок орто улус болор. Олор бүткен бүдүмиле андый. Улус нени ле айтса, оны айдар. Андый аргазы јок киж и керегинде алтай улус: «бир ийт көрүп үрер, бир ийт көрбөй үрер» — деп ойгор кеп сөсти тегин чүмдебеген. «Ары көрзө — ого түнгей, бери көрзө — бого түнгей» деген ононг до шоодылганду кеп сөс бар. Мынан бис албаты андый улусты кезем јаратпай турганын көрүп јадыс.

Орто кижинин сүр-кебери, јадын-јүрүмде көргүскен бүдүжи башка-башка болуп јат. Оны танып билер керек.

Орто киж и очередь сүүбес. Темир јолго, автобуска эмезе самолетко улус очередьте турган болзо, орто киж и оозын ачпай, очередьти туура ийдип, кассирге документин көргүзер. (Орто киж и керектү документ јогынан качан да јүрбес!). Онын документи очередьте шыралап турган јаш балалу үй кижиден де бийик, кенектин сок јангыс будынанг да баалу.

Талантту улус ла иштин геройлары улустын көзине качан да озо көрүнер. Олор бойлары озо көрүнерге албаданып турган эмес, албаты олорды озо көрөргө

албаданып јат. Орто кижі дезе озо болорго албаданар. Јарлу эмезе јаан улус болзо, ологго коштой көрүнөргө андый кижі нени де кысканбас. Је каруулу керек боло берзе, орто кижі көрүнбөй барар. Орто кижинин бүткен бүдүми (орустап причесазы) андый.

Орто кижі Советский Конституцияны, Законды жаңгыс ла ого болуп бичиген деп бодоп јат. Ол улустан, государстводон некелтелү жүрөп, је бойы государствого, албатыга нени де бербес. Орто кижинин философиязы андый. Андый кижі оны жүрүмдө озолоп брааткан нөкөрине де, карындажына да килебес. Ыскө кижинин түбегине ичинде каран сүүнүп жүрөп, је улус көзинче кородочы болуп турар.

Интеллигентный орто кижі элден ле озо сүрекей санаалу кижі болуп көрүнөргө албаданар. Онын билбес немези јок, көрбөгөн-укпаган немези јок. Је портфели јаан да болзо, бажында куру. Онын айдып турган укаалу сөстөри, улусты кайкаткан шүүлтөзи — ончозы өскө улустын. Интеллигентный орто кижі — паразит. Ол өскө улустын шүүлтөзин кулданып јат. Андый улустан улам анчадала наукада, литературада ла искусстводо јаан буудактар болуп јат.

Орто кижі эмеш јамылу боло берзе, оног до ары. Менин бир јакшы таныжым болгон. Мен командировкага жүргөмдө, эмезе ол областька бойынын керегине келгенде, ачык-јарык куучындажып, көп немелер керегинде жаңгыс шүүлтө айдып туратаныс. Тенек эмес уул болгон. Онын учун оныла најыларым да куучындажарга сүүйтөн.

Је бир катап мен ого кандый да јаан јуунда база катап јолыккам. Озогызынды эмес болгоны көзиме тургуза ла көрүнө берген. Эзендежерге колын сунарда, торт башка көрүнгөн. (Андай улусла озо эзендешпеске болбос. Онон башка сени чимеркеп туру деп табыш јайар.) Мен азыйдагы ла чылап ачык-јарык куучындажа береримдө, ол калажырап тургандый туура база берген. Онон кандый да јамылуларга јууктап келеле, ологдын куучынына кирижип, кожо каткырыжып, танкылап турган.

Оны көрүп турарга меге сүрекей кунукчылду болгон. Онын кичинек санаазыла болзо, ол эмди өскө, «јаан» кижі болгон. Улустан сурап уксам, чындап та, менин азыйгы таныжым јамылу болуп калган эмир.

Улу Владимир Ильич кандый кижі болгонын андый немелердин алдына айдар да күүним келбес. «Правда»

газеттин корреспонденти Генрих Боровик жарлу революционер ле Кубанын Коммунистический партиязынын Тос Комитединин Баштапкы качызы Фидель Кастро керегинде мынайда бичип жат: «...Ол кун Фидель Кастро до бош ой жок болгон. Заседание божогон ло кийнинде Фидель ажанып ийерге, жуугындагы кафеге кире конды. Официант курсак экелип берерде, ол казанчылардын ижи-тожы, жадын-журуми керегинде сурап, онон озор кандый айалгада иштеп турганын корорго кухняга кирип барды. Казанчылар ижин чачып ийеле, Фидель Кастроны тургуза ла туй курчап ийдилер. Фидель дезе ажанарын да ундып салала, казанчыларга ишкучиле жаткан улусты канайда, неле азыраары керегинде куучындап турган. Онон колында чазына королго, мендей-шиндей сооп калган кофезин ичип, чыга жүгүрген. Ого жагы тозоьлгон хозяйстводо куучын айдар керек болгон. Машиназы жаар ууланып жадарда, кенетийин кандый да уулчак ого жаба же ди желе, жегинен кайра тартып айтты:

— Фидель, мени уксан да...

Барбак сагалду, баатыр сынду Фидель Кастро кичинек уулчактын устине энчейип алала, оны тындап турган. Уулчактын состориле озо баштап ол жопсинбей, учында ого та нени де жртап баштады. Учы-учында уулчак оныла жопсинип, бажыла кекип ийеле, сүүнчилу кўлўмзиренип ийди, Фидель машинага отурала, мантада берген, же ол кун Гавана городто бу таныш эмес кичинек уулчактан ырысту киж и жок болгон болор...»

Владимир Маяковский жүрүмнин жолына жагы кирип жаткан жиит үйеге «жүрүминди Дзержинскийден башта» деп тегиндү айтпаган. Орто киж и жиит үйеге «герой» болуп көрүнзе, онон жаан түбек жок. Жиит киж и андый улуска өткөнзө, чын түбек болор.

Орто болгоньла оморкоп то турган улус бар. Андыйлардан нени де сураба, нени де некебе. «Жабыс мен» дейле, жарбынып ийер. Же отпусканы ого озо бер, болуш сураза, мойнобо, ончо улус, общество ого ажару эдер учурлу. «Орто ло мен» дейле, обществонын ортозына кысталып калган киж и катангы ошкош. Онон көрөр болзон, аргазы жок андый улус алдынан туралу, азыранты чочколорлу, айлы-журтын эбиреде садту, же не жок деп айдар! Болужы жок киж и эмес, — «помещик». Онын садынан оок балдар бир яблоко жип көрзин ле — ол тушта ол балдарга удур а бастыра Совет жанды болушка кычырар.

Јурт Совет эмезе горисполком онын адаанын албаанча, ол качан да токтобос. Ненин учун дезе, Совет јан јангыс ла оны кичеер учурлу. Оны неле де туйуктап болбозын: ол ончозын закон аайынча эдип јат. Андый улус тееркек, је керек тушта јалтанчак. Бойына керектү болзо, ол неден де токтобос: комыдал да, коп то бичиир. Улустын алдына дезе бойын чындык учун тартыжып турган кижі болуп көрүнөргө албаданар. Бу тушта ого бүткен улус јаан јастырып јадылар. Мындыј кижини өткүрө көрөргө сүрекеј күч, је көрөр керек. Не дезе бистин төзөп јаткан ару ла ырысту обществодо андый улус јөк болор учурлу.

СЦЕНКА

Ойноор улустар

Самыков — азыйда декадент болгон поэт. 46 јашту. Кара вельветый курткалу.

Ередеев — калмык поэт, реалист. 49 јашту.

Шатинов Шатра — черүден сүрдүрип ийген офицер, картежник, дуэлянт. 36 јашту.

Луиза Төрөгөшева — Самыковтын ойножы. Парижте үй улустын пансионун божоткон. 27 јашту.

Орли — Төрөгөшеванын уулы. 7 јашту.

Чечиекова — којойымнын кызы, 40 јашту.

Мендошева — салоннын ээзи, провинциальный актриса. 30 јашту.

Марченко — жандармский полковник, онын өбөөни. 60 јашту.

Укачин — народник, террорист.

Сазон Суразаков — эки эмеендү јокту мусульманин. 59 јашту.

Романо — цыганский барон. Драматург. 35 јашту.

Щербинин — камердинер.

БАШТАПКЫ КАРТИНА

Луизанын комнатазы. Трюмо. Чулуктар, окуркалар, куру флакондор, эски перчаткалар. Луиза туаледин јазап отуры.

Луиза (тумчугыла): Орли!.. Анда шкаптан наша-тырный спирт экел, балам...

Луиза (уулына јакып): Кече Самыков ајанды көрдин бе, балам?

Орли: Ондо ло отурган...

Луиза: Кайда отурган, балам?

Орли: «Алтын-Көлдө» лө отурган эди...

Луиза (тумчугыла): Айдарда, ајан акчалу эмтир, балам... «Огненный марал» ойто чыгар деп табыш угулган, барала, ајаннан акча сура, балам...

Орли: Мен ого бооро акча сурап барарымда, «табыштырып ий» деп төрт куру шили берген, акказы мороженыйга да жетпеген...

Луиза (*буттарын чалый салып*): Же, бу мындый жүрүмди не деп айдар?! О жүрүм, жүрүм! Чулук та алар акча жок! (*Нашатырный спирт жытайт.*) Чечиековадан төлүгө акча сураарга торт арыдым. Кожойымнын кызына мен канча салковой төлүлү, балам?..

Орли: Драматург Панченконын «Ромен» деп театрда бичиген опереттазын шүүжер күн кофе аларга Чечиековадан 10 салковой алдаар... Онон башкүн түндө эзирик аям ла офицер Шатинов келерде аракы аларга база үч салковой алдаар...

(Звонок шыгырайт.)

Луиза: Мендошева келген болор, эжикти ач, балам...

(Декольтелү платье кийген Мендошева көрүнди.)

Мендошева (*Луизала окшожып, коштой турган Луизанын уулына*): Пардон, Орли!..

Орли (*орустан*): Ничего, ничего, мадам Мендошева...

Луиза (*алтайлап*): Аян акчаны үзе ичкелекте үспейте, балам... «Алтын-Көлгө» барала, акча сура...

(Орли барды.)

Мендошева: Ах, Луиза, Луиза! Сен ол ло жараш, жиит бойын!.. Бу английский чулукты кайдан алган?..

Луиза: Самыковтын «Сердце, раненное молнией» деп бичиги чыгарда сыйлаган. Маймадан алган ошкош.

Мендошева: Сен ырысту, Луиза! (*јакишыркап каткырат.*) Менин полковнигим меге качан да мындый сый этпеген!.. (*Онон нени де эске алынып.*) Чындап, жангы ла кучеримле кожо Болотный оромло клееделе, Чечиекованы көргөм. Түлкү бөрүктү. Ой, бөрүгинин жаражын!

Луиза (*тумчугыла*): Түлкү бөрүктү де болзо, түнгей ле аристократка болбос! (*Сигаредин күйдүрет.*)

Мендошева: Сен танкыны тартканчан ла ба?..

Луиза: Талия жокто, танкы тартпай база...

Мендошева: Шатра кожайымнын кызына предложение эткен бе?..

Луиза: Көдрө акказын көзөрлөп койгондо, көрмөскө

дө предложение этпей база. Эмди ол Самыкты саап турган ошкош...

Мендошева (*өбөгөни сыйлап берген алтын чазына көрүп*): Салон ачылатан өйгө жетире узак та артпаган эмтир. Кажы, эмеш жазанып алайын...

(*Лазанат*).

Луиза (*кородон*): Самыктаң меге салковой до туза жок! Учы-түбин билген болзом, Укачинди кармактаар эдим!..

Мендошева (*каткырат*): Критик Табар Тюхтенев Укачинди коркушту талантливый деп бичип жат...

Луиза (*там ла кородойт*): Салымымды Самыков үрөп салган! . . Салонго бүгүн келзе, ого саңар да көслө көрбөзүм!

Мендошева: Ередеев салонго келер бе? Эликтин эдин экелген дежет, чын ба, Луизе?

Луиза: Ол бир калмык неме бе?

Мендошева: А ол калмык па? Калмык та болзо, жакшы поэт дежет... Луиза, баргадый кижин ол не! Ийинде онын имениези бар, эки саар уйлу, 4 эчкилү, 40 койлу...

Луиза: Ах, Тамара, айтпа да!.. (*Үшкүрөт*.)

Мендошева: Ередеев эзире бергенде коркушту дуэлянт дежет... Азиаттын ла бойы!

Луиза: Акчалу ла болзо, азиады керек бедн...

Мендошева: Бот, ол Ередеев деп неме кажы ла жарым айдын бажында городко келип, офицерлерле кожо көзөрлөп жат...

Шатрага башкүн эки торбок ойнодып ийген дежет.

Луиза: Укачин керегинде кандый бир солун бар ба?

Мендошева: Террорист Укачин бе? Кандый да кандидат Каташка катап ла бомба таштаган дежет. Өбөөним айткан... Бомбазы жарылбаган, бойын он беш күнге отургыскылап койгон ошкош...

Луиза (*орустан*): О, ужас какой! Чего же он хочет? Что он этим добивается, милая?

Мендошева (*орустан*): По его теории, милая, все бездарные люди должны быть физически уничтожены. Вот он и балуется бомбами.

Луиза: О, ужас!

(Звонок шыгырайт.)

Мендошева: Салонго айылчылар келди ошкош. Божот.

(Луиза эжикти ачат.)

Эжиктен калмык поэт Ередеев, цыганский драматург Панченко, калагы Шатинов, койоймнын кызы Чечиекова, поэт-декадент Самыков көрүндү. Ончозы эмеш калагы. Шатра шпораларын шыгырадып ийеле, трюмонын алдында отурган Мендошеванын колын окшойт. Ередеев аксагдап Луизага реверанс эдет. Панченко гитара ойнойт.

Самыков («Огненный маралдан» эске стих кычырат):

«Je мен
бу ла бойым,
Мен не амадагам,
Не кыйналгам?..
Меге не керек?
Акча ба,
Мак ба?..
Jок. Бу бойыма...

(Төш карманынан колплат чыгарып, жажын арлайт.)

Мендошева (колдорун чабынып): Браво, браво, Базилы!..

Самыков: Меге не де керек жок... Мен поэт...
Jердин үстинде революция болзын, Кастро куучын
айтсын, Пикассо журук журазын, жаш балдар күнге сүүнзин,
Каспада кар жаазын... Чын ба, Ередеев?

Ередеев: Бач-ча ла андый...

Мендошева: Ой, мен Паслейди коркушту сүүрим!
Браво, Базилы!

(Луиза Мендошевага күнүркеп, гитаранын алдына цыганский танец биңелейт. Панченко гитараны оноп тыг согот. Луиза чачтарын жазып ийеле, платезин суурып, туура таштайт. Жаңыс ла каблуктары тырсылдайт. Онон жүгүрүп келген бойынча Ередеевтин колына артыла берет. Панченко «Барыняны» ойнойт.)

Чечиекова (Барыняны биңелейт)

Ончозы: Барыня, барыня, сударыня-барыня!..

Чечиекова: Пелбен јип алала, бијелеерге кандый макалу. И-эх!..

Ередеев (*Шатрага*): Сүреен кыс дезен... Эттү де, канду да!

Шатра: Так-к... Но прежде всего мусульманство, остальное потом!

(Звонок шыгырайт. Ончолоры токтой берди. Эжиктен чилекейи сүүртелип калган эзирик Укачин көрүнди.)

Укачин: Без-здарный немелер! Кижини де кычыргылабас! Мында болорыс деп айдышпаан, кандый... Төрөгөшева! Аркы бер! Самыковко санаан сал турган боло-рынг, а сенинг Самыковын без-здарный неме! Төрөгөшева!

Самыков: (*Укачинге удур базып келеле, ачынган-нынан сары сагалдары сарбандап, онын алдына ак перчатка таштайт.*)

Укачин: Мен сендий без-здарный немеле адышпазым да! Төрөгөшева! Аркыг кайда? (*Панченконы көрөлө, үстине барды.*) (*Панченкого!*) Гад! Я твою бездарную книжку ищю издал... Давай, ставь паллитру, гад!

Шатра: Барис, сени Самык дуэльге кычыр јат ине... Адыжарыг ба, Барис? Мен сеге секундант болойын ба-а, Барис?

Укачин: Сен меге јыдыба, Шатра!

Самыков: Ередей! Сен меге секундант болорыг!

Укачин: А Шатра менинг секундантым болор! Менинг секундантым сендийиненг эмеш талантливый! Је, Самык, барып адыжаак!..

Луиза: О, ужас! (*Санаазын ычкынып, диванга јыгыла берди. Панченко ого нашатырный спирт јытадат.*)

Көжөгө

2-ЧИ КАРТИНА

Эртен тура. Каястыг төндөри. Кар. Самык ла Ередеев Укачинди дуэльге сакуп тургулары. Самык вельветовый курткалу, энези көктөп берген кара кураан бөрүгин жүрексиреп карга таштайт. Олорды дуэльге тартып экелген аксак цыган Панченко өбөгөн чанакту аттын јанында туру.

Самыков: Ередейка, ой канча? Он часта бис| ады-
жар болгоныс, иошкин!

Ередеев: Менде ч-час деп неме жок...

Цыган Панченко (*күнге кылчайып көрөлө*): Ой,
байла, он болор керек...

Ередеев: Укачин эмди бажын жазып отурган бо-
лор...

Самыков (*колмылтыгын шиндеп*): Ередей, бу мы-
ныла канайда адатан неме?

Ередеев (*Самыковко канайда адарын көргүзөт*):
Быйда, араай ла шыкайла Укачиннинг мандайына п-пач ла
бер ал...

Самыков (*Ередеевке калганчы жакылталарын бе-
рет*): Саша, Укачин мени өлтүргөдй болзо... мынайда эт:
Москвадан Адаров садып берген плащымды сен ал,
кастюымды базарга садып ийеле, стадионнын арјанда
ортолыкта мени пaminaйтап койоор. Толя Щербинин
кожо болзын. Айлымда сынык бутту диван-орынымды
Луизага бер. Энем экелген койдын бир будын Володя
Яценко кайнадала, јип салзын... Онон таайымнын подва-
лында эки таар картошком бар. Тонбоон болзо, торо
Яценкого база берип ий... «Огненный марал» ойто чыкка-
дый болзо, он процентин Орли деп уулыма бер... Мен-
дошеванын салонына болуш эдип јирме процентин көчүр.
Артканыла меге памятник тудaar... Уктын ба?

(Автобазанын ары јанынан такси көрүнип келди.

Таксинин эжиги ачыла берерде, эзирик У к а ч и н чыкты.)

У к а ч и н (*кожо келген секундaнт Шатрага*): Шат-
ра-а! Такси учун төлөп сал! Самык сакып турган эмтир.

(Такси јуре берди. Ш а т р а ла Е р е д е е в
адыжатан јер кемјигилейт.)

Ш а т р а: Так-к!.. Болор, темдекте, Саша! (*Укачин
ле Самыкка бурылып.*) Эмди жребий тартаар...

(Кем озо адыжатанын чаазындарга чийеле,
түрүп, С а м ы к т ы н кураан бөрүгине салат.)

Ш а т р а: Кемеер озо тартар?

У к а ч и н: Кажы, мен алайын. Көрзөн, Самыкты озо
алзын деп, бир чаазынды Ередеев темдектеп салган, ище
какой! Мен озо адарым!

Адыжарга Самык ла Укачин ырашкылайт. Онон Ередеевтин
темдегиле адыжарга жуукташкылайт.)

У к а ч и н (Самыкты адарга шыкап турала, онон арба-
нат): Шатра! Бу наганнын пестени чыктып калтыр не!
Көрзөн, кижини өлтүргилеп саларга сананган, кандый!..
Кажы, өскө наган бер!

(У к а ч и н узак ла шыкайт. С а м ы к Лермонтовко өткөнип,
сары тиштерин ырсайтып алган каткырып туру. Кенетийин мылтык
атты. Эзирик У к а ч и н Самыкты жастыра атты.)

Ередеев: Эмди, Бася, сен ат!.. Ме, пестоледин
ал. Мандайына б-беч-чле берал..

(Самыков Укачинге удур кўлўмзиренип базып келеле,
кей жаар адып ийди.)

У к а ч и н: (сўўнгенинен, онон эзиригинен ыйлайт):
В-вы-ы-ы!.. Кайран нөкөрим Самыковты... в-в-выы-ы!!! Мен
нөкөримди качан да ундыбазым! Ы-ы-ы... (Чилекейин
арлайт.)

(С а м ы к т ы кабыра кучактайт. Чимириги катап ла С а м ы к т ы н
вельветовый курткасына сўртўлет.)

Ш а т р а: Так сказать, наҗылык болгон кўн деп айдар
керек!..

У к а ч и н (чанактын җанында турган цыганга): Пан-
ченко! Аркыга бар кел, кўрўм! Мен бўгўн Самык нөкөрим-
ле аркыдайтам!.. Ы-ы-ы...

(Цыган П а н ч е н к о адын чечип, җайдакка минеле,
аракыга мантатты.)

К о ж о г о

УУЛДАРДЫҢ СТАТҢА КӨРГӨНИ

Җиит уулдын статҢазын
Җирме кижиге кычырды,
Кажызы ла шўўлтезин
Карандашла бичиди.

Отдел башкарган кижиге
Озо көрзин деп бердилер.

Аланзыжып турала,
Арткандары көрдилер.

Чаров деген өрөкөн
Чала кыйа кол салды,
Тодошев өбөгөн
Тошпоковко жарбынды.

Такылыш ла неме эмитир,
Такша көрзин — дештилер,
Писательдин күүзи
Билер болбой — дештилер.

Такша статьяны алала,
Таң атканча шингеди,
Жастыра неме бар ба — деп,
Жадып алып ширтеди.

Жарлагадый статья ла,—
Жаандар нени айткай не?
Учурлу шүүлте база бар,
Учы кандый болгой не?..

Пантюркизм бар ба — деп,
База катап кычырат.
Тедү шүүлте бар ба — деп,
Тескери тудуп аыктайт.

Жалтанып, чочып турала,
«Жарабас болгодый»...— деп, кол салды.
Коркып үркүп турала,
«Коомой болгодый» — деп, кош салды.

Келер күнде энирде
Генеральный жуун болды.
Кажызы ла шүүлтезин
Кайучыдый баштады.

Тошпоков өрө турала,
Токпоктой бербей канайтты.
«Ўзүк-тезик статьяда
Ўзүм жок — деп үретти.

Чапыев өрө турала,
Чала эмеш тартышты.
Чат неме болбосто—
Чалкойто јада берди.

Кара Тодош киришпей,
Каткырат ла каткырат.
«Кажызы мынын јенер» — деп,
Каран сакып отурат.

Булбаковы турала,
Булгалып јүрүп токтоды.
Тоюшеви турала,
Торт тескери сѳс айтты.

Кезик уулдар диванда
Кедейе јадып киришпейт.
«Керекке кижиги киргей...» — деп,
Кемле де керишпейт.

Эрлер шүүжип турала,
Эки јара бѳлүнди.
Такша өрѳ турала,
«Товарищи!» — деп унчукты.

Балыкчыннын јүреги
Барт эттире чочыды.
Кукуев, Тошпок, Тодоштор
Куучындарын баштады.

Бажалыгы узун деп,
Бажынан кезип баштады.
Учуры тайыс болтыр деп,
Учын кезип таштады.

Онду шүүлте јок дежип,
Ортозынан кезип јүреди.
Ондый-мындый болтыр деп,
Оок уулдарды јүретти.

Политически јастыра деп,
Болгон ло сѳсти арлады.

Жатпанг кайнап турала,
«Жарабас!» — деп жарлады.

Отурган уулга статьязын
Ойто таштап бердилер.
«Бистинг сөстөнг чөккөбө,
Бичип ле тур...» — дештилер.

«Алтайдын чолмонынын» ат-нерелү БААТЫРЛАРЫ:

Барантаев — Уч Курбустан.
Шодоев — чолтык кара үлдүлү, чой токтокту чоң кезер.
Алекс. Тодошев — кодыр уул.
Тошпоков — Эрлик бий.
Чулчушев — Эрлик бийдин элчизи.
Булбаков — Эрлик бийдин казанчызы.
Т. М. Тодошев — Сагыскан бай.
Тодогошев — Ыскүс уул.
Качкышев — Јелим кара кабакту, јер киндиктү јес кезер.
Амургушев — Аранай.
Белеков — Шаранай.
Шатра — Тастаракай.
Тадыев — Ушпа кара јыдалу узун кезер.
Н. И. Тодошев — Кызырып агар каны јок, кыйылып өлөр тыны јок
Кара баатыр.
Тоюшев — Күрешке јүретен күрдек уул.
Мултуева — Баян-Слу.
Бабаева — Күмүжек-Ару.
Голубев — Колтукчыга јүрер конжок уул.
Калкин — Эжикте турар эки кезер.
Кучияк —
Арыкпаева — Алтай-Буучайдын I-кы эмеени.
Тастаев (завхоз) — Телтепкей кам.

ПАРОДИЯЛАР (Өткөнип бичигени)

Быјыл Туулу Алтайда сүрекеј јаан кар јааган. Бу
мындыј учурал керегинде алтай поэттер ле прозаиктер
канайда бичиир эди?

1. Чалчык Чунижеков

(Проза)

Ўзнезинин алтыгы жанында, алты беристе жерде, Мекитке өбөгөн терлеген-бурлаган алты адыс огородында агаш күрекле кар күреп турды.

Тере меелейиле терин арлап турганча, өзөкти өрө гордской чекпен тонду бир кижы базып келди. Кар күреп жаткан Мекитке өбөөнди чала таныбай турала, карманынан колын чыгарып жакшылашты:

— Жакшы ба, былар?

— Жакшы, слерде жакшы ба?

— Слер кем болодоор, мен чала таныбай турум?

— Адым Мачок, нациям алтай... Бот, кар күреп жадым...

2. Владимир Качканаков

(Художественный самодеятельностько эмезе радиого керектү)

Алтайымда кар түшкен,
Сүүнет пастух Эркемей.
Эзенде өлөн көп болор —
Кар жааганы жакшы эмей.
Кар жааганы ол — өлөн,
Кар жааганы — ол түжүм.
Кар жааганы — ол женү,
Кар жааганы — ол өзүм!
Кар жааганы — ол тартыжу,
Кар жааганда сүгүнбей.
Коммунизмге чаналу
Једе бербей Эркемей!

(Музыка)

3. Сазон Суразаков

(«Кар» басня)

Коркышту соокко тоңоло,
Койоным бир жүсти алала,
Тамажыла жаба тудала,
Јык ла салып ийди.

Кокпондоп туруп оромло мантады,
Уйазына жетпей антарыла берди.
Мораль:
Калың карга качан да калыба.

4. Паслей Самык

(Лайым стих)

Одус беш јашту,
тышкары турум.
Бөрүгим јок.
Кар...
Канайдар?
Меге бөрүк, акча,
јөөжө,
мак не керек?
Меге жаңыс ла поэзия,
Сүүш керек.
Ўстимде булуттар
узун,
узун,
Бир түргектий...
Ол менин амадуум,
ару сүүжим.
Тенери — бука,
Мен матадор!

5. Борис Укачин

K a p

Кажы ла кижининг
 жолунан карды
Ыкчап туруп күреер эдим.
Садынчак неменин
 оозына карды
Лакшы ла тыгар,
 тыгар,
 тыгар эдим!
Ырјандашкан андый улуска
Ыркыранарым,
Туткуланарым,
Ыйлаарым!

Жүүлгек немениң жүзине качан да
Чукурарым,
Чукурарым,
Тырмаарым!

6. Аржан Адаров

(Философский үлгер)

Бу тенгеринин учы-түби кайда?..
Андый көп кар кайдан келген?
Бу жүрүмнин чын-төгүни кайда?
Жүрекке, жүрүмиме ол нени берген?..

7. Эркемен Палкин

(Лирический үлгер)

Салкынду, карлу бу күнде
Сананып ла отурар күүним бар...
Адарудый күүлеген кыстарла
Адыжып та ийер санаам бар.
Карла адышкан, жиит кыстар,
Өйигер жараш, онызын билигер.
Лашкан карла согуп та ийзем,
Лакшы уул деп онызын ондогор...

8. Шатра Шатинов

(Реформаторский үлгер)

Поэзия — жүрүм.
Сооктор,
 жырыл!
Башка үлгер
 чийбезем,
Бажым, жарыл!

МОСКВАДА ӨТКӨН ӨЙЛӨРДӨН

Москвада үренип турарыста, жалакай, кокырчы Лазарь тургуза ла курстын ончо студенттеринин аярузында боло берди. Ого үзеери — журукчы. Студенттерди, профессор-лорды шоодып жураарын сүрекей сүйүтен. Олорды өткөнип те билетен. Лекция ла тушта кемди-кемди шоодылганду журайла, журукты аудиторияла божодып ийер. Анчада ла мени, Асиф Эфендиевтин конжок тумчугын ла атрак эрин сагалын, Наташа Тарасенкованы, Александр Царукаевти, Хаджи-Мурат Дзудцовты ла онон до өскөлөрүн журайтан. Бу журуктар Наташага ла учураза, ол торт ло каткызына тумаланып, өлүп жадар. Профессор кайкап, нени де оңдобой сурап турат:

— Нөкөр Тарасенкова, слер оорый бердигер бе? Бу серпилүүш оору болбозын, а?

Наташа столдын үстине бажын салып, бастыра бойы селендеп жат. Мыны көрөлө, каткы жир эде берер.

Бир катап Лазарь профессор Новицкийди доского журап турала, онын перемен ойинде кирип келгенин сеспей калган. Кичинек көгүстү, селмек чачту, тап-ташпак бүдүмдү профессор лекция кычырып, сабарын чычанда-дып турган. Павел Иванович мыны көрөлө, арга жокто, жоон үнденип каткырала, айткан: «Реалистично! Же, хм-м».

Бу ла учуралдын кийинде таңма Лазарьга төрттөн өрө темдек тургуспайтан.

* * *

Кышкы экзамендер кем жок өдүп турды. Мен жаңыс ла бештерге табыштырып тургам. Коркып турганым жаңыс ла профессор Поспеловтон. Ол биске литературанын теория-зы аайынча лекциялар кычырган. Поспеловко экзамен та-быштырар күнди институтта карыкчалдын күни дежетен. Же мен онын лекцияларын сүрекей лаптап тындагам, бичигем, онын учебнигин канча катап кычыргам. Белете-

ниш тың болгон. Керек десе тўш те јеримде онын учкур сѳстѳрин айдып туратам.

Кирип барзам, Геннадий Николаевич кофе ичип, булочка јип, тарбыл эрин сагалында калаштын оодыктары јапшынып калган отурды.

— Молодой человек, билеттен алыгар — деди.

Билетти алала, кычырып кѳрзѳм, «художественный портреттен фактографический портреттин нези башка? » деп бичип салган эмтир. Билерим. Бир эмеш отурала, каруу берип баштадым. Профессор тазай берген сўўри бажын кекип, очказы јалтырт эдип отурды. Учында айтты:

— Јакшы. Је база ла бир немени јетире айтпадыгар. Сананыгар, јиит киж, сананыгар.

— А-а. Санаам јарый берди.

— Фактографический портрет неменин јаныс ла тыш бўдўмин бир де кожолта јогынан, кееркедиш, јарандырыш јогынан кѳргўзип јат. Художественный портреттен онын башказы шак ла мында. Онон бу ла шўўлтени улалтып, ончозын јартап бердим.

— Сўрекеј јакшы! Беш! Мен бештерди ас тургузып јадым.

Лазарь ла Эркемен де јакшы табыштыргылап ийген. Бу ла экзаменнин кийнинде бистин тоомјыбыс тынгый берген. Пospelовтон беш алып турган уулдар тын уулдар болуптыр дешкен. Профессор бойы да бисти мактап ийген болгодый. Ого бир кезек тын да студенттер экзаменди тѳрт-беш катап табыштырып туратан. Коркышту јаман киж дежетен. Је Геннадий Николаевич чынды сўўйтен киж болгон. Сен гений де болзон, генералдын да уулы болзон, јарлу писательдин де балазы болзон, ајару этпес, ўренетен немени јакшы бил, артык сурак јок.

Болужар киж јок. Акча јетпей јат. Колхозчы энелерис база нени ийетен эди? Ого ўзеери айылда оогош карындаштарыс бар. Менин энем — койчы. Лазарь ла Эркеменнин энелери — уй саачылар. Јаскары чек ле арыктай бергенис. Кабыргаларыс ѳткўре ѳкпѳ-јўрегис кѳрўнип туратан болор. Талайчынын јолду чамчазын кийген улуска тўгей болгоныс.

Бир катап тын салкынду кўн болгон. Лазарь энирде јанып келеле, мынайда айтканы санаамнан чыкпайт.

— Станциядан бери келедеримде, салкын торт ло јерден ѳрѳ кѳдўрип турган, учура берер деп бодоўым. Јенгилим коркыш.

Бис аштап-чучурап жүреристе, јаан болушты Борис Арсентьевич ле онын эш-нөкөри Зинаида Николаевна жетирген эмей. Бу ла Лазарьды салкын арай ла учурбай турган өйдө бисти көрөлө, Зинаида Николаевна айткан:

— Ой, уулчактар, слер аштап турган эптиригер. Чырайлараар торт ло сап-сары болуп калган. Айла энирде келигер, мен слерди азырап салайын. Борис Арсентьевич база нени-нени сананып көрөр.

Энирде Борис Арсентьевичтин айлында болгоныс. Ол бисти торт ло билинбей азырап, күндүлөп турган.

— Мыны жигер, уулдар, оны жигер, уулдар. Степа, (Зинаида Николаевнаны ол ненин де учун Степа дейтен) казанынгы капшай ур.

Үчү торт ло кату жорыктап жанып келген, көп түреңи, шыра көргөн улус чылап ажанып алдыбыс.

— Алдырбас, уулдар, алдырбас. Улу Некрасов то жиит тушта аштап жүрген — деп, Борис Арсентьевич айдат.

Онон өрөкөн эртезинде Союзка барып, бистерге литфонд ажыра беш жүс салковой акча сурап берген. Бисти ол уулдарындый сүйүтөн. Айлынын эжиги биске качан да болзо ачык, аш-курсагы белен. Жайгы каникулга жанганыста жолго нени алатанын, жолдо нени жийтенин Борис Арсентьевич чотоп, белетежиб беретен.

— Жети күнге бу слерге једер, уулдар. Артык неме албагар. Ресторандап жүгүрер акчагар јок.

Јас! Кайран јас једип келди. Јерис санаабыска кирет. Күүктер јайнулу ла сүйүнчилү кожондой бердилер. Мында јас бистин јердегизинен эрте келип јат. Эбире јажыл ла кеен. Је чечектер ас. Сары ла чанкыр чечектер бар. Алтайдын чечектериндий солонгы өңдү чечектер кайдан келзин! Је Москванын јаказында јерлерде бойынын кандый ла ангылу јаражы бар эмей. Бийик эмес төңдөр, байбак кайындар, карагайлар, тымык суучактарды јакалай тал, чиби агаштар. Бу јерлерди мен ондоп, онын тымык ла јалакай јаражын учы-учында сүрекей сүүр боло бергем. Алтайыма јанып келеле, ол јерлерди эзеп, жүрегим сыстап туратан эди.

Јаскы экзамендерге белетенип, бис түни-түжиле кычырып, бир кыпка жуулып алала, бой-бойыстын билеристи ченеп турганыс. Көзнөктөр ачык, тышкары јажыл, кеен јай. Серүүн карагайлардын, кайындардын ортозыла соотоп базып жүрген кижиле! Кандый јакшы! Је үренер керек. Бис бери соотоорго келген эмезис. А уурлар? Тү-үк, бис

ого бала јаштан ала үренип калганыс. Јуунын-чактын
өйинде адазы јок өскүстөргө келишкен ачуны түбине
јетире ичкен эмейис.

* * *

Бир катап мен орында јаткам, Эркемен столдо отуруп,
конспект кычырып јат. Лазарь көзнөктин јанында таңкы-
лап отуры. Эки азербайджан Эркеменнин айтканын
мендегендү бичигилеп, эрин сагалдары тыркыражып отур-
дылар. Эжик араай ачылып, кандый да азербайджан
уулдын тумчугу, онон сагалы, онон бажы көрүнүп келди.

— Кирерге јараар бө-ө?

— Кир, кир, Карим! — азербайджан уулдар тура
јүгүрдилер. Ол бистерле таныжып баштады. Онон меге
колын берерден озо база ла јаан көстөрүн тостойтып,
чөйө сурады:

— Бу кайдаг келген нөкө-өр?

— Вьетнам кижі көрбөгөн бө? — деп, Лазарь айда
салды.

— Чын бө-ө!

— Чын эмей ө-ө!

Карим менин колымды тын тудуп, узак силкип турды.
Онон өкпөөрип айтты:

— Маладис! А орус тил билерин бе?

— Билерим.

— Хо Ши Мин келген. Уккан ба?

— Угардан болгой, барып уткып жүргөм — деп, мен
ойынга кирижип, соок айттым. — Хо таай мени јакшы
билер. Мен онын башкарганыла французтарла јуулашкам.
Дьен-Фу! Билерин бе?

— О-о, алла-а! Билбей база! Оны билбес кижі јер
үстинде бар ба?

— Эйе, эйе, ол — полковник! — деп, Эркемен айтты. —
Герой!

Карим керек дезе отурган јеринен туруп келди.

— Чын бө-ө?

— Чын эмей-өө — деп, Джабир айтты.

Уулдар каткыларын бадырып болбой, торт ло селенде-
жип. јөткүргилеп, ары көргүлөп турдылар. А Карим нени
де сеспей јат.

— Отурыгар, нөкөр, — деп, мен каткымды јүк арайдан
базырып айттым.

— Слерде јуучыл јамы бар ба?

— Јо-ок. Үредү јок солдат!

Мен Лазарьга көзимниң учыла имдеп ийеле, вьетнам тилле куучындап турган кижі болуп айттым.

— Дон Нян Зан.

Каримниң көстөри чек ле алырайа берди.

— Бу нени айдат-өө?

— Полковник јаратпай јат. «Кажы ла кижі јуучыл болор керек» дейт — деп, Лазарь көчүрди.— Билеринг бе, ол јети јаштан ала јуулашкан. Кайкаарын — корзинага банандар салып алар, банандардын алдына — гранаталар. Кичинек шалдан уулчакка кем ајару эдетен? Ол олјочылардын каруулдарын өдүп, казармага једип келеле, калкамык солдаттар уйуктап јаткан туралардын көзнөктөри јаар гранаталарды ээчий-деечий мергедеп ийер. Јызырт, јызырт. Уулчак камыштан тиштенип ийеле, суу јаар калып ийер. Оны кем табатан? Суунын алдына јадала, камыш ажыра тынып јаткан күлүкти?

— Чын эмеш бө-ө?

— Бүтпей турган болзогор, шыркамды көригер.— Мен јуурканнын алдынан арык јодомды чыгарып келеле, балтырымда эргек базым кире ойдыкты көргүстим.— Французтардын сыйы! Је өскө јерлерди көргүспейин, нөкөр,— дедим.— Эдимде бүткүл јер јок.

— Чын, полковник, көргүспезеер торт — деп, Лазарь айтты.— Јажык јүректү кижі көрүп болбос!

— А-ай! Вай-вай! — деп, Карим көзи јашталып айтты.— Айла көөркийдин арыгын, торт ло төрт сөөк!

— Сен ол чылап јуулашкан болзон, концлагерьде отурган болзон, кандый болгойын не? — деп, кем де айтты.— Ого үзеери онын јиген ажы батат, банан, кокос-мокос, бака!

Мен каткымды бадырып болбой, стене јаар бурылып, јада бердим. Кем де каткызына тумчаланып чыкты.

— А-а, көөркий, бананды, баканы кайдан алар, вай-вай! — Карим төмөн көрүп айтты.

— Концентрационный лагерьде отуларда, оны нени јибеди деп турун? Кокостонг болгой, койдын да эдин јиген — деп, Лазарь айтты.

— Калпаса јиир бө-ө?

— Јиир. Анчада ла койдын эдинен эткен, јарымдай кадырып койгон колбасаны сүүп јат.

— А-а, коңьяк ичер бе-е?

— Коньяктан болгой, каресин де ичер. Карган жуучыл нени ичпеди деп турун? Айла, вьетнам улус ичи оорыза, ристен эткен водкала эмдеп јат. Бистин де водка јараар. Нөкөр полковниктин ичи оорып отурган болгодый — деп, Лазарь айдып ла туру.

Мен каткымды бадырып болбой: «И-и» — деп, онтоп ийдим.

— Уктын ба, нөкөр? Бис эмдеп ийер эдис, је акча јок. Пролетарский интернационализмди канайып көргүзер, бойын санан.

Каримнин чырайы јарый берди.

— Мен барып келейин. Мениле кожо кем барат?

— Мен, нөкөр, Карим,— деп, Лазарь айтты.

Олор чыга ла берерде, бис талганча каткырдыс. Торт ло тоолонуп јаттыс. Онон айдыштыс:

— Ойынды учына јетире ойноор.

Мен кийинип алдым. Менде военный јажыл штан ла јажыл китель бар болгон. Оны бир пограничник уулдан јайгыда алгам. Бистин јердин уулы. Тегин берген.

— Кийип жүр, земляк,— деген. Јакшы кижі. Чала кичинектен аксап турум. Акыр, кажы будым шыркалу эди? А-а, сол будым. Јодомдо таш ойо кескен сорбу кандый јакшы келиже берди.

Удабай Лазарь ла Карим колбаса, калаш, аракы тудунган торт ло жүгүргенче келдилер. Текпиште Лазарьдын үни угулат: «Нөкөр полковник шыралап јаткан болор!..»

Тегерик столды эбире отурып, аш-курсақты јайып ийдибис. Лазарь стаканды колына алып, өрө туруп, күнүрт этире јөткүрип ийеле, бир колыла калын кара чачын сыймап айтты:

— Нөкөрлөр, телекейлик жуулар токтобой јат. Кече Корея, бүгүн Вьетнам, эртен Лаос! Јайым качан да јенер. Дьен-Фу качан да ундылбас. Вьетнамнын ат-нерелү албатызы учун, онын жуучыл полковниги учун көдүрип ийели!

— Ады кем? — деп, Карим сурады.

— Нөкөр полковниктин адын эмди тура айдарга јарабас. Јажыт. Тартыжу божоголок. Вьетнамды эмди де јаан ченелтелер сакуп јат. Полковникти бис орустап Володя деп адап алганыс. Айдарда, полковник Володя учун!

Јыргал баштала берди. Куучын, каткы, кокыр. Уулдар

калангылары тынгыган сайын мени чала ундып брааттылар. Менин мынан да ары вьетнамец болор күүним келди. Мен чөөчөйимди алып, өрө туруп, чончойлорымды тырс этирип ийдим. Военный киж и андый болотон!

— Господа! Ой, жаманым таштагар, нөкөрлөр,— дедим.— Каргышту колониализмнин салтары менин де тилимде артып калган. Мен бу чөөчөйди наҗылык учун көдүрүп турум. Ончогор эзен жүрүгөр!

* * *

Отурзам, Эркемен ле Лазарь солыктаганча жеттилер:

— Күрүм, Каташ келген! Сергей Сергеевич Каташ. Жаңы ла телефон сокты,— деп, Лазарь манзаарып айтты.— Алты часта Лениннин адыла адалган библиоте-канын жанында, колонналардын ортозында, сакыырым деген. Мен ак макентошту, сары портфельдү, боро шляпалу, кол тайакту болорым деген. Макалу!

— Нези макалу?

Соксоо, аамай неме! Тойо ажанарыс! Билдин бе? — деп, Лазарь билинбей турды.— Ух, ичим аркама жаба өзүп калды ошкош.— Онон улу тынып, бажын серпип, кошты: — Качан бир Каташ чылап кийингейим не!

— Ух, торолгыш! Сен тойор эмезин. Опо! А кийим кайда барар ол! — деп, мен каткырдым.

— Мен Лазарь чылап капшай ажанатан болзом — деп, Эркемен айтты. Торт ло автомат, шал-шалт ла этсе — јок.

— Э-э, автомат ажанып отурганын кайдаг көрдин — дейле, Эркеменле экү күреже бердилер.— Арык та болзо, күрүмнин колдоры торт ло темир какпылар ошкош. Јо! Јо! Жилистый шилемир. Бу бастыра бойы кату учуктан бүткен болбой? Сеге «Москвич» машина табарза, кабыры-ла берер болор.

Алты час јууктап браадарда, Горькийдин оромыла базып ийдибис. Каташ бисти неле азырагай не?

— Сазон Саймович келерде, макалу јыргаган эди-бис — деп, Эркемен айтты.— Јети күннин ажаныжын ажанганыс.

Санаама эмди эс-бос кирет. Кыш. Партиянын он тогузынчы съезди. Гостиница «Москва». Сазон Саймович ол тушта јиит киж и. Бисти алдырып алала, азыраган. Литература, жүрүм, Туулу Алтайдагы солундар керегинде куучын болгон эди.

— Алтай слерди сакуп јат. Ёренигер, ёренигер, уулдар. Москвадан канча ла кирези кћп билгирлер аларга кичеенигер. Ёлгерлер ийигер. Кепке базарга болужарым — деп, Сазон Саймович айткан. Онон чындап та болушкан. Ажанар алдында бистин кажыска ла јус салковойдон акча берген. Кижиге уур ёйдћ јакшы эткен кижикачан да ундылбас.

Сергей Сергеевич Каташты ыраактан кћрћп ийдибис. Ак плашту, шляпалу, колында портфельдћ, аксандап базып туру. Торт ло јажытту јолыгышка келген ёскћ орооннын кайузынын аңылу кижизи ошкош. А бис? Кийимисти јазап тћзедип те алган болзобыс, је чаканчактарыбыс кћрћнерге једе берген эмтир. Неме шалт-шалт эдерде, тћмћн кћрдим. О кудай-май! Ботинкамнын бирћзи «оозын ачып ийген»! Кћрћм эртен тура ачылза кайдар! Эмикле де болзо, илиндирип алар эдим. Сергей Сергеевич озо ло баштап менин будым јаар кћрди. Мен будымды ёрћ кћдћрбей асфальтла шылырт-шылырт эттире јыжа салып, базып клееттим.

— Јакшылар ба, уулдар? — деп, Сергей Сергеевич бисти кћлћмзиренип уткыды. — Је ёредћ кандый? Јадын-јћрћм кандый?

Онон бир эмеш куучындажып турала, айтты:

— Је барып ажанып ийеликтер, уулдар, бу ла јуугында «Националь» деп ресторан бар. Баштапкы класстын. Кийим-тудумаар уйан эмтир, божотпос то болордон айабас. Ченежип кћрћлик. Неде не маат јок!

Је киндигине јетире ак сагалду швейцар Сергей Сергеевичи кћрћп ле ийеле, рестораннын јалтыраган эжигин кайра ачып ийди.

— Пожалуйста, добро пожаловать! Хм...

— Олор мениле кожо...

— Киригер, киригер. Хм.

Мен база ла будымды ёрћ кћдћрбей, калын кебистин ёстиле јылдырып, Каташты ээчиде јантындап бастым. Бисти кћргћн улус бу ончозы кандый аксак-бћксек немелер деп бодогон болор. Столго отурып ийдибис. Јенил тынып, будымды чћйћ тееп алдым. Бисти Сергей Сергеевич кандый кемјћле азыраганы санаама кирбейт. Јаңыс ла сан башка неме — кызыл аракы, онон сыра.

Мен эмди ончозын тууразынан, ёскћ кижичилеп, кћрћп јадым. Ол мен болгом бо? Олор бис болгоныс па? Бу ончозы јирме беш јыл мынан озо болгон. Ёй ёдћп јат. Бис те ёскћрип јадыбыс.

Ланып браадала, уулдарга айттым.

— Бисти Сергей Сергеевич база тыг ла кўндўледи. Торт ло аристократ. Байрон база аксак болгон. Је, јараш! Ой, уулдар, базар аргам јок. Ботинкамнын оозы там ла јаанап браады!

— Бу ла толыкка јет, анда армяниннин будказы бар — деп, Эркемен айтты.

Мен јыртык ботинкалу будымды чирей тееп бердим. Армянин бажын јайкап, вай-вай-вай деди. «Чō будем дилать?» Онон ботинкамды уштып береримде, јескине-јескине, алты-јети кадула илиндире кадап берди.

— Эртенге јетире чыдажар. Лезгинка да бийелезен алдырбас. Маладес!

* * *

Кўн ажып браады. Бис агаштардын ортозында сетка тартып алала, волейбол ойноп турубыс. Коштойында дачанын экинчи этажнынын кōзнōктōри ачык. Онон ики-линин коо, јараш ўни ажып брааткан кўннин узун чокторына тийеле, тыркырап тургандый кеен ле сўўнчилў јыгырап турат. Скрипканы чех уул ойноп јат. Мирослав. Аспирант. Мен онойып ойнотон болзом, ух. Бис је нени билерис? Икили — скрипкала ойноордон болгой, балалайка да согуп билбезис не. Лазарь балалайкала јамандыра ойноп јат.

Лазарь байбак кайыгнын тōзинде отурып алала, кандый да испанский кожоннын јангыс ла кўўзин кожо-ндойт. Ол испанец Аранала најылажып алган. Лазарь улусла сўрекеј тўрген таныжып, јууктажып ийетен, онон анайда ла ок тўрген ыражып калатан.

Аржан Адаров

КЕРЕЕС САМАРАЛАР

(Бир үөр тизүдөг алынган эске алыныштар)

«СУУНЫ КӨРБӨЙ JAДЫП, ӨДҮГИН УШТЫБА»

Кижинин үч санаазына кирбес, бу карыкчалду ла каткымчылу керек 1974 жылдын Кочкор айынын 24-чи күнинде болгон. Кышкы тенгеринин алдында кенете ле күкүрт-жалкын чылап, күзүрт эдип, чочыдулу жаңылга КПСС-тин ол өйдөги обкомынын ак туразынан баштала-ла, партиянын крайкомынын Барнаул городтогы кара туразына толкуланып, толголып једе конгон эмес беди!..

Эртен тура бойлорынын элбек, кеен, серүүн ле бу ок өйдө жылу кыптарында эп-эптү, јып-јымжагаш ширее-креслоларында чала соогын тартынгылап, коммунизмнин улу керектерине өлөрдин өлгөнчө бек ле кыйа баспас (чынын айткажын, озор кандый болгоны јүк ле 17 жыл-дын бажында, 1991 жылда, эл-јонго текши көрүнип ле јарлалып чыккан!) турумкайларын көргүскилеп, түни-түжи бой-бойлорын кетешкилеп, кажызы озо јастырып ла бүдүрилип, көңкөрө бар түжерин сакышкылап отурлаган. Мынайып тоомјылу кеп-сүрин тартынгылап отурганча, кенете кем де озордын учаларына изү темир јапшыра тудуп ийген чилеп, ончолоры өңдөс-сертес эткилеп кал-ды!.. Кайтты?!.. Өрө, бийиктеги Кремльден, кандый бир коркымчылу жаңылга томылып келди эмеш пе?.. Чындап та, КПСС-тин обкомынын кыптарында маракылап отур-гылаган бийлер кенете сертес эткилейле, ойто талымзыра-гылап, оп-соп түштилер...

Көк јарамас!.. Бу тон кышкыда күкүрт-јалкын кайдан, канайып томулды?! Айса, күкүрт-јалкын эмес, јер-айак силкинди эмеш пе?.. Је Алтай ичинде ар-бүткенис азийгы ла бойы амыр-энчү. Кар бүркеген арка-тууларыс ыжык ла тымык. Бу чуур-чуманак, бу тал-табыш сырагај өскө немедег улам башталган турбай.

Јер-телекеј үстинде сок жаңыс... сок жаңыс болгоны-нын үстине, ас тоолу алтай јоннын тилиле чыгып турган «Алтайдын чолмоны» газедисте база ийде-күч бар ла эмтир. Көжүүрлезе де бачым кыймыктангылабас, кып ла, чыт ла отургылап алган бийлерди бир уула креслолары-нан чайкалткылап турганда, кепке базылган сөстө ийде-күч јок деп кем ајдат эмеш.

Шак ла ол Кочкор айдын 24-чи күнинде, 1974 жылда, «Алтайдын чолмонында» «Литература ла искусство» деп адалган страница чыккан. Мында алтай литературанын өткөн уур жолдоры, бүгүңги онын айалгазы, жииттердин поэзиязы ла прозазы керегинде корреспонденттин сурактарына Эркемен Палкин, Лазарь Кокышев ле Шатра Шатинов каруу бергилеп јат. Бу ок страницада эки поэттин бой-бойлорына бичиген кокыр-шоодылганду эпиграммалары чыккан. Олорды эмди ойто катап кычыргылап көрзөгөр:

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВ — БОРИС УКАЧИНГЕ

Гениальный Укачин
Кефир ичип баштады.
Арткандарын јенерге
Аракызын таштады.

БОРИС УКАЧИН — ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВКЕ

Атту-чуулу Кокышев
Аракызын таштабайт.
«Алтын-Көлдi» айланып,
Айлы-јуртын ундып койт.

Бу ла. Артык неме јок, Јаан өзүмдү литератураларда бу јанжыгылу жанр. Бистин де алтай јоннын оос чүмдемелдеринде шак мындый сөгүштер бар. Темдектезе, бой-бойлорын удур-тедире сөгүшкен, челчелешкен, сөс блаашкан кожондорды алыгар. Шак ондый сөгүш-кожондор Улаган аймакта бар. Чокымдагажын, Калан деп кижинин абыстарды ла байларды шооткон сөгүш-кожондоры элбеде таркаган. Онон сөөк-сөөктөрдi челчелеген ле ченеген уткалар ла укаалар кайда... Је шак ол тушта кепке базылган бу эки эпиграмманын томылгазы тын ла болгон. Бу теп ле тегин ойын-коқырлу эпиграммаларга партиянын обкомынын бийлери кижи сананып таппас учур ла шүүлте бергендер.

Эртен тура экелген почтаны алып, «Алтайдын чолмонын» ача тарткан бойынча, партиянын Туулу Алтайдагы обкомынын качылары, бөлүктердин јаандары элден ле озо удур-тедир телефондошкондор, бой-бойлорынын шүүлтелерин угушкандар. Онон... онон кенете ле неге де коркыгылап, ажындыра ла кыйгырыжып, чынырыжып,

шыйкынактагылап, торт учында тыныш та тынгылап болбой, шымыражып баштагандар:

— Бу бистин төрөл обкомыбыстын газеди ине, нөкөрлөр!.. Обкомнын оокылу газедине мындый немени саларга жараар ба, нөкөрлөр?!

— Политика жанынан шак ла ол Кокышев ле Укачин неграмотный... чын, неграмотный эмтир.. Айла, поэттер... Тфу!..

— Бу алтай поэттер амайтый бертир!.. Бу ок страницада Шатра Шатинов түкү Орто Азияда тенип жүрген тербезен Чот Енчиновты «Алтай литературанын классиги» деп жарлап койгон. Уйалгылабай ла, ончолоры улуркагылап, классиктер болорго жат, а!.. Жок, жок, бу бистин поэттерди ноктолоор ло үйгендеер өй жеткен. Болор!.. Божогоны ла ол — болор!..

Куучын-эрмек жаскы суулар чылап, там ла көпчип ле көйлөп турды. Кенете менин айылымда телефон шынгырт эдерде, ала койзом, Лазарь Кокышевтин каткызы угулды:

— Же керектер кандый?.. Хэ-хэ.. Айлыма кел, мен жагыскан отурым. Обкомго алдырлаган. Жаңы ла оңон келдим... Сени алдыргылабаган ба?.. Санааркаба, сакып ал, алдырлар. Же кел. Обкомнон озо, меге кир. Керектер бар, хэ-хэ...

Мен онын айлына келдим. Узак эмес, бу ла жанында не. Бис Коммунист проспект ажыра, жол кечире, одоштедеш жадып турганыс.

Онын айлына келдим. Лазарь, та кыргыс нөкөрлөри, та узбек нөкөрлөри сыйлаган жолду-чоокыр халат кийип алган эмтир. Чырайына көрзөм, тын ла кунугып турган кирези билдирбейт.

— Хэ-хэ-хэ,— уужалып калган желбер ле быыраш кара чачын он колынын беш сабарыла кайра сыймап, ойто ло каткырат: — хэ-хэ... Же өт, куучын бар... Обкомго баратан болзон, озолодо опытымды айдып берейин...

— Же айт, ол меге керек болор... Нени айдыжат, не деп бурулагылайт?..

— Айдышкылап тургандарында, «антилер» ле «противтер» - ден көп неме жок. «Антипартийный», «антиполитический», оңон ары: «против дружбы народов» ло оңон до, оңон до ары... Же сен жалтанып, жана болбо. Темди менен ал, тескерлебей, удурлаш. Борис Күндүлеевич Алушкинин алдына бажырып-жалынып жада бердин, нажы... Поэт болзон, бажынды бийик тут!

— Ондодым — дедим, — түкү качан ойгор бүткен Омар Хайам бис экүдөг озо айдып койгон: — «Дермо-бок јигенче, торолоп өлзө торт» деп...

Јүзүн-башка кириш-чыгыш куучындар ла шымырттар партиянын крайкомына бу ла ок өйдө једе конгон. КПСС-тин обкомынын јүс айры тилдери, јүс башка кулактары ла көстөри нени ле эдип салбай. Бистин автоном областта бүгүн бир мындый антиполитический ле националистический түбек ачылды деп, тургуза ла телефондогылаган ине. Онын да учун крайкомнын идеология јанынан качызы нөкөр Александр Николаевич Невский — ай-канатту куштан түрген бери шунуп келгени бу туру.

Эки поэтин эпиграммалары ла Чот Енчиновты «алтай литературанын классиги» деп адаганынан улам эш кереги јок эрмек-куучын бир де эмеш селиребейт. Там ла көбүктелет, там ла көпчийт:

— Аракынын абына кирип калган немелер аполитичный болбой база. Аракы нени этпес, неге баштабас...

— А ологро не... ологро озо баштап гонорар, оног аракы... оног... оног јараш келиндер...

— Обкомнын качызы нөкөр Алушкин... бистин Борис Күндүлеевич идеологический ишти олордын ортозында өткүрип ле јат.

— А агитация ла пропаганда келтегейинен јандар: ол түкү Олег Николаевич Селянгин тужынан бери, эмди иштеп турган Константин Иванович Тишковко јетире бу бистин поэттерге, ол ло Кокышевке, ол ло Укачинге ас айткан ба, ас үреткен бе?..

— Чын, Чын... Је ологро канайып јартабаган, канайып оморды кыйнабаган. Нөкөр Никита Сергеевич Хрущев башкарып турган өйдө, шак ла ол Кокышев ле Укачин серүлткишке киргилеп, баштарынын түктерин де јулдай кестирткилеп турза, јалкыбас, јалынбас та кайткан, та не болгон көрмөстөр... Ич-буурларында тезиникпес јыландар киргилеп калган болбой...

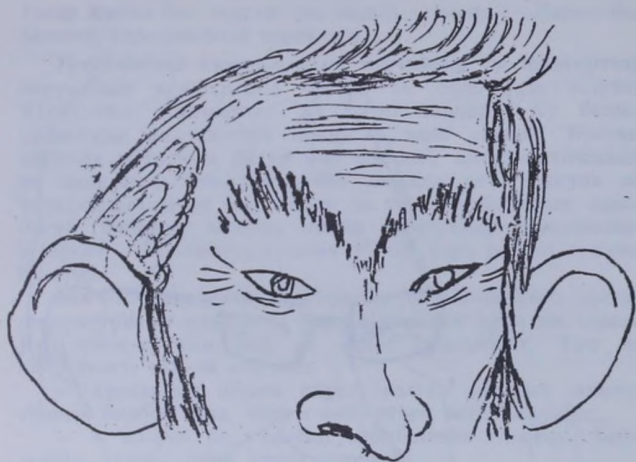
— Бери ук, нөкөр, партиянын обкомынын политиказын терен ондоп јүрген поэттер болзо, баштарынын түктерин де баалап турбай дезен...

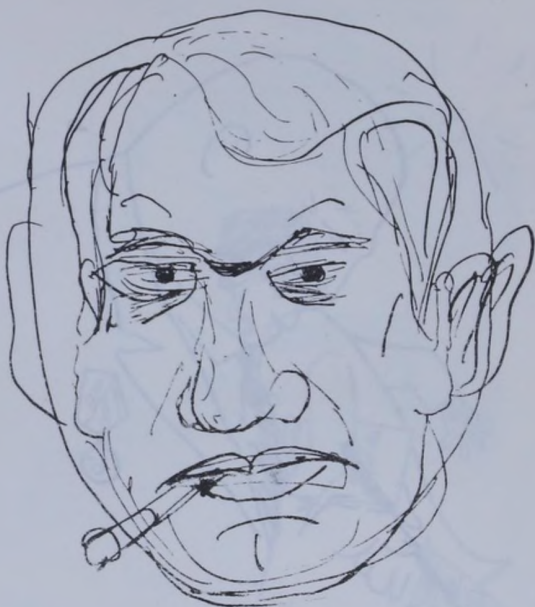
— Ол Барнаулдын, Новосибирсктин, Москванын, оног элбеде алза, ту Парижтин поэттери, бистин укмалдар чылап, кылынгылайт эмеш пе?..

— Париж дееринде, бейи ук, Париже, бистин төрөл

~~В. Д. Алексеев из д. Бора~~
Натюрморт Алексеева
с колбасой.

Мистер Косикуев
сын бывшего мэра нашего
любимого пьяного городка

С. Косикуев

Агаров в годы, когда писал статьи
на политические темы.

К Агарову, за отеческим советам...

*Паслей Самык
(в форме колониальных войск) в годы,
когда он работал над поэмой „Алжир“*

**Аржан
АДАРОВ**

**Эркэмен
ПАЛКИН**

Сазон СУРОЗАКОВ

Рисунок любимого поэта Б. Укачина.

Младшая дочь, Светлана (1)

старшая дочь,
Марина

Система защиты огорода В. Луцкого.
(Схему снял Майшинский лазутчик)

Но я как алтайский
писатель и побольше
не буду!!!
Какую наследия
раз астаны в своей
любимой партии...

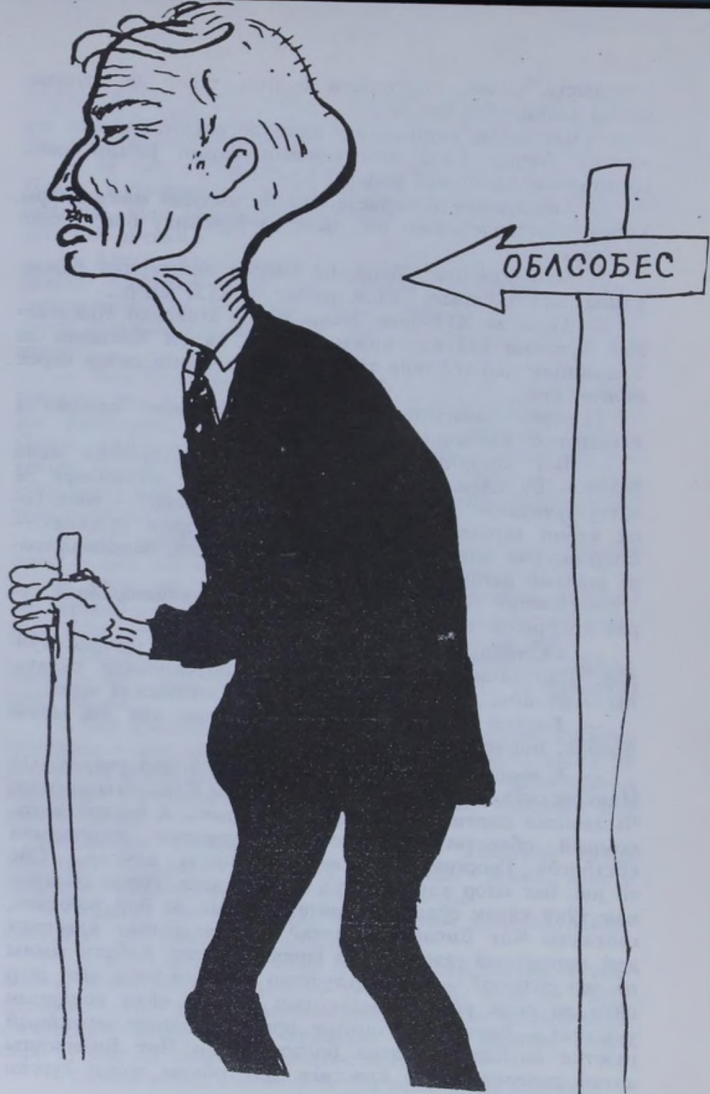

Старейшие деятели печатного дела
на прогулке.

Слева направо: персональный пенсионер А. Азаров
и его ближайший оподчиненник
Паслей Самойлов.

орооныста чылап, поэттерден болгой, тегин де улустын чачын кескилебей јат...

— Бат, айса, ондогы поэттерге ле алкаголиктерге тен макалу эмтир. Анда коммунизмге барып јаткан эмес, капитализм де, ондый болоры јарт.

— Коммунизм дежеристе, бис бу мындый мандайлары килен поэттерле кожо ого, шак ол јаркынду ѳйгѳ, једип болбозыс.

— Мен бодозом, нѳкѳр, бу бистин поэттердин бажы-учына барып, барып, байла, јангыс ла КГБ једер...

— Айла ол КГБ-нын јааны нѳкѳр Николай Николаевич Кузьмин кайткан киж. Ајчада ла ол Кокышев ле Укачиннин аай-тѳѳйине тѳкѳ ле качан чыгып салар керек болгон ине...

Телефон шыгырт ла... мен обкомнын идеология качызынын кыбында отурым.

— Бат «гений» келди — деп, нѳкѳр Алушкин мени ѳѳѳйт. — Бу слер качаннан бери ончогор «генийлер» ле «атту-чуулулар» болгылап калганыгар, уулдар? — меге соок кебин тартынып удур кѳрѳт. Колдорын уужанат. — Слер экѳнин эпиграммаларыгардан, уулдар, национализм ле јаарзып јытанат.

— Бистин эпиграммаларда бир де национальный сурак кѳдѳрилбеген эди...

— «Алтайдын чолмоны» — ол обкомнын органы, уулдар. Партийный газетке баштак эпиграммалар салатаны — ол анти... билип турун ба, антиполитический керек.

— Бистин эпиграммалар политикадан чик јок ыраак болбой, Борис Кѳндѳлеевич.

— А чындык поэттер, — политиктер болор учурлу. Ол Маяковскийди алыгар, эмди эзен јѳрген Сурковты алыгар. Чындаптан партиянын «подручныйлары»... А бистин автономный областтан Верховный Советтин депутадына кѳстѳлгѳн Георгий Мокеевич Марковты алыгар... Сѳс тѳ јок, бат олоор классиктер... А слер дезе, тѳрѳл облазынан тѳкѳ качан сѳрдѳртип ийген кандый да бир тербезен, сайгакчы Чот Енчиновты алтай литературанын классиги деп, партийный газет ажыра јарлап јадыгар. Албаты мыны не деп ондоор? — нѳкѳр Алушкин эрмегин ѳзѳп, мен јаар ойто ло соок кѳрѳп, чыданыгып болбой ойто колдорын уужанат. — Бистин обкомнын органы болгон партийный газетке анайда јарлалган болзо, ол ло Чот Енчиновты алтай литературанын классиги деп, обком чотоп турган

эмтир дежер... Бат слер кандый балкашты, кандый чочкочокты бистин партийный буттарыбыстын алды жаар мергедегилеп ийгенигер!..

— Же Чот Енчинов,— Чевалковтын, Чагат-Строевтин, Павел Кучияктын кийнинен чындап та жарлу ла жаан бичиичи. Мен бодозом, Шатыра Шатинов оны «классик» деп чын айткан...

— Алтай литературада классиктер кайдан келер ол! — Нөкөр Алушкин эрмегеме киришти.— Классиктер жаан литератураларда болотон... А Чот Енчинов классик болорго мындый жаан, мындый коркышту нени бичиген, нени эткен?!

— Чот Енчиновтын «Амырка», «Темир», «Алтай баатырлар» деп туужылары, «Ай-Тана» — деп пьесазы, тоозы жок үлгерлери, онын үстине кожон-үлгерлери кайда?.. Онын «Ай-канатту шонкорым» деп кожонун албаты текши кожондоп жат. Онын ок бичиген «Аргымак» — деп атту-чуулу кожонгыла эртен-энгир бистин автоном областтын радиозы ачылат...

— Жок, нөкөр Укачин, Чот Енчинов түңей ле классик эмес! — деп, обкомнын качызы кезем айтты.

— Айса, ого бойынын өйинде «Знак почета» орденди не берген? — деп, удур сурадым.— Партиянын обкомынын жөби жогынан ондый кайралды кем алатан эди...

— Орденди Чот Енчинов «культ личностьтын» өйинде алган — деп, обкомнын качызы та жартап, та актанып айда салды.

— Чот Енчинов алтай тилге Совет Союзтын Гимнин көчүргөн — деп, мен удур такыштым.— Жангыс Гимнди де көчүргени учун, ол — классик! Шатинов Чот-Константин Иванович Енчиновты алтай литературанын классиги деп чын бичиген!

Обкомнын качызы Совет Союзтын Гимнине удур канайып чыдажатан эди. Ол эрмегинин темин кенете өскөртүп, көндүрө ле менин бойыма көчти:

— Удабас сен бойынды, «Мен алтай литературанын классиги» деп жарлаарын арткан...

— А не,— деп, мен, байа Лазарь Кокышевтин айтканынча, поэт болгон бажымды түңзүйтпей, база ла удурлаштым.— Мен төрөл литературада классик болбозымды ажындыра билип, сезип, ырымдап койгон болзом, колго перо тутпас ла качан да бичибес эдим.

— Скромность... скромность деп неме кайда, уулдар?

— Кандый ондый көк төгүн скромность?!.. Ондый болзо, орус литературада Лев Николаевич Толстой, Достоевский, Пушкин, Лермонтов ло көп өскөлөри де бичиген дейле, онын бери жанында чыккылаган ла чыдагылаган өскө литераторлор нени де бичибейтен туру... Кем билер, айса болзо, эмдиги бичигилеп турган литераторлор ол ло Пушкиннен де, Толстойдон до артык жайап-бичип ийербис деп иженгилеп жат...

Обкомнын качызы бажын өрө көдүрип, мен дөөн кандый да кайкаганду ла электегендү көрүп, күлүмзиренип ийеле, колдорун жагып ийди:

— Бу поэттерде, чындап та айтса, уялар жүс те, коркор жүрек те бүтпеген эmdir...

— Орустан «нахалы» — дезеер деп, мен каткырдым.

— Шак анайда бодоорго келижип жат — деп, нөкөр Алушкин жөпсинеле, оной ойто соогун тартынып, мени ойто ченейт ле өчөйт: — Айдарда слерлер ончолорыгар классиктер болорго белетенгилеп жадыгар, а?.. Ондый болзо, слер удабас ол ту Новосибирск городто жаткан Чапыевти база алтай литературанын классиги деп жарлаятан эмитиригер...

— Бу чындаптан өчөлгөн. Мыны ол биле-тура айткан. Мени эрей соккон. Ненин учун дезе, Евгений (алтай ады Иженер) Модестович Чапыев менин таайым, энемнин агазы деп, Борис Күндүлеевич кайдан билбейтен ле укпайтан эди. Таайым эмди де алтай жоннын азыйгы историязын көрүп-шиндеп жат. Ол онойдо ок алтай албатынын кожондорун жаштан ала жакшы билип, билбегенин жууп, газеттерге жүзүн-башка темалар жанынан статьялар да бичип жат. Мынан озо, пенсияга чыккалакта, нациздателъствонун директоры да болгон. Бу ла «Алтайдын чолмоны» газеттин редакциязында узак жылдарга улай иштеп келген. Кыскарта айтса, литературала колбулу кижги. Онын да учун, обкомнын качызынын эмди мени каарып отурганы бу. Же таайымнын, Евгений Модестович Чапыевтин, жүрүминде ле эткен-бүдүрген ижиндеги бир тегиндү эмес учуралды нөкөр Алушкин та ундып койгон, та аяруга албаган. Шак ла ол эптү учуралды мен капшай ла сап тудунып, тургуза ла, изү тарыйла, аргаданбас аргам жок болгон:

— Борис Күндүлеевич, — дедим, — бистин бой-бойлорыбыска бичишкен эпиграммаларла, ол поэт Чот Енчиновты алтай литературанын классиги дегениле, Евгений

Модестович Чапыев кажы јанынан колбулу?.. Онын ады-
јолы бу учуралда калас адалды ошкош...

— Је ол база литератор эмес беди...

— А слер... слер бойыгар да, Борис Күндүлеевич,
школдо кожо үренип турар тужыста, база үлгерлер бичип,
керек дезе, орус тилден алтай тилге куучындар да
көчүрип туратан јок бедигер...

— Ол ундылып калган — деп, Борис Күндүлеевич
каткырат, — мен — классик эмес. Мен — эмди политик...

— Је менин таайым Евгений Модестович ле Слердин
ортогордо башказы — Чапыев элден ле озо, јиит чагында,
бастыра керектерин комсомолдон ло политикадан башта-
ган. Бу Слердин отурганыгардан бир текпишке бийик
отурган: Слер обкомнын үчүнчи качызы, а таайым дезе,
КПСС-тин бу ла обкомынын экинчи качызы болгон. Шак
ла бу турада, је мынан өскө кыптын ээзи болгон.
Айдарда...

— Билерим, оны каспа...

— Ондый болзо, Борис Күндүлеевич, «сууны көрбөй
јадып, өдүгин уштыба» — дежетен эди...

Кокышев ле менин челчежү эпиграммаларыстын,
Шатра Шатинов бойынын интервью-куучынында бичиичи
Чот Енчиновты алтай литературанын классиги деп айтка-
нынан бери ас эмес јылдар өтти. Кем кайда, кандый
текпиште турганы ла артатаны табынча там ла илееленип
келедири.

Быјыл Лазарь Васильевич Кокышевтин чыкканынан
бери алтан јылдыгы эмес болзо, шак оныла колбой
«Поэттин күлүмјизи» — деп кокыр-каткылу бу бичик
чыкпай јаткан болзо, мен ол удап калган кунукчалду
история-түүкүликти ойто катап бүгүн эске алынбас эдим.
Болгон керек болгон ло. Онон бачым үстине качып ла
јажынып болбозын... Санаа-сагыжыма ончозы ыраактан-
ыраактан эбелип келгенде, алтай јонымнын ойгор кеп-
сөзін ойто ло эске алынадым: «Сууны көрбөй јадып,
өдүгин уштыба...» Айса, мен јастырып ийдим эмеш пе?..

Элен-чакка эзен болзын.

* * *

Лазарь Васильевич Кокышев ле колбулу көп тоолу учу-
ралдардын база бирүзін эске алынып ийейин. Эрте јашта
јеткерден улам јада калган поэттин јүрүмине учурлалган

«Кереес самаралар» — деп текши бажалыкту бир үүр литературалык эссе-куучындар бичип жадым. Менин ондый куучындарым эки тенг: — алтай ла орус тилдерле бичилип јат. «Кереес самаралар» деп адалган тизү-үүрдин экүзин (бу мынызы орустап бичилген болор) кепке базып јатканымла коштой. бойынын ойинде Л. Кокышевтин меге чийген самараларынын бирүзи јылыйбай ла јыртылбай артып калганына сүүнип, ого јартамал јолдыктар бичип, «Поэтинг күлүмчизине» база кожун јатым.

База бир учурал: 1973 јылдын Чаган айында Горно-Алтайск городто «Алтай литературанын эмдиги бйдйг туура салбас сурактары» («Актуальные вопросы современной алтайской литературы») деген темага Бастырасоюз конференция болгон. Бу конференцияда мен башка-башка бичиичилердин јайаандык ижи, бедреништери, узы керегинде доклад-јетирү эткем. Бу докладты бичиирге белетенип тура мен Л. Кокышевтен «Тубаны» качан, канайып бичигени керегинде сурагам. Онын меге акту бойынын колыла бичип берген кереес сөстөрүн бу јуунтыга база кийдирип јарым.

...Эмди орустап бичилген эссе-куучын:

«СОПЕРНИК»

Живя и работая среди людей более тридцати лет в родной алтайской литературе, случилось быть свидетелем, слышать и знать немало смешных и курьезных моментов. Об одном из них мне хочется вспомнить сегодня и тем самым еще раз как-то попытаться предупредить высокопоставленных лиц, у которых в руках всемогущая власть, которым иной раз даже нипочем принятые и утвержденные государственные законы,— попытаться подсказать что ли,— чтобы такое «тихое» издевательство больше не повторялось в будущем. Но говорю-говорю я, пишу-пишу я об этих завистливо-тупоугоумных проявлениях власти всеимуших, но, тем не менее мне не верится, что подобные подвохи в будущем не повторятся...

Сам видел воочию и до сих пор хорошо помню, что в одно время перед самым входом в большой зал бывшего Горно-Алтайского облисполкома висели рисунки-портреты порокоистых быков, которых, очевидно, выращивают в од-

ном из хозяйств нашего скотоводческого края. Под одним из красочных портретов издали можно было прочесть, что кличка одного из быков «Поэт!..» Слово это было старательно выведено большими каллиграфическими буквами.

— На кого из поэтов Горного Алтая этот бык похож? — некоторые из проходящих мимо этого «шедевра», весело ухмылялись. — Кудри-завивки-то какие а?!. От моды-то не отстают, а?!.

— У нас такого упитанного и кучерявенького поэта, кажется, нет! — нарочито сомневались и хихикали в ответ одни...

— Как то есть нет! — тут же подхватывали и опять издеваячи возмущались другие, — Есть, есть один — точь-в-точь такой, — доказывали, как бы соревнуясь, кто из них лучше и точнее знает поэтов-земляков. — Наших алтайских стихотворцев, считающих себя П о э т а м и, при желании можно пересчитать по пальцам... Вспомните-ка, на кого из них действительно похож этот породистый?..

— У нас, пожалуй, нет таких могучих поэтов...

— А разве на местах бывают настоящие поэты?.. Настоящие-то поэты, как принято говорить, с божьим даром, ведь живут и работают в больших столицах: скажем, в Москве, Париже... А руки и умишки наших даже не доходят до столицы края — Барнаула или до Новосибирска. Словом, у большой птицы должны быть большие крылья.

— Вы хотите сказать, что у нас нет птицы сильного и высокого полета, вроде поднебесного орла...

— Пожалуй, так...

— А вот Лазарь Кокышев... Говорят, он очень талантлив...

— Вот-вот-вот, — вдруг обрадовался тот, который задавал другим загадку, мол, этот породистый бык на кого из поэтов Горного Алтая похож, — наконец-то, друг мой, ты приблизился к отгадке моей загадки. Лазарь Кокышев, — взгляни, еще раз на этот рисунок-красавчик, — такой же кучерявенький и... Нет, я свою сокровенную мысль лучше закончу одним очень мудрым изречением: любить хорошее вино, не значит держать его все время во рту. Смысл и тайну своей загадки, как ты только что услышал от меня и понял, я сам тебе добровольно подсказал и открыл, — он радостно расхохотался, похлопывая приятеля по плечу.

Словом, этот «поэт» из породы парнокопытных еще долго * красовался у входа в большой зал бывшего облисполкома, соперничая с живыми поэтами Горного Алтая, а в особенности с Лазарем Кокышевым. Никому и в голову не приходило, что это оскорбительно по отношению к литераторам, живущим и работающим под боком у того же облисполкома, как если бы другого быка или козла назвали Председателем...

— Председателем кого или чего?

— Как, кого и чего?! Конечно, тех же породистых быков или козлов... А Вы, что думали председателем облисполкома?..

Смешно и горько. Но было, было так. Факт. Надо признаться, что такого «соперника» самовольно не уберешь со стены. Не скинешь... Попробуй, скинь его, этого «соперника»... Как говорится, рога и копыта не найдешь...

Не говорит ли этот «яркий» пример о том, как власти нашей бывшей автономной области понимали высокую, благородную роль литературы и к тому же «родных поэтов» родного нам Горного Алтая... Но жизнь идет, и время идет, а слухи и сплетни умирают... Не забывайте, начальники-загадчики, помните, начальники-отгадчики о том, что жизнь коротка, а искусство вечно.

Прощайте.

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВТИНГ САМАРАЗЫ

Бу жүрүмимде мен Лазарь Васильевич Кокышевтен ас эмес самаралар алгам. Ол меге Москвада Литинститутта үренер тужында бичип туратан. Онон мен Ыраак Күнчыгышта черүде жүреримде, поэт Алтайдагы литература жанынан солундарды база улай ла жетиретен эди. Онын самараларын каруузы жогынан мен де арттырбайтам...

Кижн жаш болгон, тенек болгон, ончозын ойгортып ичкери көрбөгөн. Жүзүн-башка литераторлордон, бичиичилерден, нөкөрлөрдөн, көрүш-таныштардан алган самараларга ол тарый жаан учур бербеген ине. Алган, кычырган, кайда-бир салып эмезе кыстап койгон... Кезик учуралдарда: мында ла кычырган, ырткан, уужай тудала, таштап ийген. Кижн мөңкүлик эмес, айдып койгон сөс, арттырып салган чаазын мөңкүлик деп не сананбаган неме деер!.. Эмди орой... ончозы орой!.. Оны сананарга

ачу, айдарга уйатту!.. Бисте архиф-көмзө жууитан, оны че-
берлейтен таскаду јаштан ала болгон эмес, канайдар,
калак!

Менде эмди Эркемен Палкиннинг де, Аржан Ада-
ровтың да, Александр Ередеевтың де, Паслей Самыктың
да, Бронтой Бедюровтың да, Күүгей Төлөсовтың да,
Георгий Кондаковтың да, Сазон Суразаковтың да, Иван
Шодоевтың де, көп өскө дө поэтер ле прозаиктердин
ийген самараларының тоолу-тоолузы ла артып калган.
Көп сабазы эмди јок: чачылган, јылыйган. Кайткан неме
деер!.. Кандый ачу!..

Менин уулдарым, менин кийнимде өзүп-чыдап јаткан
јаш-үйе, слер онойдо этпегер. «Акча — чаазын, кижі —
алтын» — деп, Кокышевтин айтканын эске алыңгылап
јүрүгер. Онойдо ок, «Тамзыктап јууза, таар толор, калбак-
тап јууза, кап толор» — дегени, мен бодозом, јангыс ла ар-
јөөжөҗө, курсак-тамакка келижип турган эмес, кижинин
ич өзүминин, күүн-санаазының байлыгына база келижет.
Калганчыда, «Јаанның сөзин — јанчыкка сал» — дегенин
ундыбазабыс, артык база болбос эди. Је эмди Л. В. Кокы-
шевтин меге ийген самаразын кычырып көрөөли. Бу
самара 1966 јыл киреде, мен Москвада Литинституттың
төртинчи курсында тужымда, бичилген болгодый. Ненин
учун «...болгодый» дезе, Кокышевтин самаразының бой-
ында оны чийген јылы ла кўни темдектелбеген. А ненин
учун 1966 јылда деп бодоштырып турум дезе, онызы
самараның учында јартала берер.

Лазарь Кокышевтин бу меге ийген самаразында
кандый да калай кокыр бары керек дезе, оның адрес-
суруузында айдылганынан јарт көрүнет:

*Москва, К-104,
Тверской бульвар, 25,
Литинститут,
писателю и поэту
Б. Укачину*

Шак ла бу «писателю и поэту» — дегенинен кандый да
јенилчек кокыр ла өчөлгөн билдирет. Кижини Кокы-
шевтин «чымчый» алганы бу туру. Је конверттин ичинде
салынган јангыс страница тилбек чаазында, ол бойының
чокым, јараш чийижиле мынайда айдат:

«Укаалу карындажым Укачин!

Ук бери: «Октябрь бистин кожонгыста» деп жуунтыга үлгерлеринди качан ийерин? Орустап та, алтайлап та.

Ондо уулдарга база айт. Жаңыс ла үлгерлер керек.

Жуунты белен. Капшай салыгар. Сакып жадым... Горныйда коркышту соок.

Согушпай, нак жүреер, күрүмдер. Төөлөс лө сенин керектерин мында, төс жерде, угулып калган, эмди жаңыс ла келереерди сакыгылап жат.

«Огонёкко» стих чыгарала жагыгар, онон башка кату куучын болор, уулдар.

Бот ол ло. Бодонып жүреер, уулдар. Капшай салыгар. (Авиапочтала.)

7 күнге салбазагар, комиссия жектеп ийер. А комиссиянын капортозы ОК-нын улузы.

«Лазарь»

Бат мындый самара. Бу самаранын бичилген шылтагы — 1967 жылда Октябрьдын революциязынын туй ла бежен жылдыгыла колбой, издательство алтайлап «Октябрь бистин кожонгыста», орустап — «Октябрь в нашей песне» деп жуунтылар чыгарарына белетенип турганыла тудуш эмитир. Андый атту үлгерлик жуунтылар чындап та 1967 жылда кепке базылган. Л. В. Кокышев ол тушта автоном областтын издательствозында редактор болуп тура, бу жуунтыларды тургузарга керектү үлгерлер жууган. Эзенде кепке базылатан жуунтыларга киретен үлгерлерди ол бир жыл ажындыра жуунадып баштаганы быжу. Айдарда, меге келген бу самараны редактор-поэт 1966 жылда бичиген дезебис, чынга жуук болор.

...Өрөги айдылган эки жуунтыларды бүгүн ачып, соныркап көрзөм, олардын кажызында ла менин үлгерлерим ле ол өйлөрдө Москвада журтаган ла иштеген Евгений Елисеев деп поэт орус тилге көчүргөн «Мен кем?» — «Кто я такой» — деп, тапту жаан туужым кирген эмитир.

«Октябрь в нашей песне» — деген орус жуунтынын редакторы, Москвада ок журтап ла иштеп турган орус поэт, Юрий Гордиенко болтыр. Бу поэт-редактордын адазы Петр Яковлевич Гордиенко 1922 жылда, бистин Туулу Алтайда автоном область төзөлөрдө, партиянын обкомынын элден ле озо баштапкы качызына көстөлгөн. Айдарда, улу Октябрьдын бежен жылдыгына учурлалган жуунтынын редакторына жаш тужы бистин жерибисте өткөн орус поэт Юрий Петрович Гордиенко көстөлгөнинде база кандый да ангылу учур бар...

Бойынын самаразында Лазарь Васильевич, «Төөлөс лө сенин керектерин мында, төс жерде, угулып калган, эмди жангыс ла келереерди сакыгылап јат» — деп, чала кокырлаган ла каткылу бичийт... Төөлөс дегени јарт. Шак ол јылдарда эмдиги јарлу алтай бичиичи Күүгей Төлөсов база Москвада үренген... А Төөлөс лө менин та кандый керектеристи Лазарь Кокышев айдып турганын чат ла сананып таппадым. Јартын айткажын, «керектер» база болгон ло. Олордын та кажызын айдып турганын, эмди ондоорго күч...

Лазарь Кокышевтин бу менде арткан сок жангыс самаразынан айдары јок көп јылдар өткүрө, көп тоолу тушташтар, јорыкташтар, куучындар, жүрүмде болгон шыралар ла сүүнчилер ажыра, бүгүн меге поэттин тирү үни, каткызы, көрүжи, кокырлары — ончозы, ончозы ойто ло иле-јарт көрүнүп ле угулып келет...

Элен-чакка эзен болзын.

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВ БОЙЫНЫН «ТУБАЗЫ» КЕРЕГИНДЕ

1973 јылда, «Актуальные вопросы современной алтайской литературы» деген тема аайынча Горно-Алтайскта өткөн Бастырасоюз конференциянын жүзүн-башка докладтары ла јетирүлери алдынан башка јуунты болуп, эки јылдын бажында, 1975 јылда, кепке базылып чыккан. Бу чыккан өмөлик бичикте көп тоолу билимчилердин, критик-сөгүшчилердин, литературоведтердин иштеринин ортозында менин айткан шүүлтем база бар. Ол «Творческая лаборатория писателя» — деп адалган.

Бу мындай јетирү эдердин алдында, мен көп тоолу бичиичилерге баштанып, бойлорынын кандый бир үлгерин, туујызын, куучынын, повезин, романын канайып, кандый айалгада баштаганы, тапканы, учына чыкканы керегинде айдып берзин деп сурагам.

Доклад-јетирүни мен орустап эткем. Байла, онын да учун «Туба» деп туујызын канайып бичигени керегинде бойынын шүүлте-ченемелин Лазарь Кокышев база орустап бичиген. Эмди бу, поэттин бойынын акту колыла бичигени, слердин көстөригердин алдына ачылат:

Туба

«Автор хотя отлично знал характер, быт и труд

тубаларов, но писал это произведение в течение нескольких лет.

Началом этого произведения был прежде всего ритм. Верно найденный ритм, соответствующий живому характеру будущих героев, ритм времени, ритм революции.

Войдя в этот ритмический хаос, автор выбрал единственный ритм, отвечающий общему строю и духу самой поэмы.

Началом всей поэмы было личное наблюдение автора, как Туба торговал орехами на базаре. Прежде всего, конечно, меня поразил бойкий и живой характер героя. Его народный язык, юмор, все его движение и т. д.

Сначала автор написал о нем небольшое юмористическое стихотворение, которое было напечатано в газете, но затем, спустя некоторое время, это небольшое стихотворение переросло у автора в большое эпическое произведение... »

...Алтай кычыраачылар ортозында айдыжы јоктон элбеде јарлу ла атту-чуулу «Туба» деп туујызы керегинде автордын бойынын меге айтканы ла бичигени бу. Је мыны мендей-шиндей, узак сананбай, отура ла тўшкен бойынча, бир ле тынышла поэттин бичип ийгени иле билдирет. Мен бойым көргөм: чып ла чын ондый болгон. Бис экү залда коштой отурган болгоныс. «Тубаны» канайып бичигени келтегейинен онон сураарымда ла (удабастан ла меге јетирү эдер сөс берилетен болгон), Лазарь Васильевич ак чаазынды тизезинде јаткан папказынын ўстине салып, мында ла түрген-түкей бичий тартып ийеле,— «је тур, бар, айт — деп каткырган,— мени јара мактап ий...».

Поэт Лазарь Кокышевтин литературада эткен иштери, једип алган једимдери, онын алтай литературада болгоны, арттырып салган терен ле арчылбас изи — ончозы бистин алтай јоннын, онын текши культуразынын энчизи. Кокышевтин айдып-бичип, арттырып салган сөзи ле акту бойынын кижиге болгон учуры јылдар сайын там ла улусты соныркадат. Айса болзо, поэттин «Туба» деп туујызы керегинде акту бойынын колыла бичиген бу да мендештү айдыныш, бу да сөстөр јангы үйеге, јангы кычыраачыларга солун болордон маат јок?..

Элен-чакка эзен болзын.

Борис Укачин

КҰН ЖАРКЫНДУ ЖҮРЕКТҰ ПОЭТ

Лазарь Кокышев! Бу ат ак санаалу алтай эл-калыкта агару поэзиянын сұр-кебеделі болуп калды. Онын куулгазын кожондорына алтай кижинин эн ле терен сыс-комыдалы да, эн ардак-омок то санаа-сезимдери, кей-кебизин кейтигени де, алдамыжы да — ончо ло журуктары, будуктары бар. Же поэт жүрүмде сүреен жаан артист, кокырчы кижі болгон. Оны эбиреде улус жуулза, каткы-кокыр, сүүнчи жіркирей ле берер. Көстөрінде сүмелү ле жалакай көрнөө отторлу, көкси терен-терен ойлу эт-жүрегінде улусты чалып, жылыдып турар кижі. Ол күч өйлөрдө эбиреде эл-калыкты ойгор күлүмжі-кокырыла эмдеген, өрө көдүрген, кижі эткен. Эмді кычыраачыларга бир канча кокырлар элтертип ийели.

* * *

Бир катап жайгыда Лазарь Васильевич узак көрүнбей барган. Айдышты: эмеенинин јерин дөөн, Украинага, барган деп. Мен ол тушта Аржанла экү бичик басмада. Директор Аржан Адаровко ло меге бир күн Л. Кокышевтен самаралар келди. Бистин мактулу поэт — онын бичигениле болзо — Кара талай жаказында күнге күйүп, эжинип, амыранып турган эмтир. Бир канча өйдин бажында культура башкартузы жааны Фридрих Леонидович Таушканов меге кенерте телефон шыгыратты. «Сен ненин учун бойынды нескромно тудун жадын? Улуркактын маниязыла оорый берген бе?» — деди. Жарташкан кийинде уккажын, менин адымнан культура башкартузына самара барыптыр. Оны ачала көргөжин, ак чаазында чадыр айыл јуралыптыр. Ыстинде мындый сөстөр бичилиптир: «Памятники культуры охраняются государством!» Айылдын эжигинин ыстинде мындый сөстөр бар: «В этом аиле впервые встретился молодой поэт Паслей Самык с будущей своей женой Вероникой Тюмерековой-Самыковой».

Мактулу поэт Каспага жайгыда тойго барып жүреле, узак айылдап жүрүп калган. Онын анда эжелери де бар, Каспанын улузы күндүзек, ойын-кожон, кокыр сүүр улус. Туура јердеги журт, эбиреде ар-бүткен кеп-кеен ине. Алтай улустын ачык жүрегинин керсүзин не деп айдар. Бир канча өйдин бажында айлына телефон согорымда, эш-

нөкөри Ольга Андреевна меге каткырган айасту критика салды. «Василий дезе мени анда таштап ийген, мени улус айылдарына айылдаткан ла айылдаткан. Эмди төжөккө жадала, көзим јумуп ла ийзем, үй улустын чөй-өө-чөй-өө кожондогон кожондоры угула ла берер». Јараш јайдын өйинде чечектин сүдинин чегенинен бүткен ачу ашла керсү кижини буурзак улус күндүлеген туру. Онон туштаарымда, Лазарь айтты: «Тойдын кийнинде экинчи бе, үчинчи бе күнде эртен тура ойгонып келзем, эбиреде бир беш-јети кирелү күлүмзиренген алтай уулдар тургулары. Мен калак-кокий, водканы ичпейин, эзирер болорым дееримде, уулдар мотоциклга отурып сурт ла эделе, бир ле көрзөм, алдыма јети шил шампан тургускылап ийди. Онон ол уулдардын башчызы, Борис Тадинов (эмдиги артист Вениамин Тадиновтын адазы) шампанды Лазарьга, аракыларды уулдарга уруп,— сүүнчи эмес сүүнчи, каткы эмес каткы. Албатынын эн ле сүүген поэди келген — јаан байрам. Бир де чүмденбес, чүмеркебес киж. Чек кайкамчык ине!» Борис Тадинов јаан тиштери кажайып, негр ошкош күлүмјизиле оозы-јүзиле күлүмзиренип, каткырып, мынай ла айдар дийт.

Шабалиннинг чайный
Шалт эдетен күрчөктү.
Белен курсак јок болзо,
Перерыв деп шылтакту.

«Слер, Лазарь Васильевич, кан-дый тын кр-р-ритический киж!» Поэттин сөстөрине уулдар тала каткыда, маказырашта эмтир. «Кандый критический киж» деп сөстөргө Лазарь тала каткыда эмтир. Уулдар онын талантливый болгонын кайкаганын, поэтический чеченин мынайда мактап турган ине.

* * *

Онон Лазарь, көөркий керсү поэдис, улустан артар эмес, олорло кожо бригадага өлөң обоолоп барган эмтир. Обоочылар ол күн кандый кокырлар укпаан эмеш. Ол күннен Каспада мындый кокыр артып калган. Обооны салып, иш божогон кийнинде, Лазарь обоонын мандайы тужынан эмеш ырап алала, шыкап көрүп турган эмтир. Кере түжине поэттин кокырларына арай талып калбаан уулдар сакый берген, акыр эмди нени айдар эмеш. Лазарь

айткан эмитир: «Уулдар, обоордын образы бу јанын дөөн эмеш јантык эмитир» деп. Уулдар мыны угала, јерге јадала арай тоолонбогодый каткырган эмитир. Бичикчи уулдар билер ине: школдо литератураны үренерде, Пушкинниң «Евгений Онегин» деп романында тös геройлордын образы, Фадеевтиң «Јиит гвардия» деп романында јиит гвардиячылардын образы бар. Је Каспада Кызылгат деп јерде эки арал ортозында актагы обоо образту болгонын — оны кем билген. Ёстине ол образ — бир келтейин дөөн јантык ине.

* * *

Бичик басмада узак өйгө Лазарыла кожо иштеген улустың айткандарынан.

Ол тушта басманың директоры Екатерина Григорьевна Мултуева болгон эмитир. Күнүн ле көрөр болзо, обед јеткелекте, Лазарьдын пиджагы стулдын белинде илип койгон турар, бойы јок. Бир канча өйдин бажында једип келзе, директор сурайтан эмитир:

— Батазын, бу мындый узак өйгө сен, Лазарь Васильевич, кайда барып келип туразын? Байа ла база, базардын чайныында уулдарла сыралап турган болдын.

— Мен, Екатерина Григорьевна, анализ мочи табыштырып тургам.

— Кудай ла кудай, а бу сен оорып турган болзон, ооруны запускать эттин. Табыштыр ла, арган бедреп эмден ле...

Оноң база ла көргөжин, пиджакты «иштедип» койоло, јарлу јиит поэт, модный уул јок ло болуп калар.

Оноң директор редакторына туштайла, сураптыр:

— Лазарь Васильевич, а бу сен анализти качан түгезе табыштыратан? Бу кандый мындый учы јок неме бу?

Лазарь карууны мынайда јандырган эмитир:

— Екатерина Григорьевна, слер ондозоор до, кечеги моча ол кечеги моча ине, а башкүнги — ол башкүнги.

Екатерина Григорьевна, мынын кийнинде сүмелү күлүмзиренеле, айткан эмитир:

— Је табыштыратан јанду неме болзо, табыштыр ла тургайын. Эмденип турган кижини јаргылаар эмес.

Мынын кийнинде ол Лазарь — поэт киж — кезикте энчикпей иште јок болуп калза, ол оны сурулап бедиребейтен эмитир. Алтай јамылулар ортодо ол до кату өйдө көгүстү улус учурап турбай аа...

Экинчи учурал. Ол тушта басмада Аржан Адаров директор, Лазарь редактор болгон. Директордын эжигинде приемныйда машинистка Марта Михайловна Макошева отуруп иштейтен.

Кенете бир күн эртен тура бир 10 саат киреде Лазарь Васильевич директор Владимир Оинчинович Адаровтын кабинетинен чыга конуп, үнденип баштаган эмтир. Мында ол орустап куучынданган:

— Надоело! Никаким авторитетом не пользуюсь! Немедленно подаю заявление и ухожу в отставку! Уже час работаю директором издательства, но никто меня не уважает. Так честному человеку работать нельзя!

Көргөжин, Владимир Оинчинович кече Лазарьла эрмектежеле, оны ордына арттыргызала, эниргери грузовиктү жорыктап жүре берген, Лазарьга одын экелетен болгон. Лазарь көөркий эртеледе ишке келеле, директордын кабинетинде араай иштенип отурган эмтир. Бу керек жарталган кийинде — улуска канча кире каткы, соот, сүйүнчи!

Күн ошкош жаркынду, от-жалбыш чечен сөстү алтай поэт Лазарь Кокышевтин агару адын, ак-чегин чеберлеп, алкап, алып жүрели, кайран алтай калык.

Паслей Самык

САГЫЖЫМА КИРЕТ

1967 жылдын жайы. Арык-торык семирген, энке-тонко ой.

Мен Литинституттын экинчи курсын божодоло, энетөрөл Экинурыма жанып келгем. Эртезинде ле «Малчынын байрамы». Бу ла күнде Экинурга Лазарь Васильевич айылдап келген. Мынын учун бистин айылда бир кичинек күндү-күрее боло берген.

Лазарь Васильевич быыраш чачту бажын жантыйтып, кожогын чөйип ийди: «Казым, казым, кайда учадын, канадын төзин чыладып?»

Эжик ачылып, Артушев Жалаа деп кергил сөөктү өрөкөн кирип келди. Ол бу журт ичинде «эдер-тудар эп,

эптеер-чыгар јөп айдар» тоомјылу улустардын бирүзи. Бастыра јүрүминде Алтыгы-Тешкен деп јерде уй кабырган, төшкө толтыра ордендер-медальдар алган, кайыркакка толтыра грамоталар алган кижі. Беш уул, бир кыс азыраган. Балдары да мал ижинде, Артушевтердин династиязы деп макталган, Артушевтер эмди де иштегенче. Там тамырлана өзүп, тазылдана таркап калган. Јалаа өрөкөн «јана» берген. Ол Алтыгы-Тешкенде эмди Алексей деп уулы уй кабырат.

Јалаа өгөөн солун кижиле јакшылашты. Кожонгын укты, укты. Онон мен јаар болды.

— Бу, бу, бу Көкүшөп деп кижі бу ба?

— Эйе.

— Чып ла чын Көкүшөп бойы ба?

— Эйе, эйе.

— Ондый болзо, мен эмеенимди экелип, бу кижини ого көргүзетем.

Мен нени айдарым — күлүмзирендим.

Јалаа өгөөн чыга берди. Анча-мынча болуп, чындап та, эмеени-эжин ээчиткенче келди. Көзнөк төөн кылчас этсем, абралу келген улус эмтир. Балдардын энезинин ады — Тензе. Ол буттан чала уян кижі. Јалаала кожо бастыра јүрүминде уй кабырган, Јалаанын балдарын, онын бойын «кабырган». Ол өрөкөн эмди де бар. Эмди де узаак-узак јүрзин.

— Көр, көр! — деп, Јалаа өгөөн эмеенине баштанып, шил кабагын тургусты. — Көкүшөп деп кижі бу болор. Мен оны јаан кижі болор деп бодогом. Јаш кижі туруине. Бистин Тарылгабыс ла кире...

Јалаа өгөөн бойы да сүрекей кожончы, кокырчы, көөрөнкөй кижі болгон. Каа-јаада јылдыстар јаар көрүп тургулаар. Олор экүнин кожонгы угулар болор бо.

Москванан Барнаулга база ла учуп түштим. Залда ыраакта түлкү бычкак бөрүк көрүнди. Јүрексиреп једип барзам, Лазарь Васильевич эмтир. Мени көрөлө, јаркырада каткырды.

— Алты ла салкобой — деди.

Ол меге јолыкса ла, колын карманына сугала, акча чыгаратан. Бир көрзө эки-үч салковой — ого кожор керек. Кезикте көрзө, јирме-одус болор. Менде, студентте, акча кайдан келзин.

Вокзалдын экинчи кадында ресторан бар болгон. Алты салковой ого чүрчеде ле жап болуп калды.

Лазарь Васильевич жанып бараткан эмтир. Самоледыс жангыс боло берди. Же самоледыс учпады. Ол бого жаан санааркабады. Эртең де учпай деди. Коңор тура бардыс. Кармандарыс кактап туруп, төлөп ийдис.

Кере түжине ле куучындаштыс, бастыс. Вокзалдын тыштында столовый бар, оңон ажанып алдыс: каша — тогус акча, чай — эки акча, калаш...

Эртегизинде самоледыс, качажып, база учпады. Канайдар, база кондыс. Куучындаштыс ла куучындаштыс. Бастыс ла бастыс. Столовыйга барып кел турдыс: эт жок суп — он эки акча. Чай — эки акча, калаш...

Лазарь Васильевич Кара талайдын жарады жаар амырап барып жаткан кижиге болтыр. Жолой Новосибирскти табарган. Оңдо нөкөрлөрине жолуккан. Ол ло көөрөп-көкип, биледин карманынан чыгарып, көргүзүп турганча, билеттин акча-сетказы үзүлүп калтыр. Мынын учун оны самолетко албаган. Жангы билетке акча жетпес. Мынын учун жанып бараткан эмтир.

— Ыбаш,— дейт.— Сен Ольга Андреевнага мени Москванан эчидип алдым де.

— А не?

— Үрелген акча келижип калзын.

Самолет база учпады. Билеттеристи табыштырдыс. Кажыбыс ла он эки салковойлу бай улус боло бердис. Вокзалга келеле, Бийскке жетире поездке отурдыс. Оңон ары — керек десе — такси алала, Улалуга жедип келдис.

Лазарь Васильевич таксинен чыкпайт.

— Сен, Ыбаш, айландыра көрүп ий.

Эңир кирип калган, кем де жок болды.

Ол төртинчи катта квартиразына жүгүргенче чыкты.

Ольга Андреевнанын көстөри чагыла жаандай берди.

— Лазарь?! Бу чын эмеш пе? Не болгон?

— Сени санап калдым — деп, ол үйин кучактады, окшоды.— Жанып келгеним кандый жакшы. Москвада Ыбаш жүри. Кожо жанар күүним келди.

Ольга Андреевна жымжап, күлүмзиренди.

— Кижиге кышкыда Кара талайдын жарадында нени эдер. Жанар дедим. Отуруп бичинедим. Жирме төрт күн — мений! Кайдөөн дө чыкпазым. Мени мында деп кем де билбес.

— Чын, чын — деп, Ольга Андреевна жөпсинди.—

Москвада жүреле, менин төрөөндөрүмө кирдин бе?

— Акказы жок айылчыны төрөөндөр кайтсын.

— Эйе. Бу да айтканын чын. Бичин, бичин. Не керек — экелип берип турарым. Шил де болзо...

Мен коноло, издательствого келдим. Аржан Ойынчинович Адаров, Эркемен Матынович Палкин, Борис Укачинович Укачин отургылары.

Аржан Ойынчинович сан өрө айлаткыштап көрди:

— Лазарь эмди Кара талайдын жарадыла канай телчип базып жүрү не...

Кезекке тымып калдыс.

— Та ла та — деп, Эркемен Матынович күлүмзиренип, база ла сан өрө көрди.— Новосибирсктин балкашту көлине ле бадалбаган болзо...

— Базып ла жүргөн болбой...— деп, мен коштым.

Јана бердим. Эмил агаш болгожын элен чакка бүр түжүрбес, эдил күүги болгожын элен чакка үн серитпес, эне болгон Экинурга једип бардым. Уда-ап туруп, ойто ло Улалу келдим. Лазарь Васильевич айлына туйуктана отуруп, «потполжнын тараканы» болуп, иштенген эмтир. Је јирме төрт күнди јетире чыдажып отуруп болбогон дешкиледі. Та канчанчы да күнде «бир шилини алала, тамажына салала, тап берип ийели» деп, Паслей Самыкка чыгып барыптыр.

Јыбаш Каинчин

БУ КУУЛГАЗЫНДУ ТЕЛЕКЕЙ

Ол керегинде көпти айдарга јараар. Онын кажы ла куучыны пародиялар. Ондо ондый куучындар — јаңыс кижинин спектакльдары көп болгон. Олордын кажызы ла башка, бой-бойына түнгей эмес, бастыразын коштырып ийзе — Кокышевтин курчынын, чеченинин чечектери, чедирген-јалбыжы.

Кычыраачылардын алдына туруп куучындашканда, олорло түргөн колбу тударга, сөс алыжарга ого онын актер болгон јайалтазы болушкан. Онын да учун улус оны сүреен сүүгилейтен. Онызы кайда ла, качан да болгон.

Поэттин куучындарында кокыр-комыттан башка кандый бир кижинин кандый бир кылыгын чек ле чыгара

айдып ийген турар. Ол куучындардан улус ла базып
jүрген улустын сүр-кеберин көрөтөн:

Чот Кыдрашевтин — улуркагын...

Сергей Сергеевич Каташтын — советский болгонын...

Екатерина Григорьевна Мултуеванын — жаантайын ла
немеге санааркап jүретенин...

Иван Васильевич Шодоевтин — мендебес, табылузын...

Борис Укачиннин — кыдырмагын...

50—60 жылдарда...

Ол тушта ончозынан жарык онын ады күйүп баштаган.
Тирүде поэт Туулу Алтайдын жаркындалган ады болуп,
божогон кийинде онын оморкодузы болуп арткан.

Алтай литературада жайалталар ол өйлөрдө ас эмес
болгон. Аржан Адаров, Эркемен Палкин, Борис Укачин,
Паслей Самык, Бронтой Бедюров, Ыбаш Каинчин... Эйе,
көп жайалталар, же Кокышевке једери јок. Эмди де онын
поэзиязынын ла прозазынын куулгазын ийдезине кем
тендежер?

Кокышевтин аңылу жайааны, жайалтазы оны өткөнип
бичигендерге онон бийик болор јол бербеген. Чын,
өткөнип бичигендери көп, же өткөнгөни ол ичкери өзүмге
јаан јол эмес.

Бүгүн мен Л. Кокышевтин бичимелдеринде чүмдү
күү болгоны керегинде айдарга турум. Онын бичигенинин
кажы ла сөзинде, эрмегинде аңылу күүн бар. Бичигенин
кычырзан, ол кичинек тужында көп-көп алтай жаңарларды
укканы билдирет. Јиит тужында поэт Алтын-Көл кере-
гинде кожонды сүреен јарадып угуп, јакшы күүн-санаалу
болзо, оны кожондоп туратаны санаама кирет.

Москвада үренип турала ол кезик орус кожондорды
сүүй берген. Анчада ла «Однозвучно гремит колокольчик»
деген кожонды эмеш калаңыда не аайлу кожондойтон.

Лазарь кожондоор тужында бажын келтейиндөбөн чала
энкейтип, кожоннын күүзине тыңдаланып отуратан. Өскө
укту албатылардын кожондорынын јарагандарын ол база
јаантайын кожондоп jүретен.

Валерий Чичинов

— Мен өбөгөним керегинде ас эмес куучындагам. Же андый да болзо, канайып танышканысты, канайып журт төзөгөнисти билер ле киж и билер.

Мен, 22 жашту јиит кыс, 1958 јылда культуранын Москвадагы институтын божодып, Туулу Алтайга иштеп келгем. Ол өйдө облысполкомнын культура башкартузынын јааны болуп С. С. Каташ иштеген.

Мында ишке кирери, канайып иштеери аайынча куучын түгенген соондо, Сергей Сергеевич мени Туулу Алтайдын јиит поэтеринин јангы чүмдемелдериле таныштырган эди. Ол јылда Лазарьдын «Тубазы» чыккан. «Тубанын» кадарында быјыраш чачту, кеберкек чырайлу јиит кижинин јуругы салынган. С. С. Каташ мынайып, јайалталу јииттин јүрүмин, ижин меге бир эмештен эбелтип ле турганча, эжик калт-малт эдип, бир јиит киж и кирип келген. Ол Лазарь болгон.

Бистин танышканыс ол ло күннен башталган деп айдарга јараар. Ол тушта Лазарьдын ады-јолы область тергеезинин өзөгин ээлеп, торгыла берген өй эди. Ёстине бойдон бош киж и болзын. Јартын айтса, ол Москвада үй кижилү болгон эмтир. Ол келин Туулу Алтайдөөн келерге мойножып ийерде, Лазарь јангыскан келген. Онын да учун ады-јолы јарлу поэт кемле кожо јүрүп, кандый кысты үйдежип турганы улустын тилинде јүретен.

Ол тушта Лазарьга Нина Крылова деп кыс көс салган эди. (Чындап та, андый быјыраш чачту алтай уулдан кыстар санаазын канайып ычкынбайтан эди.) Ол өйлөрдө Лазарь та «Алтайдын чолмонында», та бичиктер чыгаруда (издательство) иштеп турган, сагыжыма јакшы кирбейт. Же кажы ла күн чайлаштын өйинде Лазарь меге телефон согуп туратан. Мынайып, баштактанып-ойноштоп турганынын шылтагы — ол менен кандый бир орус сөсти канайда чын бичиирин сураары болгон. Бат, мындый ла сураштардын бажында, бис театрға барар боло бергенис. Онон ол мени үйдежер...

1958 јылдын күзінде башталган керек јангырган јылдын кандык айына јетире улалган эди. Анайып, бу айдын 11-чи күнинде, мен Лазарьдын айлыдөөн көчө бергем. 18-чи күнде дезе тойлоп-јыргап салдыбыс.

1960 јылдын чага айында баштапкы балабысты Мари-наны тапканыс.

— Жаманымды таштагар. Же текши ээжи аайынча журтка барган киж и апшыйагынын өбөкөзин алынатан эмес беди. Өбөкөгөр ненин учун Кокышева эмес?

— Бойымнын угым деген билимимди бойым да аайлабай жадым (каткырат). Энем украин, адам доннын казагы. Өбөкөм белорустардан алынган (Ольга Андреевна өбөкөзин энези аайынча бичидип жат). Ады-жолым орус укту, Светлана кызым алтай кижиден, Лазарь Василь-свичтен. Эмди бойыгар көрүгөр. Өгөөнимнин фамилиязын ненин учун алынбагам? Бис Марина чыкканча айыл-журт тутканысты керелеген бичик жок жатканыс. Ол керек анайып ла бош салынып, анайда артып калган. Кажы ла кижиде мен деген күүн база бар. Мен деп киж и бойым ла болуп артарга сананган турум. Бу экинчи шылтак.

Ольга Андреевна Саввиц — поэттин эш-нөкөри. Амыралтада. Тургуза өйдө ГАССР дин Өрөги Совединде албаты-депутаттар тудар выборлор өткүрөр республикан камыстын качызы

♦ * *

— Бир бүдүрилгени — жүс бүдүрилген, бир айттырганы жажына айттыратан эмитир. Сок жангыс карындажым эзен жүргөн болзо, эртен-сонзыннан ого 60 жаш толор эди. Же алтай-кудайдан берилген салымы андый болгондо канайдар оны. Лазарь божоп каларда бу Алтайды бир эдип, бар-жок көспөкчилерди, камдарды, жарлыкчыларды эбирген эдим. Олордын кажызына ла жеткемде, Лазарь бу жарыктан бойынын салымыла ыраган деп айдышкандар. Кудай ол бойынын өлүмиле эмес, жеткерден, кижинин колынан божоор деп жайаган эмитир.

Лазарь сүрекей жалакай киж и болгон. Оны бир ле эмеш мекелеп ийзен, мекенин абына алдыртып жүре берер. Же бир ийдине тийип, кедерлеже берзе, турган жеринен оны кыймыктадып албазын. Бат, андый киж и болгон.

Темдектезе, ол төрт пө, беш пе жашту болордо, адам оног сураган эмитир: «Сен кемнин балазы, адангын ба, эмезе энегнин бе?» Лазарь дезе көп сананбай энемнин деген. Адам оны «адазынын балазы болзын» деп чат ла

«сөстөп» албай, кедерлеже берген уулын эжиктин ары жанына тургузып салган. Же бир эмеш өйдиг бажында адам Лазарьга ол ок сурагыла баштанарда, ол бойынын күүн-санаазын кубултпаган. Онон өчөжө берген Лазарьды турага кирзин деерде, ол там ары барган. Кедер кижиге эмей... Онын мындый кылык-жанын бир кезек улус жакшы билип, Лазарьга удураткан жерде керектеринде тузаланган да болор. Карындажым эзенде тужында айтыртып жүргөн. Жамыда отурган төрөөн-тугаандары да онын жүрүмүнө буудак эткен. Не ле болгон.

Бис ого кереес тургузар деп айдыжып та турган болзобус, же жаандар ол до бойы бир де кыймык этпейт. Мен жамылуларга бир де жалынбазым. Лазарьды албатынын сүүген поэди деп айдыжат. Же алтай эл-жон оны чын сүүген, оныла чын оморкогон болзо, кереести тургузып салар. Онызын албаты көрөтөн туру.

Лазарьдын сок жангыс кызы бар. Же ол до көөркий биске тартылбай жат. Тен каа-жаада айылга кирип-чыгатын болзо болор эди. Светлана айылга кирерден болгой, кайда-куйдан менле тушташканда ыраактан ла карыжа берет. Байла, эмдиги өйдиг бала-барказы андый.

*Анастасия Васильевна Чендекова —
поэттин эжеси*

* * *

— Мен Москвадагы Литературный институтка 1948 жылда киреле, 1952 жылда божотком. Ол өйлөрдө бери Лазарь Васильевич Кокышевти билерим. Ол Хакас жеринде эки катап болгон. Баштапкы катап А. Адаровло, Э. Палкинле кожо келип жүргөн. Ончобыс кандый да журтка барып жүргенис деп санаама кирет. Ол тушта бу журтта эки бала ак-жарыкка туулган деп, эжем айдып келген эди — бирүзи кыс, экинчиси уул. Айылчыларга жан аайынча жангы чыккан балдарга ат адап берзин деп айткандар. Нөкөрлөрүм «Лазарь бу жанынан башка кижиге» деп айдышкан. Кыс баланы суунын адыла Урсула деп адаган. Эмди ол кыс жаанап калган. Экинчизин Эркемен деп айдала, «мен — эрке» деп көчүрүп ийерде, хакастарга сүреен жараган. Экинчи катап ол Хакасияга менин чыккан кунимде келип жүргөн эди. Ол тушта 50 жажымды

темдектегем. Онон бери 20 жыл өдүп калды. Быжыл 70 жажымды больницада өткүрип жадым. Качан чыгаргылар, жарты жок.

20 жыл кайра дезе Кокышевтин келерин сакыбагам. Мен сценада отургам. Кенетийин залда отурган улус күйбүрей берген. Чачакту алтай бөрүк кийип алган Кокышев 'трибунага чыгып, алтай тилге «50 жажынга мендегем» — деп айдат. Аэропорттон көндүрө театрга келген эмтир. Онон орус тилге көчүп, кокырлап, куучынын онон ары уалатты. Бу кылык-жаңы бистин улуска база жараган. Ол байрам Алтайда база өдүп жат, алтай нөкөрлөрин сенин чыккан күнингди база темдектеп жат деп айткан. Онойып ол менин ады-чуумды көдүрерге сананган. Байрам, чындап та, текши албатылык болуп калган.

Экинчи күнде бис Бейа районго ууланганыс. Бисле кожо бир бөлүк артисттер жолго база жазангылаган эди. Олор менин «Всходы» деп пьесамды көргүзөргө апаргылаган. Лазарь ончо улусла тил табып туратан. Тува АССР-дын ады жарлу артизи Вера Петровна Чеботареваны көрөргө амадаган. Вера Петровна «Ах, Аба эзен болгон болзо» деген. Кийинде Кокышев: «Ондый улус болбогон болзо, Совет жан да болбос эди» — деп айткан. Качан бирде «Аба эзен болгон болзо» деп куучын бичиirim».

Бир катап бис спектакльдан аштаган-суузаган келген эдис. Ол бисти калаш-тусла уткыган. Кайдан да чарандар тудала, бүткүл казанга кайнадып салган. Чөөчөйлөжип, кожондоп отурганыс. Ол биске кунугарга бербейтен. Сүрекей күндүзек ле буурзак кижиге болгон. Мен онын бу жаңын Туулу Алтайда жорыктап турала база айкап көргөм. Шабалинде бир уул жанымга отуруп алала, айткан: «Тирү классиктерден ол бисте сок жаңыскан». «Аринаны» кычырганаар ба? Алтай романды?»..

Мен оны 20 жылга жуук билер болгом. Москвада бичиичилердин съездинде де туштажып турганыс. Өскө улуска көрө, ол бойын бош салбайтан. Кандый да улустын ортозында омок-сеген, кокырлаган жүрөтөн. Кезик алтай бичиичилерде шак мынызы жетпей жат. Эки кижиге, Лазарь ла Эркемен, төп санаалу улус, олор бойлорун тудунып билетен эрлер болгон. Алтай уулдар бой-бойлорыла жаантайын нак. Кезикте ас тоолу калыктарда тумчук көдүрери бар. Бир кичинек једимдер башты айландырып та ийет. Лазарьда ондый неме болбо-

гон. Мен баштапкы алтай романның авторы деп бир де айтпайтан. Ол пьеса бичиирге сүүйтен. Олор Новосибирскте А. Китайникле кожо жүрерде, жолуккам. Лазарь айткан: «Сениң «Айулу кобы» деп пьесаңа түңей пьеса бичиирге турум. Эм тура жүк ле кичинек үзүктери бар. Бичийле сеге ийип ийерим, ол эмезе кожо көрүп ийерис».

Туулу Алтайда поэзия кем жок кеминде. Жайалталу көп уулдар бар. Алтайда болорымда, меге мындый сурак бергендер: «Алтай литературага слердин көрүмигер кандый? Кемди баштапкы жерде көрүп жадыгар?» Каруузын мынайда жандыргам: «Эмди слердин бичиичилер, спортчылар чылап, кросс табыштырып, бир тизимде барып жадылар. Озо келген кижини албаты бойы айдар».

Бир тушта бис јеристе хакас литератураның ла искусствоның онкүндүгин өткүрерге сананган эдис. Менде Кадын керегинде «Хараа Кадун чаразында» деп үлгер бар. Мен оны алтай бичиичилерге берип ийген эдим. Эмди Кадында ГЭС тударга жадылар. Кадынды көрүп, агажы жыдыган, балыгы жылыган Саяндагы ГЭС-ле түңдештирип, мындый јараш јер качан да јоголбозын деп айдарга турум. Эң јакшы јерлер сууның алдына барар ине.

Алтай албаты улу поэдин жылыткан. Ол албатынын кан-тамыры, согулган жүреги ле ак-санаазы болгон. Качан кайда-кайда килемји керегинде куучын уксам, мен Лазарь Васильевич Кокышевти эске алынадым...

Хакас бичиичи Михаил Еремеевич
Кильчичаковтың эске алынганынан
Нина Михайловна Киндикова 1989 ј.
27 ноябрьда Абаканда жүреле бичип
алган.

НӨКӨРИМ КЕРЕГИНДЕ СӨС

1949 јылда мен Кан-Оозы аймакта Экинурдын јети-жылдык үредүлү школын үренип божодоло, сегизинчи класска үренерге Шабалинге келгем. Ол тушта мында орус ла алтай класстарлу он класска јетире үренер школ, интернат болгон. Бу интернатка жадып, јангыс ла Шабалин аймактың эмес, Ондой до аймактың јурттарынан келген балдар үренгендер.

Менин чыккан, өскөн аймагым Шабалин, онын учун мени өскө-башка аймактан келдин деп кем де айтпаган. Ого үзеери мен 1941 жылда тоолу күндөрдүн туркунына бежинчи класста бу школдо үренгем. Кезик үредүчилер: А. С. Челтугашева, Е. В. Тарсамаева, Н. А. Кучигашева мени билетен болгондор. Олор ол тушта мында иштегендер. Мен ол өйдө бого үренерге Жаан-Чаргыдан келгем. Же жуунун кату өйинде үренер арга жок болуп, школды таштаарга келишкен.

Жуунун кийиндеги жылдарда интернатта айалга жакшы — кийиндирип те турар, азырал да жакшы — үренер арга жеткилинче болгон.

Мында үренбеген, өскө аймактан келген кижиге күскиде үренерге жуулган балдар ончозы таныш эмес болды. Ол тушта сегизинчи класска үренерге келген балдар көп эмес — он эки ле кизи болгоныс. Онын учун жуук таныжарга көп өй керек болбогон.

Мен баштап ла Онос-Бажынан келген Яныканов Леонидле танышкам. Онын адазы ла менин адам жуудан озо Жаан-Чаргыда кожо иштегендер. Онын адазы журт Советтин, менин адам десе колхозтын председатели болгон.

Экү најылажып, жангыс партага отуруп үренгенис. Бис экүдин бу најылажыс узакка улалган. Школды кожо божотконус, институтта жаба үренгенис, черүде кожо служить эткенис. Жангыс ла кожо иштеерге келишпеген.

Ол тушта Кумжулунын мен деп, быжыраш кара чачту, байалгак сынду, чоктый кара көстү, кеберкек чырайлу уулчак бисле кожо үренген. Ол уулчак кийинде адычуузы жарлу писатель Лазарь Кокышев болгон.

Ол тушта Лазарь үлгерлер де чүмдебеген, куучындар да бичибеген. Карикатура журуктар журап туратан. Эмди мен Лазарь Кокышевтин карикатура журуктар жураары ла бичичинин баштапкы алтамдары канайып башталганы керегинде эки учурал айдайын.

Төртөнинчи жылдарда партийный жуундар болзо докладта кемди-кемди критикалаза эмеже жуунда куучын айткандар кандый бир кижинин ижинде једикпестерди темдектезе ондо айдылган улусты карикатура эдип журайла, жуун өдүп турган өйдө коридордын стенелерине илип койотондор. Улус залдан перерывка чыгып келзе, жуунда критикалаткан улустын журуктары стенедө болотон. Бу журуктардын јанында каткы јызырап, экинчи жуун башта-

латан. Мынча кирези журуктарды жураарга эки-жангыс кижинин күчи жетпези јарт, ого бир канча журукчылар туружатандар. Ол жылдарда Шабалинде өткөн жуундардын журукчыларынын бирүзи Лазарь болгон. Ол тегин жуундардан болгой, аймактын партийный конференцияларынын да ижинде турушкан.

Кийнинде мен Лазарьдын нөкөрлөрүн жураган көп, көп журуктарын көргөм. Олордын художественный јанынан чокымынан, коркышту курч кокырынан бодогондо Шабалинде жураган журуктары ого јаан камаанын јетирген болор.

Лазарь школдын стенеге илер газединин редколлегиязынын члени болуп, үренчиктер керегинде көп карикатуралар жураган.

Бир катап ол бир канча журуктар журайла «Крокодил» журналга ийген. Јаан удабай, журналдан мындыј каруу келген: «Сен журук жураары јанынан јайалталу уулчак эмтирин. Је эмди тургуза журуктарыңды «Крокодилде» кепке базып чыгарарга арай эрте. Онын учун бис сеге школдын стенедеги газедине эрчимдү турушсын деп күүнзеп турус. Бойыңнан чөкөбө, айса болзо, кийнинде сенин журуктарың бистин журналда јарлалар».

Мен эмди сананзам, шак бу письмону бичиген кижы ыраакка көргөн, Лазарьдын кокыр журук жураар узун ажындыра билген болор. Онын учун ол јада калган кийнинде үч журугы «Крокодилде» јарлалганы учурал эмес. Мындыј болоры ол ыраак төртөнинчи жылдарда Шабалинде үренип турарда билдирген.

Лазарь ол өйдөрдө јангыс ла карикатуралар эмес, кинонын афишаларын да бичип, онын журуктарын журап туратан. Ол тушта акча бар эмес, Лазарь афишаларды акча төлөбөй кино көрөргө бичийтен.

Ол өйдө Шабалиннин школында литературный кружок то иштебеген, үренчиктерден кем де үлгер, куучын да бичибеген. Је бир катап Лазарь бойынын литературада јайалтазын көчүриште көрөргө сананган. Онын алтай тилге көчүрип баштаганы А. М. Горькийдин «Челкаш» деп куучыны болгон.

Качан да неме көчүрбеген кижиге бу баштапкы көчүриш јенил болбогоны јарт. Ол јарт эмес сөстөрдү үредүчилерден сурап туратан. Көчүриш эки-јангыс недеде эмес, узак болгон. Школдон келеле, урокторын мендештү белетеп, көчүришти баштайтан. Ол тушта бистин јаткан

кыпта бичинетен сок жаңыс стол болгон. Ого ончобус жаңыс уунда батпай, кезиктерис бичингенде арткандарыс орындарыска отурала, кычырып отуратаныс. Лазарьдын орынынын жанында тумбочка болгон, ол ого ло бичинип отуратан. Ол тушта эмдигизиндий электричество бар эмес, жаткан кыбыста сок жаңыс лампа болгон. Онын учун энирде бичинерге жарыткыш база једишпейтен. Лазарьга көп саба учуралдарда бис уйуктап калган тужыста, амыраар күндерде бичинерге келишкен. Онын творческий иштеги турумкайы ол до тушта билдирген. Бис бир уйкуны алынала ойгонып келзебис, Лазарь бичинип отуратан. Кийинде мен Лазарьдын канча күндердин туркунына айлынан чыкпай түнге-түшке бичинип турганын көрүп, ол тушта «Челкашты» канай көчүргенин эске алынатам. Лазарь творческий иште коркышту турумкай, кандый бир немени баштап алза, учына јетирбегенче өрө көрбөй иштенетен болгон. Онын да учун ол иштеп тура, кыска өйдин туркунына андый көп произведениелер бичиген. Ончо кирези ишти бүдүрерге жаңыс ла јайалта эмес, је иште јаан турумкай керек, андый турумкай ондо болгон.

Кезикте оны көрзөн нени де этпей, нени де сананбай, өйлөрди ойын-кокырла өткүрип јүри деп бодоорын. Јок, ол өйди качан да калас өткүрбейтен. Ол кандый ла өйдө келер өйдө нени бичиирин сананып јүретен. Андый эмес болгон болзо, ол отура ла түшкен кийинде нени де бичип албас эди.

«Челкашты» алтай тилге көчүреле, бир канча тетрадь-тарга бичип, Горно-Алтайсктын бичиктер чыгарар издательствозына ийген. Тоолу өйлөр өткөн кийинде издательстводон каруу келген: «Күндүлү нөкөр Кокышев. Слер А. Горькийдин «Челкаш» деп куучынын тегин јерге көчүреле, ийиптиригер. Ол куучын алтай тилге туку качан көчүрилип калган. Издательствого нени, нени эдерге турган кижі ажындыра јөптөжип алар учурлу. Эткен ижигер темей болуп калган учун биске өөркөбөгөр».

Ол тушта Лазарь издательстволо колбу тургузарын билбези јолду. Ненин учун дезе, онын бичигени газетте де јарлалбаган өй болгон. Онын эн баштапкы үлгерлери беженинчи јылдар башталып турарда «Алтайдын чолмоны» газеттин «Амыргы» деп литературный страницаларында јарлалып туратан.

Л. Кокышевтин поэзиядагы баштапкы алтамдары

«Амыргыдан» башталган болзо, прозазы «Челкаштан» башталган деп сананып жүредим. «Челкашты» көчүрип, ол бойынын творческий ийде-күчин болгоп көргөн. Онон ол көчүриштен болгой, бойы да бичип ийерин сескен. Ондый сезимел, бойына бойы бүдүмжи жогынан кандый ла керекте жөнү алатан арга жок.

Л. Кокышев эзен-амыр жүрген болзо, быжыл 60 жашту болор эди. Бичиичинин жүрүминде бу жаан жаш эмес. Сырагай ла терен шүүлтелү произведениелер бичийтен ой. Бис кандый жайалталу бичиичибисти жылыйтканысты, алтай албатынын литературазына кандый жаан коромжы болгонын сананып, жүрегим жаантайын ла сыстап жүрет.

Улужай Садыков

Енчинова Наталья

ЭРЈИНЕДИЙ ПОЭДИС

Быжылгы жылды Слердин дежет,
Уткып турус кару поэдис.
Ажулар арузын, Алтайыс серүүнин
Амадап Слерге бис экелдис.

Айдып койгон сөзигер ундыбай,
Алып ла жүрер күүнис бар,
Алтай тилисти сүүрге артатпай,
База биске кем жакып айдар?

Ундыбай жүрерис укаалу сөзөөрди
Улуска Слерди айдып жүредис.
Чындыкты сүүрис, Слер ле чилеп,
Чичкерип те турза, бистин жүрүмис.

Сүүжисти, күүнисти Слерле тендеерис,
Күнүн ле Слерди бис сананарыс,
Өскө албаты учына артпаска
Оморкоп Слердин адаарды адаарыс.

Чеберлеп жүрерис айткан сөзөөрди,
Чек тударыс баскан жереерди.
Ырызын берген, жүрүмди сүүген
Эрте ыраган эрјинедий поэдис.

КАРУ ПОЭДИСТИ САНАНЫП...

Кокышевтин кокырларын бойым да көп катап уккам, онын жуук нөкөрлөри де көйлөдип-көөрөп айдатан.

Мен бир катап Москва барып жадала, Челябинсктин аэропортына тууярай бергем бе кандый, бир сөслө, самоледыннаг артып калдым. Чемоданым самолетло кожо уча берген. Ондо менин комтюмым, колбичиктерим болгон. Бу ончозы табылбай каларда, ачузына чыдабай, нөкөрлөримниг көзине агыдып-агыдып ийдим:

— Бичип алган романымды самолетко таппай калдым.

— Гениальный ла бичиичилер романдарын жылытатан эди. Сен база олор дөөн жууктарга турган ба?.. Бу канча страница неме? — деп, Лазарь күлүмзиренет.

— Је бар ла — деп, көзим де јумбай айда салдым.

Мен ол тушта кыскачак куучындар, миниатюралар бичийтем.

— Бир төртөн страница болор бо? — деп, Лазарь катап ла күлүмзиренет.

— Арбын, арбын ла — дедим.

— Төртөн страницалу романды жаңыс Төлөсов бичип көргөн... Төгүнденип билбес болзон, көп төөрөбөй, магазин жүгүр...

Москвада кожо үренген Эркемен, Аржаннын куучындарынан кижинин ичи база тыдылар. Эркемен куучындап отуратан эди:

— Бир катап та осетин бе айса армянин бе нөкөриле кожо Аржан шахмат ойногон. Аржан чала јендиртип барадарда, тууразында ойын көрүп турган Лазарь кожо-ндоочы кижиге болуп, Адаровко болужып баштаган. Тем-дектезе, чала бого жуук.

Учинчи јолдогы ак солдатла
Карайлаган кара адына табарт...
Каанынды (королынды) капшай качыр,
Ийиндеринде чолмонду (офицерлер) немелер
Јолын туйуктап бараат...
Ой, Алтайым, Алтайым...
Ады чыккан, Аржаным...
Алмыс-јелмисти јегип ал.

Аржанла кожо ойноп отурганы чала сезинип, кыжырантып чыкты:

— Вы нам мешаєте играть. Прошу не петь?..

— А что? Интернациональную песню запрещено петь? — деп, Лазарь бажын жайкап, күлүмзиренет.

Мынайда кожонбыла болушкан да болзо, учында Аржан жендиртип жадала, Лазарьга тап эткен:

— Не туда поешь, браток... вы все против меня, да? — дейле, ал-камык «черүзін» шахматный доскадан эжип ийген.

...Бичикке бичибейтен, туура кижининг көзине айтпайтан кокыр-каткылары канча кире болгон эди. Эмди андый каткымчылу учуралдарды эске алынып, жаңыскан отуруп, тойо каткырып та аларын.

... Мен бу эки үлгерди Лазарь Васильевичти жоксынып, жамандыра жөрмөгөн эдим.

ТҮШ ЈЕРИМДЕ

(Л. В. Кокышевде тушташканым керегинде)

Ба-чаа, бу түш деп немени!

Бадын ла бат, шилтини оны!

Эжинип те турарын, учуп та жүрерин...

Учы-учында, байла, жүүлер де болорын.

А не деп база? Бу калганчы өйлөрдө

Көзим ле жумзам, көргөним — өлгөндөр...

Ойгонып келзем — суудагы ла тал.

Кыйыжып калбаама — баш ла бол!

...Ол јерде айла

Чала жалтанып:

Бу Лазарь Васильевич

Канай тирилген деп...

Быжыраш чачы серпилип,

Бу ла кел јат Кокышев.

Озогы ла бойы эмей:

Омок-седен каткырып.

А мен дезе койонзып,
Чала эмеш тууралап:
— Бу слер бе, Васильич?..
Бүдере кандый күч!

— Айлу-күндү алтайда
Кандый жүреер, карындаштар?
Кичинек кару городто
Эмди кандый солундар?

— Кару акабыс, Васильич,
Канай ончозын тоолойын.
Жүүлердин берјанда
Жүрүп жадыс жаантайын.

— Уккам, слерде демократия...
Айдынарга макалду!
Антарылган деген бюрократия...
Бистинг уулдар коркышту.

— Бажаарды тыртыйтып,
Каткырбазаар, акабыс.
Каарып та айтсагар,
Канайдарыс бис.

— Экинчилик революцияда
Революционер болзоор, уулдар!
Жайым демократия келерде,
Жалтанбас болзоор, уулдар!

...Жүрегиме түкүртип,
Жүрбеен болзом тирүде,
Жүрүмнинг ээн жарадына
Артпас эдим качан да.

Беш сабарлар биригип,
Болор эди јудурук.
Бюрократияга ол тушта
Једижер эди чукурук.

Өткөн неме өткөн лө.
Өйдөң өчти кем алар...
Кичинек бу городыста
База кандый табыш бар?

— Тургакту өйгө туттуруп,
Тура калган эмтирис.
Брежневке түкүрип,
Түймөп жады орооныс.

— Бий кижиле беришпей,
Бери жанын сананзан.
Маршалга умзанбай,
Малчыларыңа ууланзан.

Маршалдын умчы балдары
База кайда барды деп?
Бу ла кичинек городында
Бурум эмей кайтты деп.

«Плюрализм» деп сөс айдып,
Бүгүн олор бөтүктөр.
А кертеге жадып басканда,
Кечеги ле брежневтер.

Подсостын бозуларын
Мойынчыла тудуп болбозын.
Өскө галстук кий алза,
Өлзөң дө таныбазын.

— ...Политикалык сөзөөргө
Бажым оорыйт, Васильич...
Слерге памятник тургузарга
Сандрап жүрү Тордоич.

— Сала берген бойымды
Санан жүргенеер ол жакшы.
Же аргазы жок слерге
Эпжоксынат бу киж.

«Аркыт» деген туујымда
Айткан эдим алдында:
Көөркийим менин жокту да
Көк торко меге не керек.
Албатым менин жокту да
Ак торко меге не керек...

Же андый да болзо, најылар,
Айдып салар күүним бар:

Седен башту Себиге
Сөөгимди не јуубадаар?..

Комыдап мен кайдайын
Тегин, тегин айдадым.
«Кокышев» деген оромоор
Кайда эди, таппадым.

— Арга јогыс бил тура
Ачынбазаар, акабыс.
Перестройканын өйинде
Бистин болор јенүбис!

КАРГАН ТУБАНЫНГ СӨЗИ

Јаман-јуман санаалар
Мондошкылайт көгүсте.
Јулдай-малдай кабыжып,
Јуулажардын берјанда.

...Балкажынды јаскалта
Баскан эдим, Улалу.
Баштан ашкан жүрүмге
Сүүнген эдим, Улалу.

«Јаргак тоным јардымда
Сендий тагма јурунда...»
Полицейле согужып,
Айткан эдим алдында.

Бала јыдын эндетпей,
Баштактандын ба, Улалу?
Айса шаңын согот по
Көгүсте не түймеендү?

«Кижиге — алтын, акча — чаазын...»
Сайыркарзын эм толтыра.
Тееркеер өй јок туру
Дефицитте бастыра.

«Кокышев» деген оромын
Кайда эди — таппадым ју.

Толыкта турган Улагашка
Жолыгала — чочыдым ју.

Албатынын уулдары
Аскын-тоскын болгон бо?
Ой, Улалуум, Улалуум,
Уйат биске эмес пе?

...Метроло типилдеп,
Јер алдына түшпейзин.
Неон отторды түженип,
Сен канчазын јадарзын?

Оолочторын качан да
Куртуйактарла сертежер.
Калма-кузугын саткылап,
Канказынын ыжы буркураар.

...Чий балкажын чейилип,
Ундылып калдын, Улалу.
Уур бетонды јабынзан да
Сен качан да мее кару.

ОНЫҢ КОКЫРЛАРЫН ЭСКЕ АЛАДЫМ

Мен Шебалин аймакта Акјол јуртта чыккам ла өскөм. Улу јуу-чак тужында ондо ок үренип ле иштегем. Качан јуу-чак божоордо, бистерди, он бир кижини, Шебалиннинг орто үредүлү школына үренерге ийгендер. Бис анда интернатта јатканыс.

Бот ол ло өйдө Лазарь база үренерге келген. Быјыраш чачту кап-кара шулмус уулчак ончозына јарап, онын кокырларына јир ле каткыда туратаныс. Не ле болуп шулмустанып, немец кийим јазап ийеле, энирде балдардын ортозында немец офицер болуп турар. Бойы ачык-јарык, качан да согушпас та, керишпес те болгон.

Бистинг интернат аймактын јаан оромында, тракттын жаказында турган. Столовыйы терен подвалда, оноор түжетен текпиштери сүрекей кадалгак. Эмеш ле јастык-сан оноор күлүрей берерин.

Бир катап бистер школдонг келеле, ажанарга түшкиледис. Ол тушта аяк-калбак та јок болгон. Бистер базардан балкаштан эткен аяктар садып алала, ого аш-курсак урдуруп ичетен болгоныс. Анда бир Миша деп уул супты урдуруп алала, бойынын комнатазына ажанарга текпишти өрө чыгарга ла турарда, Лазарь «кезер» сан төмөн јуунаган аяс түжүп келеткен. Кенетийин онын јыланаш буды Мишанын аяагына кире конды. Ол уул Лазарьга тап эдип јүреле айтты:

— Ой уул, бу сенин будын менин аяагыма кирди бе, јок по?

— Менин будым оосту-тиштү эмес, сенин аяагына нени јиирге киретен. Јок, јок, уул. Тегин јерге јобобо.

Онойдо Миша комнатазына келеле, байагы бут кирген супты тойо ло шөлиредип алган эди. Бис кийнинде Мишаны канча катап электеп каткырбадыс деер.

Је онойдо үренип, эмди город келдис. Ол тушта рабфак болгон. Је мен оноң пединститутта подкласс ачыларда, ого келип үрендим. Оноң кижиге барала, иштеп баштадым. Ол тушта Лазарь национальный школды божодып, Москва јаар писательдердин институтына үренип барды. Адаров, Палкин, Кокышев үренип божоткон кийнинде Укачин, Самык, Шатинов, Ередеев, Төлөсов ло өскөлөри де үренгилеген эди. Олор ол институтты божодоло, бого, городко, иштеп баштагандар. Ол өйдө мен национальный книжный издательстводо иштегем. Оноң ойто ло Лазарь Васильевичле кожо иштеерге келишкен.

Эртен тура иш-тош башталып ла турза, Лазарь кире ле конып, бистерге нени-нени куучындап ла ийзе, каткыга издательство арай ла жемиралбай турар.

Бир катап иштеп турган үүремле кожо мылчага бардыс.

Улус көп болгон. Бис Лазарьди көрбөгөнис. А ол бисти көргөн эмтир. Эртен тура ишке келзебис Лазарь күлүмзиренип, биске көрүп айтты:

— Кече мылчада бир сары неме ле кара неме јунунгылап, чабынып турган. Олор слер экү эмтиреер не.

Бис ого удур база кокырлап айттыс:

— Мылчада бир кара быыраш неме чабынып, тактада чарбайып калган неме сен турун не, Василийч.

Ол јарсылдада каткырып, јүре берди. А чынын айтса, бис оны көрбөгөнис те.

Кезикте ол бисти чала мынайда шылап баштаар:

— Је слерди өбөгөндөрөөр канайда сөстөп баштады? Байла, слерди: меге бараар, кыстар, јакшы јадарыс, сүүп јүрерим деп айткан болор, а?

Издательстводо иштеп турарымда, нөкөрлөри ле таныштары керегинде көп-көп јуруктар јураар болгон. Лазарь ол јуруктарды меге берип көргүзетен. Јуруктар менин столымнын кайырчагында ла јадатан. Кенетийин оорыйла, больницага јүре береримде, оны кем де туй чаай берген. Ого эмдиге јетире тын-н кородоп јүредим.

Кандый јакшы уул болгон. Бисти кезик өйдө колхозко бо, совхозко бо иштеерге ийзе кандый сүүнчилү, каткылу јүретенис. Бис арыбас та, чылабас та болгоныс. Лазарь бойы меге төрөөнзип, коркышту јакшы куучындап јүретен. Менин таадаагымла айдары јок эптү јүргендер, кезикте чөөчөйлөп тө ийетендер.

Майдын байрамы болгон...

Мен оны качан да ундыбазым. Экинчи майда түлкү бычкак бөрүктү, јап-јараш јалаалу јаркырада каткырганча бистин айылга Лазарь кире конды.

— Је төрөгөндөр, энем эшке бараактар. Анда аскан да, тегин де аракы бар.

Ол тушта бисте база айылчылар болгон. Олорды ончозын кожо кычырып, Лазарьдин энези эш төөн чөркөдиштис. Айылга једип келзебис: эжик бөктү, јүлкүүри база јок. Энези айылдай берген ошкош. Нени эдер?

Лазарь узак сананбай ла, айылдажынан барып дом экелеле. эжиктин сомогын колоро тартты.

Бис: ай-уй деп турганчаас ла эжик ачыла берди. Турага кирип, эмди ачу ашты бедреп баштады. Кайда да жок. Онон Лазарь меге бурылды:

— Же эжебис, кожо бедрешсеер?

Экү эгмектеп бастыра јерди көрдис, је эш ле неме билдирбейт. Онон мен сенекке чыгала, столдын јамынчызын өрө көдүрип ийзем, байагы таппай турган «кайра-кандарыс» мында тургулабазын ба. Оной јадып, ого тойо байрамдайла, јана бердис.

Качан ишке келеристе, мен Лазарьдан сурап јадым:

— Эжик кодорылган, аракылар конкорылган учун эненгнен «алкышты» јиген ле болбойын, Лазарь?

— Јо-ок, энем мени карын да јакшы мактаган: балам карын төрөгөн-тугаандарын, улустарды күндүлеген, тен јетире јакшы бол калган турбай деген... А мен, карган согум, ал сагыжы жок неме, јүлкүүрди карманданып алала, айылдаштарым дөбөн јеле берген турум не, је карын, уйатка түшпөөнүн јакшы деген...

Бот ондый болгон.

Онынг энези, Куучынчы эжебис, база коркышту керсү, јар-јаак кижі болгон эмей. Бистин айылга улай ла келип јүретен. Менде эки карганактар болгон: бойымнын энем ле кайын энем. Үчү биригип алза, анда куучын-коқыр дейтен немеге баш ла бол деерден башка.

Бир катап бисти күскиде «Алферово» совхозко ийген. Анда бистин грузовой машинаны амбарга аш тартырды. А Лазарь амбарда артып, таарлардагы ашты түжүрип турган. Онон эниргеери ончобыс јуулыжып, јанарга шыйдынып турзабыс — Лазарь жок. Кыйгырганыс, кышкырганыс. Јойу јанарга ыраак, качан једер. Кенерте ле кайдан да үн угулды. Ары-бери көрзөбис, не де көрүнбейт.

— Бу буудайда не кыймыктайт? — деген үн угулды.

Көрзөөс, чоґо уруп салган буудайдан јыланаш буттын сабары кыймыктайт. Бистин та кемис те ол кыймыктап турган сабардан ала койып, тартып келер болзо, Лазарь бого көмүлип алала, бистерле андыжып јаткан эмтир не. Байагы быјыраш чачы топ ло толо буудай болбозын ба.

— Бу бажынды, чачынды кактазан, Лазарь?

— Јок-јок! Мен оны городко једеле, куштарга кактап берерим — деди.

Мынын кийнинде јанарга ла турарыста, чичке-коо

үндү кыс бала чылап частушкалап кожондоп, тырсылдаган бије угулды. Көрөр болзо, Лазарь эмтир. Анда иштеп арткан келин-кечиндер ижин таштап, машина жаар көргүлөп, сыр ла каткыда турдылар. Бистерди эртен база келеер деп бир үнле айдыжып, колдорын жангып арттылар.

Келип жадала Лазарь айдат:

— Бу озогы жан болгон болзо, Володя (Аржан Адаров) жайзан болор эди, а мен онын жалчызы болор эдим — деп кокырлап айдат.

Онон Василий Тордоевичке баштанат:

— Вася, сенин арыгын байа бир магазинде буттарын карчий салып койгон көп-көпөгөш пөтүгөш ошкожын...

Бир катап жаскыда картошко отургызарга шыйдындыс. Ол тушта Лазарь бойдон. Бот, ол кемле кожо картошко отургысканы чат ла санаама кирбейт. Онон күс бажы эбирди. Картошко казар керек. Ончобыс келдис. Ол тушта издательстводо машина жок болгон. Же бир абралу жоюн ат бар болгон.

Энгир киргенче казып турус. Лазарь ла та кемзи де анда база энчейгилеп ле турар, онон көрүнбей калар. Эмди ончобыс бир жерге жуулып, кемде канча таар айса канча көнөк казылган, атла тартар керек.

Ол эки уул айдышты:

— Бис жирме көнөк казып алдыс.

— Бу не ас? — деп, кем де сурады.

— Жирме эки көнөк картошко отургысканыс, а жирме көнөк казып алдыс — деп, Лазарь айдат.

Оны канайып та ундыыр арга жок. Ол кайда ла көрүнүп келзе, анда каткы-кокыр. Бойы жалакай, чугулданып билбес. Мен онын чугулданып, кату сөстөр айдып, арбанганын качан да укупам. Бери кижичи ачынып-чугулданып турза, а ол дезе кокырлаган аяс кижини каткыртып ийер. Кийинде сен канайда ачынганынды макалду ла өткөнип турар. Андый кижиге чугулданар да, арбанар да арган жок.

Лазарь Васильевичтин кыска жүрүмүнен менин көксимде көп-көп куучындары ла кокырлаган эрмеги артып калган. Оны ончозын айдарга көп өй керек, көп отуруп сананар керек. Ол жерде жүрүм бар болзо, көөркий озогы ла бойы омок-седен жүрзин. О, баш ла болгой, онызы тен арга жоктын сөзи эмей, канайдар...

Марта Макошева

Лазарь Кокышев

ОПЕРАЦИЯ «ВЕНЕРА»

Будучи членом жюри областного смотра прикладного искусства алтайцев некий Паслей Самык в целях личного обогащения присвоил или скрыл от остальных членов жюри (Кайгородова и Таушканова) несколько уникальных произведений искусства. Только по приблизительным подсчетам крупного искусствоведа В. Эдокова потерянные фигурки яков и пухоносных коз составляют в сумме 200 рублей. Им же присвоены несколько этюдов художника авангардиста Запрудаева «Виды Улалы со стороны Кызыл-Озека». Судьбы фигурок, как «Ередеев на сарлыке» и «Укачин с Кларой» до сих пор остаются неизвестными. Специалисты их стоимость оценивают сотнями рублей (до реформы). А такая работа как «Шодоев за романом» выполненная Басаргиным из березового пня вообще не оценивается никакими деньгами. Злоупотребляя своим положением заместителя председателя жюри Таушканова, этот «любитель» прикладного искусства, так же похитил несколько полотен, принадлежащих кисти таких художников-передвижников, как Александр Таныш и его ученика Митрофанова Ивана. В настоящее время в фонде живописи управления культуры отсутствуют такие работы: 1. Ал. Таныш — «Учись рисовать» (крынка с яблоком), (карандаш). 2. И. Митрофанов — «Спящий Кочеев» (масло). «Кабинет Адарова» (набросок). 3. Ал. Таныш — «Неизвестная», портрет Бориной Е. (масло). 4. Вл. Запрудаев — «Укачин у Селянгина» (акварель). 5. Ал. Таныш — «Речь Борбуева на площади» (гуашь). 6. И. Митрофанов «С Машенькой на коленях» (портрет Козлова), (масло)...

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

(Новый вариант общеизвестной сказки)

Однажды старый демагог папа Карло (читай — Куранков) взял обыкновенное полено. Полено как полено —

неструганное, крючковатое, сучковатое, но гладкое. Думал, думал, что бы такое смастерить из него, а какой-то внутренний голос так и велит ему:

— Сделай Укачина! Создай его!

— Уж не привидение ли это божье? — подумал старик, перекрестился и начал стругать полено.

Только вырезал ему глаза, а они и забегали. Швырк налево — упрутся в «Алтын-Кель», швырк направо — в «Алтайторг».

— Не к добру все это — подумал про себя старый демагог и начал вырезать ему рот.

Лезвие пока не вырезало еще и половины рта, а он так и силится что-то сказать.

— Потерпи немного шельма! — отечески сказал ему Карло (читай — Куранаков) и вырезал ему рот. Он сразу же зашевелился, расплылся в улыбке и совершенно отчетливо произнес:

— Я гениален! А ты бездарный! Старый хрыч!..

— Ну-ну, не балуй! — добродушно проворчал старик и начал вырезать ему нос. — Не дрыгайся, шельма, а то нос у меня шишковатый получился на конце.

Но полено уже ходуном ходило у него в руках. Папа Карло (читай, как и прежде — Куранаков) потерял всякое терпение и махнул рукой на свое непоседливое творение.

— Бог с тобой! Гуляй по свету с шишечкой на носу... Видать быть тебе таким сам бог велел...

И с тех пор по белу свету гуляет веселый человек с шишечкой на носу по имени Боря Укачин.

И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ (СОН ВАЛЕРИЯ)

*«Все вы — потерянное поколение».
(Олег Селягин. Упрек на совещании
творческих работников.)*

Однажды Хемингуэй пришел ко мне в редакцию.

— Хэлло, Эрнест! — сказал я. — Вы пришли развеселить меня?

— Хотите поехать в Южную Америку, Валерий? — спросил он.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю. Никогда не испытывал желания.

— Сплетен никаких не знаете? — спросил я.

— Нет.

— Борис Попов еще не разводится?

— Нет. Послушайте, Валерий. Если я возьму на себя все расходы, вы поедете со мной в Латинскую Америку?

— Нет, — сказал я, — мне нравится в Горно-Алтайске, а летом я поеду в Улаган.

Мне было жаль его. Он не на шутку расстроился.

— Я не могу примириться с мыслью, что я живу не по-настоящему — сказал Эрнест.

— Никто никогда не живет полной жизнью, кроме сотрудников «Алтайдын чолмоны» — ответил я.

«Алтайдын чолмоны» меня не интересует. Это ненормальная жизнь.

Вот вам, извольте. Мне было жаль его. Я ничем не мог ему помочь, потому что я сразу наталкивался на его навязчивые идеи.

...Когда мы вошли в шашлычную и сели, там нас уже ожидали те двое. Мы сели, и один из них подошел к нам.

— Ну? — сказал он.

— Не могу, — ответил я ему. — Рад бы помочь вам. Но я вчера сказал, что не могу.

— Сколько можешь, — заикнулся он. — Назови свою сумму. Говорил он с легким южнорусским акцентом. Я предложил ему выпить.

— Благодарю, — сказал Щербинин — я только что пил.

— Выпей еще.

— Благодарю, выпью.

— Мы поманили мадемуазель Валентину и заказали по стакану московской содовой.

Я был немного пьян. Не совсем пьян, по-настоящему, но достаточно, чтобы не церемониться. Я встал и направился к танцующим. Миссис Бредокс пошла за мной.

— Не правда ли? — сказал я.

— Безусловно, — сказала миссис Бредокс.

Подошел Эрнест.

— Пойдемте, Валерий, — сказал он, — выпьем. — Мы направились к буфету.

— Что с вами? У вас такой вид, словно чем-то расстроены.

— Ничуть. Просто меня тошнит от всего этого.

Заиграла музыка, и Эрнест Хемингуэй сказал:

— Разрешите пригласить вас, леди Бредокс?

Она улыбнулась ему.

— Я обещала этот танец Валерию Чичинову.— Она засмеялась.— У вас ужасно старозаветное имя, Эрнест.

Мы танцевали под баян Ивана Алексеева, на котором кто-то заиграл.

Было жарко, но я чувствовал себя хорошо. А потом я официанту Ваньке дал на чай и сел в машину рядом с миссис Бредокс. Она подвинулась ко мне. Я обнял ее одной рукой и она удобно прислонилась ко мне. Эрнеста мы бросили. Было очень жарко и душно. Мы свернули в сторону Комсомольской горы...

СЦЕНКА

Действующие лица:

Паслей Самыков (в черной вельветовой куртке). Модный поэт. Светский остряк и декадент 46-ти лет.

Ередеев — мелкопоместный реалист. 49 лет.

Шатра Шатинов — офицер в отставке. Дуэлянт, картежник. 36 лет.

Укачин — террорист, народник неопределенного возраста.

Сазон Суразаков — бедный мусульманин, человек без определенных занятий. 59 лет.

Луиза Торогошева — любовница Самыкова, окончила парижский пансион благородных девиц. 27 лет.

Орли — сын Торогошевой. 7 лет.

Чечиекова — купеческая дочь. 40 лет.

Мадам Мендошева — хозяйка салона, актриса. 30 лет.

Марченко — жандармский полковник, ее муж. 60 лет.

Романо — цыганский барон. Драматург. 35 лет.

Щербинин — камердинер.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Луизы. Неубранные чулки, перчатки, пустые флаконы, окурки. Луиза сидит у трюмо. Орли читает книжку.

Луиза (с французским прононсом): Орли!.. Подай, пожалуйста, нашатырный спирт, сынок? Что-то голова разболелась... (Орли приносит)... Ты сегодня отца видел, сынок?..

Орли: Да, мэм...

Луиза: Где же ты видел его?

Орли: Да где же еще, как не в «Алтын-Келе»?

Луиза: Значит, у отца завелись денежки, сынок... В свете ходят слухи, будто хотят «Огненного Марала» опять переиздать. Сходи к нему и проси денег. Ты слышишь?

Орли: Да, я слушаю, мэм...

Луиза: Непременно нужны деньги...

Орли: Не пойду я, мэм... Надоело!

Луиза: Что ты сказал?

Орли: Надоело говорю, мэм! Ведь только недавно посылали... Помните, тогда он лежал в рваных носках и дал мне только две пустые бутылки из-под водки. Говорит, сдай их и купи себе мороженое. Даже на мороженое не хватило!.. Так обидно было!

Луиза (*закинув ногу на ногу*). О жизнь, почему ты жестока ко мне!.. Даже на чулки не хватает денег! Что же мне делать теперь? (*Обращаясь к сыну*) Орли, сколько мы должны купчихе Чечиековой?..

Орли: Когда вы обсуждали пьесу Панченко для театра «Ромен», то брали на закуску 10 рублей, да вчера еще...

Луиза: Вчера почему?..

Орли: Разве вы не помните, мутер?

Луиза: Что-то не припоминаю, сынок...

Орли: Самыков же приходил! Да еще этот пьяный офицер... как его!..

Луиза: Не смей так называть отца! Кто еще был?

Орли: Да, тот офицер, который любит в карты играть...

Луиза: Это Шатинов. Бывший шодоевский кавалер!

(Звонок)

Щербинин: Мадам Мендосева, сударыня!

Луиза: Ах! Анатоль, зовите ее. (*Входит мадам Мендосева. Она в красном платье декольте*).

Мендосева: (*целуется с Луизой, неосторожно задевает за книгу, она падает на пол*). Ах, пардон, Орли!

Орли: Ничего, мадам Мендосева...

Луиза: Орли, сейчас же беги в «Алтын-Кель», сынок, проси у отца денег (*сын убирается восвояси*).

Мендосева: Ах, Луиза, Луиза, ангел ты мой!

Ты все так же красива и так свежо выглядишь! Дай наглядеться на тебя, милая! И так идут тебе эти черные чулки, просто прелесть! Где же достала?..

Луиза: Конечно в Майме! Где же еще? Их подарил мне мой кузенька...

Мендошева: Самыков?

Луиза: Да, милая, он... На гонорар сборника стихов «Сердце раненное молнией».

Мендошева: Счастливая ты, душенька! А мой полковник не способен на такие подарки! Как я тебе завидую, милая!

Луиза: Что слышно в свете?

Мендошева: Да, чуть не забыла! Еду сюда по Болотной улице и мой кучер кнутовищем показывает мне какую-то особу... в лисьей шапке. Я сначала не обратила на нее особого внимания, а потом пригляделась, и кто же была эта особа? Догадываешься?

Луиза: Ни за что, милая!

Мендошева: (хохочет). Купеческая дочь, Чечи-екова!

Луиза: Сторублевая шапка все равно не сделает из нее аристократку, милая... Об этом еще поэт Козлов писал! (Закуривает сигарету.)

Мендошева: Ты все куришь, душенька?

Луиза: Талию добиваюсь...

Мендошева: Говорят, что этот шодоевский кавалер Шатра Шатинов ей на днях сделал предложение? Он богат?

Луиза: Я слышала о нем только то, что этот блестящий офицер Шатинов бросил какую-то камлакскую княжну, предварительно промотав все ее состояние...

Мендошева: Бедная княжна! Кажется ее девичья фамилия Пикина? Но точно не помню... Ах! скоро гости подъедут! А я до сих пор еще не готова! (Бросается к трюмо.)

Луиза: Если бы только ты знала, какого любовника мне послала судьба! Бесспорно, он талантлив, умен... но в наше время этого слишком мало, милая.

Мендошева: А Укачин!.. (Хохочет).

Луиза: Критик Товар Тюхтенов на днях на страницах «Алтайдын чолмоны» писал, что он чертовски талантлив... Он будет сегодня у нас?

Мендошева: Не только он, пожалуй и Ередеев!

Луиза: Это кто, не тот ли хромой калмык?

Мендошева: А разве он калмык? Я и не знала, ангел мой... Но он, говорят, привез козлятину! Луиза, вот за кого надо выходить замуж. В Ине у него хорошее имение, держит дойную корову, коз и двенадцать овец! И куры, и гуси, и всякая там живность!

Луиза: *(вздыхает)*. И не говори, милая!

Мендошева: Так этот самый калмык Ередеев, говорят, ужасный дуэлянт! Одним словом, настоящий азиат!

Луиза: Было бы имение, на Азию плевать!

Мендошева: Так вот, этот Ередеев каждое рождество приезжает в столицу и играет с офицерами национальной гвардии в карты... Под новый год он проигрывает в карты 15 кг козьего пуху.

Луиза: А что слышно об Укачине?

Мендошева: Террорист Укачин? Говорят, что на днях он снова бросил самодельную бомбу на какого-то кандидата филологических наук Каташа. Бомба не взорвалась, а самого арестовали. Теперь, должно он сидит в камере предварительного заключения...

Луиза: О, ужас. Он якобинец?

(Звонок)

Мендошева: Вот и гости пожаловали! *(Снова убегает к трюмо.)*

Щербинин *(объявляет гостей)*: По-поэт Самыков, д-драматург Романо, ш-шодоевский кавалер Шатинов и про-просто Ередеев! *(Мендошева с Луизой подают руки. Романо целует, Самыков тоже. Ередеев делает что-то наподобие реверанса, Шатинов, звякнув шпорами, склоняет голову. Все слегка пьяны.)*

Самыков *(воздев руки читает)*: Мне ничего не надо! Я поэт! Пусть в мире грохочет революция, пусть Кастро держит речь, пусть Пикассо рисует, пусть в моей Каспе снег идет... Так, Ередеев?

Ередеев Оч-чень точ-чно сказал...

Мендошева *(Хлопая в ладоши)*: Браво, браво Базиль! Люблю Паслея! *(Луиза в порыве ревности вскидывает голову. Романо играет на гитаре «Очи черные». Луиза танцует цыганский танец. Постепенно она входит в азарт и видны ее только мотающиеся волосы. Она носится уже*

как сумасшедшая и на ходу раздевается. Ее платье подхватывает Ередеев и прижимается к нему губами. Щербинин разносит водку. Обрываются струны и Луиза падает на руки Ередеева).

(Снова звонок. В прихожей появляется пьяный Укачин.

Вся шуба в слюнях).

Укачин: Без-здарные люди! Даже не догадались пригласить меня. Торогошева! Давай, водку наливай! Наверно, любишь Самыкова, а твой Самыков самый бездарный поэт!

Самыков: Вот, йошкин, опять Борис! (Бросает Укачину перчатку. У него от обиды дрожат усики.)

Укачин Я с таким бездарным типом не буду стреляться! Торогошева, водку дай! (Увидев Романо, нападает на него.) Панченко! Я ишо твою бездарную книжку издал. Давай, ставь паллитру, гад!

Самыков Ередеев! Ты будешь моим секундантом!

Укачин: А Шатра будет моим секундантом! Мой секундант талантливее твоего! Давай, пойдем стреляться!

Луиза: О, ужас! (Падает на кушетку. Романо ей дает нюхать нашатырный спирт.)

Кокушев (Наконец прерывает игру.)
ВЭЛЭКЭЛЭПНО!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зимнее утро. В Мотькином пихтаче морозный туман. Вдали видна гора Сюремейка. Самыков с Ередеевым ждут на дуэль Укачина. У опушки леса одинокая фигура старика Панченко. Он только что привез их на дуэль, теперь кормит свою клячу соломой. Самыков от нервного напряжения кидает на снег свою баранью шапку.

Самыков: Ередеев, сколько время?

Ередеев: У меня совсем нету часов...

Самыков: Йошкин, в восемь пора начинать!

Панченко (щурясь на солнечный диск): Тэк, время уже около десяти.

Ередеев: Магазины теперь уже отпускают водку, Укачин скоро придет...

Самыков (осматривает свой пистолет): Ередеев, как обращаться с этой штуковиной, покажи мне!

Ередеев (показывает): Этой штукой прицелься прямо в лоб Укачину и... как следует шмякни ему!..

Самыков (все еще волнуясь): Ередеев, Саша, если в случае чего... если Укачин убьет меня, то воля моя такая будет: мой плащ, что купил Адаров в Москве, возьми за услуги... А мой костюм, который я купил у зятя, продайте, а на деньги помяните меня за Маймушкой. Пригласите и бывшего милиционера Чунижекова... Диван-кровать со сломанной ногой отдайте Луизе. В кухне у меня осталась баранья нога, которую привезла недавно мама, ее отдайте Володьке Яценко, пусть съест... У дяди в подвале картошки два мешка... тоже ему. Если будут переиздавать моего «Огненного Марала», то десять процентов отдайте моему сыну Орли, двадцать процентов жалую салону мадам Мендошевой. Так и быть. Остальные деньги мне на памятник... Конечно, конечно, своих Вучетичей нет, закажите БЫТу...

(Из-за поворота появляется такси, останавливается.)

Выходят Укачин и Шатинов. Оба пьяны.)

Укачин (Шатинову): Шатра, плати как младший за такси! Самык уже ждет! Даже закусить не дали гады!

(Ередеев с Шатиновым отмеривают шаги.)

Отмерив, подходят к обоим.)

Шатинов: Так... Теперь дело, так сказать, за жребием! (Свернув бумажку, складывает в баранью шапку Самыкова.) Кто первый?

Укачин: Я буду первый. (Прочитав бумажку, бранится.) Смотри-ка, этот Ередеев для Самыкова подметил бумажку! Вот какой хитрый! Убить меня еще хотели, какой! Я буду первым стрелять! (Укачин с Самыковым медленно расходятся. Укачин целится.)

Укачин (опять бранится.): Шатра! Этот наган никуда не годится. Из него не то что Самыкова и цыпленка не убьешь! Давай, дай мне другой наган! (Укачин опять целится. Самыков улыбается как Лермонтов, показывая чуть пожелтевшие зубы. Он прекрасен в этот миг. Раздается выстрел и пьяный Укачин не попадает в Самыкова.)

Ередеев: Теперь, Вася, ты стреляй. Хорошенько прицелься и шмякни Укачина по лбу!

У качин: Ередеев, наверно, радуется, если бездарные останутся! *(Самыков так же продолжая улыбаться, стреляет в воздух.)*

У качин *(от неожиданной радости мычит)*: В-вы-ы!.. Я никогда не забуду друга Самыкова! Ы-ы-ы!.. Все-таки ты пожалел мой талант. Ы-ы-ы... *(Обнимает Самыкова, брызжет слюнями на его вельветовую куртку.)*

Шатинов: Так сказать, состоялась вечная дружба!

У качин *(увидев цыгана Панченко)*: Панченко! Беги за водкой, старый хрыч! Я сегодня с другом Самыковым буду пьянствовать!..

Цыган Панченко поспешно распрягает лошадь и что есть духу мчится в ближайший магазин. Мимо него проносится такси. Старый цыган успевает заметить в нем лишь кучерявую шевелюру поэта Кокышева, возлежащей у ног бледнолицей дамы).

Занавес

ВОСПОМИНАНИЯ

ЕГО КАЖДЫЙ ПОМНИТ ПО-СВОЕМУ

Когда умирает человек, хочется запомнить прежде всего его человеческие черты. К плодам трудов его мы всегда можем обратиться и после, а вот человека не стало...

Д. С. Лихачев

Я знал Лазаря еще с шебалинского интерната, а в последние годы его жизни мы общались едва ли не ежедневно. Тем не менее, не могу назвать себя его близким другом как бы мне этого не хотелось. Просто для этого не сложились жизненные обстоятельства: учились мы в разное время и в разных учебных заведениях, да и потом каждый занимался своим делом. Но точек соприкосновения было сколько угодно, не так уж велик наш город как и круг людей, близких по духовным устремлениям.

Впрочем, кроме взаимопонимания, интереса и уважения друг к другу нас сближало еще одно общее увлечение, надо сказать, универсальное для всех уровней общественной и бытовой жизни во времена так называемого застоя. Конечно же, речь идет о явлениях, без которого не обходился тогда ни один вид человеческого общения, ни одно общественное мероприятие — от свадеб и именин до научных конференций и партийных съездов. Встречи и расставания, банкеты, приемы, юбилеи, чествования и т. д. нельзя представить без обильных застолий и потому пристрастие к горячительным напиткам было в те годы, можно сказать, явлением общенародным.

Это была наша история и было бы недостойно наводить на нее современный лоск. Недаром кто-то очень точно заметил, что мы не только жертвы застоя, но и его дети...

Поэтому судьба Лазаря, как и судьба всего нашего поколения «шестидесятников», неотделима от своего исторического контекста и, может быть, на этом фоне для потомков станут более понятными многие преждевре-

менные потери, не востребованные таланты, неосуществленные идеи и произведения.

Без такой «увертюры» мне было бы трудно начать свои воспоминания хотя бы в силу убежденности в том, что мы, друзья и товарищи Лазаря, знавшие его не одно десятилетие, должны быть наиболее объективными и стараться избегать мифотворчества — этого неперемennого спутника воспоминаний. Дело в том, что возможно бессознательно, в объект воспоминаний их автор часто вкладывает свои комплексы. Вольно или невольно он видит то, что хочет, может, а точнее, что ему дано увидеть в силу наследственности, воспитания, наклонностей, профессиональной привычки и даже меры личных амбиций. Другими словами, воспоминания одного человека очень редко дают цельное представление о личности, которая всегда оказывается богаче и многогранней, чем об этом может поведать один очевидец. Каждый запоминает своего героя по своему.

Тем более, что поводов для мифотворчества в жизни Лазаря было хоть отбавляй. Человек неистощимой фантазии, острого ума и искрящегося юмора, он и дня не мог прожить без шуточных розыгрышей, мистификаций и экстравагантных выходов, совершая их не в ущерб своей основной литературной работе, а чем-то даже, на мой взгляд, и во имя ее.

Везде, где бы не появлялся он, подобно Ходже Насреддину, оставлял после себя кучу легенд, анекдотов и небылиц, из которых не все имели место, но, будучи в духе Лазаря, вполне могли быть и на самом деле.

Помню, в конце 1940-х годов в Шебалинской школе ходила по рукам любительская фотография, на которой Лазарь был снят «под Гитлера»: одна рука поднята в фашистском приветствии, другая засунута за бортика, вздернутая голова, высокомерный взгляд, нарисованные углем усики под носом, и конечно же, как завершающий мазок, — знаменитый, до глаз, гитлеровский чуб. Образ чаплинского масштаба! Он и сейчас, через полвека, стоит у меня перед глазами. Надо сказать, что в те безумные годы подобные шалости были далеко небезопасными.

Или другой его легендарный номер, с блеском исполненный там же — в Шебалинском интернате. Не то с помощью стакана горячего чая, не то еще каким хитроумным способом, Лазарь зашкалил градусник до

предела, закатил глаза и, разведя мыло, стал пускать пену из рта. Ополоумевшая от страха за его жизнь дежурная воспитательница ударилась в панику и, поскольку в те времена машин «Скорой помощи» не было и в помине, подняла по тревоге старшеклассников, многие из которых были в курсе розыгрыша.

Те, небрежно бросили на байковое одеяло тело своего «больного» товарища и шумной толпой помчались по направлению к больнице, едва поспевая за ретиво мчавшейся впереди грузной воспитательницей. Только у самых дверей лечебного заведения терпение «мнимого больного» истощилось и он вместе с друзьями разразился хохотом. Наставница, конечно, обиделась, но ненадолго. Вообще шутки Лазаря всегда были безобидными и смешными настолько, что не поддаются их юмористическому настрою могли только очень черствые люди.

Некоторые свои «номера» Лазарь долго и тщательно готовил, справедливо считая, что удачный экспромт тем неожиданней и эффектней, чем лучше он продуман и отрепетирован. Надеюсь, что мои соавторы по этой книге припомнят не один подобный случай из репертуара нашего героя, которые, вместе с его литературными миниатюрами и графическими рисунками-шаржами, достаточно полно представят широту его натуры и талант истинного человеколюбия.

Я же не могу не припомнить еще один классический лазаревский шедевр, который слышал не один раз от самого автора. Кстати, рассказчиком и интерпретатором своих же собственных проделок он был и остался непревзойденным.

Так вот, в голодные студенческие годы в Москве ему неожиданно прислали гонорар на кругленькую сумму. Получать его пошли вместе с земляком-сокурсником. Далее рассказывает сам Лазарь:

— Получили, вышли на улицу. Я бегу, он бежит. Я смеюсь, он смеется. Что ни говорю — со всем соглашается. Проходим мимо консерватории, вижу объявление — концерт симфонической музыки, только начался. Я раньше сроду на них не бывал. — Зайдем, — говорю. Он головой кивает. Купили дорогие билеты, зашли в зал, заняли свои места. Сидим, слушаем... Немного погодя осмотрелся, люди вокруг сидят серьезные, внимательные, в такт головой мотают, вроде как соглашаются с дирижером, некоторые и вовсе глаза закрыли, будто спят.

Взглянул на земляка — он сидит прямо, неподвижно, как каменный кезер в Курайской степи, глазом не моргнет, будто музыка его не касается...

В антракте вышли в фойе. Там обычно люди ходят по кругу, обсуждают концерт, впечатлениями делятся — в этом месте хорошо звучит, в другом — хуже... Мы тоже пристроились, пытаюсь друга в разговор втянуть, мол, оркестр-то не так уж и плох... А он на весь зал заявляет:

— Нет, этот симфоний мне совсем не нравится. Пойдем лучше в ресторан! Весь круг остановился, на нас смотрят. Что ж. Пошли в ресторан, у самого от голода в животе урчит.

Но, думаю, потерплю. Пришли в «Прагу», сели за столик. Я с официантом долго и солидно обсуждаю меню. Вежливо по-алтайски спрашиваю земляка — фазана в сметане или утку в апельсиновом соку закажем? Он от голода совсем терпение потерял:

— Кас, кас, закажи! — говорит.

— А что это? — переспрашиваю учтиво по-русски, будто не понимаю о чем идет речь.

— Гус, гус, говорю, давай! — заорал он так, что официант попятился от стола...

Конечно, мой рассказ не передает и сотой доли комического эффекта ситуации. Надо было слушать самого Лазаря, прирожденного артиста-комика. Жаль, что в свое время никто не догадался записать его на пленку. Совершенно бесподобно он строил диалоги, используя акцент (почему-то кавказский) и виртуозный винегрет из смешанного русско-алтайского словаря. Язык его персонажей выдавал своих носителей с головой, сразу же указывал на его возраст, образование, характер и даже социальное положение.

Коронным номером Лазаря был этюд о приезде Бориса Укачина на родину и его встрече с С. С. Каташом на площади Ленина. Фантастика, сто раз слышал в авторском исполнении и всегда у него находились такие оттенки и интонации, которые придавали сцене новое звучание. Надеюсь, что другие авторы воспоминаний обязательно воспроизведут этот поистине исторический эпизод.

Остановлюсь еще на одном аспекте многогранной личности нашего героя, который в профессиональном плане мне ближе всего. Речь идет о его оригинальных рисунках-шаржах, которые еще при жизни автора имели

легендарную популярность, благодаря чему и сохранились в достаточном количестве.

Начну с того, что поэты и писатели всех времен и народов интересовались рисованием. Из наиболее известных этому виду изобразительного искусства отдавали дань Петрарка, Герберт Уэлс, Стефан Малларме, Виктор Гюго, Фридрих Дюрренмат и даже Рабиндранат Тагор, как это не странно покажется. Из русских назовем только Пушкина, Лермонтова и Маяковского. При этом именно шарж-портрет был в литературной среде самым распространенным жанром.

На досуге, наверное, можно было бы найти психологическое обоснование этому феномену, но в любом случае в основе рассуждения лежал бы тот факт, что письменность вообще начиналась с рисунка и что почерк или любую другую подпись люди оценивают прежде всего с эстетической точки зрения: если почерк небрежный, то это «каракули», «как курица лапой», если хотят похвалить, то говорят — «пишет, как рисует», или еще что-нибудь в таком же роде. Кстати, почерк у самого Лазаря был поистине замечательным.

Интерес к рисованию появился у него очень рано, тому есть масса свидетелей. Но, как можно предположить сейчас, в юные годы ему не представилась возможность проявить и усовершенствовать свой дар и поэтому его творческий импульс нашел выход в искусстве слова, где возможность самовыражения в какой-то момент оказалась более доступной.

Талантливый человек талантлив во всем и Лазарь очень скоро самоутвердился на поэтическом поприще, но наблюдательность, острый глаз, редкая способность увидеть проявление внутренних качеств человека в его внешнем облике остались. И стали реализовываться в шаржах.

Его графический репертуар достаточно разнообразен, но как и у всякого художника одни образы удавались лучше, другие хуже, но определенный круг, если можно так выразиться, любимых персонажей у него получался всегда. Некоторые «портреты» своих друзей он довел до совершенства, до графической формулы, когда ни прибавить — ни убавить (Аржан Адаров, Борис Укачин, Паслей Самык, Сазон Суразаков, Владимир Яценко и др.). Он

умел увидеть в человеке самое главное, его моральный и физический стержень и не его вина, если у кого-то такого стержня не оказалось.

Очевидно, что приведенные здесь рисунки достаточно красноречивы и нет смысла их комментировать, но поскольку мы современники автора и тоже не вечные, то засвидетельствуем хотя бы некоторых персонажей, особенно тех, которых уже нет среди нас.

Из общего количества лазаревских рисунков едва ли не четвертая часть посвящена Владимиру Яценко, журналисту, ныне покойному. По своему внешнему облику, природной доброте и простодушию, доходящему до наивности, Владимир чем-то напоминал бравого солдата Швейка. Когда-то Лазарь переводил книгу Чапека и любил ее главного героя, по крайней мере частенько цитировал его знаменитые афоризмы. И вот он нашел прообраз своего литературного героя в жизни и как тут не пошутить, не повеселиться, тем более, что местный «Швейк» относился к рисункам весьма благосклонно и даже, кажется, собирал их.

При желании из лазаревских рисунков, по примеру комиксов, можно было бы составить целую биографию Яценко. Жаль только, что большая часть их не предназначалась для публикации, как впрочем, и многие другие рисунки.

Завершая свои краткие и, как мне кажется, весьма ограниченные свидетельства о жизни замечательного жизнелюба и художника, остановлюсь еще на одной редкой особенности его дарования, которая наиболее отчетливо проявилась в главном деле его жизни — литературном творчестве. Речь идет об экологической связи его поэзии с родной природой, о географии его души и творчества. Конечно же, истоки и границы его искусства заключены в Горном Алтае, и только в нем, хотя он писал стихи о разных краях и странах.

Но, в отличие от многих других художников (слова, цвета, звука), Лазарь Кокышев, черпая материал в родной этнической среде, не замыкался в национальных рамках, а видел в ней отражение общечеловеческих проблем, духовных поисков, самопознания и самоопределения. Именно в этом, на мой взгляд, заключается главный назидательный урок его жизни и творчества.

Идут года, время стирает «случайные черты» и быто-

вые частности. Перед потомками, как из тумана, постепенно вырисовывается чистый и ясный образ алтайского поэта, который, подобно своему великому русскому предшественнику, мог сказать о себе: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в свой жестокий век восславил я свободу, и милость к павшим призывал».

Владимир Эдоков

ВСПОМИНАЯ ЛАЗАРЯ

Лазарь Васильевич Коқышев — Человек литературы в полном смысле этого слова.

Отмечая 55-летие со дня рождения писателя, мы, два литературоведа, я и Валерий Иванович Чичинов, выступили в журнале «Сибирские огни» № 11 за 1988 год со статьей, которая так и была названа — «Человек литературы» — и была посвящена творчеству Л. В. Коқышева.

В самом деле, у Человека литературы просматриваются две биографии. Одна та, что изложена в анкете, а вторая не имеет порой точных дат.

Это, как правило, биография таланта, гражданской и творческой зрелости, его видения окружающей деятельности, а также героев книг, которые так или иначе связаны с именем Человека литературы. Короче говоря, вторая биография писателя — это его творчество, его талант, проявившийся во всех ипостасях. И очень похвально, что наше издательство совместно с Союзом писателей и Фондом Культуры решили показать в этой книге Л. В. Коқышева, как искрометного юмориста, художника-шаржиста и сатирика.

... В 1950 году я работал главным редактором областного национального издательства. Однажды директор издательства предложил мне поехать в районы области с целью поиска молодых авторов. Признаюсь, что моя «поисковая миссия» была успешной: я познакомился с Л. Коқышевым. Это было весной 1950 года. Выступая с лекцией перед учащимися Шебалинской школы, я в конце своего выступления обратился к своим слушателям

с вопросом: — Есть ли среди учащихся пишущие, начинающие поэты? Таковые были, и среди них оказался смуглый красивый юноша с пышной кудрявой шевелюрой и очень выразительными, несколько задумчивыми глазами. Он держался в сторонке, стараясь скрыть свое смущение за стихи, которые были в ученической тетради, написанные жирным и четким почерком...

Я заинтересовался и обратился к пареньку с вопросом:

— Василий Кокышев тебе, случайно, не родственник?

— Он мой отец, — услышал я неожиданный ответ.

— Слушай, друг, так я хорошо знаю твоего отца! Он мне доводится зятем! — с нескрываемым волнением воскликнул я и протянул ему руку.

— Как тебя звать?

— Лазарь, — ответил мой собеседник басовитым голосом.

На самом деле, отец Лазаря, Василий Кокышев, до войны работал секретарем Улаганского райкома комсомола и был женат на моей сестре и погиб на фронте...

Чтобы не придавать нашему разговору минорного настроения и не травмировать его воспоминаниями о погибшем отце, я незаметно переключился на разговор об алтайской литературе, поэзии. Лазарь доверительно показал тетрадь со своими «сочинениями». Беседа наша завершилась тем, что я пообещал ему оказать содействие в переводе в областную национальную школу, а после того, как он получит среднее образование, в поступлении в институт. В заключение разговора посоветовал ему как можно больше читать и продолжать свои литературные опыты.

Так было сделано «открытие» будущего одаренного писателя. Года через два вместе с А. Адаровым и Э. Палкиным Лазарь был направлен в Московский литературный институт имени А. М. Горького. Учась в институте, наши посланцы в течение всех лет пребывания в Москве вели переписку с издательством и областным управлением культуры, куда я был переведен на работу. Ребята присылали свои рукописи. Я читал их первые литературные опыты, испытывая нескрываемое чувство радости, что из них получатся настоящие писатели. После литературного института, как говорится, сполна раскрылся талант Л. Кокышева, А. Адарова, Э. Палкина. Вскоре они были приняты в Союз советских писателей.

С тех пор, как на литературном небосклоне появилось имя Л. Кокышева, прошло не так уж много времени. Но его имя навсегда останется в истории алтайской литературы. За сравнительно небольшой срок им свершено много. Только беглый перечень его произведений достигает десятков книг. Ежегодно автор создавал что-то новое — поэтический сборник или повесть, роман или пьесу. Не всякому под силу такой титанический литературный труд.

Творчество начинающих авторов тех далеких пятидесятых годов в центре внимания издательства, управления культуры и научно-исследовательского института ИЯЛ. Автор этих строк в те годы, насыщенной литературной жизни, лично, контактировал с молодыми литераторами. В 1953 году будучи заведующим сектора литературы научно-исследовательского института, я старался привлекать молодых авторов к литературно-творческой работе, — выступлениям в лектории «Люби и знай Горный Алтай», который в то время был организован при НИИИЯЛ. Писатели были частыми гостями заведений города. Молодые литераторы выезжали на встречи с тружениками села в самые отдаленные населенные пункты автономной области.

Когда «талантливая тройка» (Лазарь, Эркемен, Аржан) училась в литинституте, мне доводилось встречаться с ними и в Москве. Об их студенческих годах подробно поведал Аржан Адаров в своей повести «Окно в большой мир», правда, с некоторыми домыслами о моей персоне... Но это между прочим. Сейчас же мне хочется рассказать читателям об участии всех трех студентов литинститута в научной экспедиции НИИИЯЛ по сбору фольклорных, языковых, этнографических и исторических материалов алтайского племени теленгитов Улаганского района. Эта экспедиция состоялась летом 1956 года. История этой экспедиции такова. В том году, будучи аспирантом Академии наук Казахстана, я собирал фольклорный материал для своей диссертационной работы. Узнав об экспедиции научно-исследовательского института ИЯЛ в Улаганский район, я, с любезного согласия директора института Т. М. Тощакowej, примкнул к этой экспедиции в составе которой были языковед Н. А. Кучигашева, историк П. Е. Тадыев, фольклористы С. С. Суразаков, Т. С. Тюхтенев. Кроме нас в состав экспедиции были включены молодые литераторы и журналисты А. Адаров, Л. Кокышев, Э. Палкин, В. Тадыкин, С. Такачаков.

Институт арендовал в автороте грузовую машину с будкой, напоминающей милицмейские спецмашины, именуемые в народе «черный ворон» с отверстием на крыше будки, откуда видно только небо... В Улаган в то время можно было добраться только на грузовой машине-вездеходе. Вот мы и испытали все это «удовольствие» и были одними из первопроходцев. Сейчас подобное путешествие было бы просто невозможным... А в то же время мы были молодыми и никто не роптал на неудобства. Нас трясло и мотало в этой «душегубке», мы задыхались от пыли. По своему внешнему облику мы были похожи на шахтеров только что поднявшихся на поверхность из забоя.

Первый день пребывания в Улагане ознаменовался «историческим» футбольным матчем участников экспедиции со сборной командой Улагана, составленной в основном из учащихся средней школы. Тренером этой команды и инициатором этой товарищеской встречи был наш коллега по Московскому пединституту — ныне покойный Карп Степанович Тюков. Кстати, когда Карп Степанович в ознаменование нашего прибытия сделал предложение сыграть товарищеский матч, никто из участников экспедиции не возразил. Все мужчины, члены экспедиции, как ни странно, выдали себя за футболистов...

Лазарь, например, заявил, что он выступал в роли хавбека в сборной литературного института. По крайней мере все утверждали, что с улаганской командой можно справиться запросто... Капитаном команды назначили Лазаря. Нас набралось 9 игроков, а надо 11. Тогда Лазарь предложил в ворота поставить меня... Дескать вратарю при такой команде просто нечего делать... Они постараются не допустить, как выразился Павел Егорович Тадыев, эту шрапнель близко к нашим воротам... Пришлось подчиниться воле большинства. В детстве я играл в футбол, но в воротах стоять не приходилось. Это был мой первый дебют. Лазарь совершенно уверенно заявил, что при таких опытных защитниках, мне нечего волноваться. Он, как капитан, поставил в защиту Сазона, Павла, а место центрального защитника занял сам. Я, как Антон Кандидов, натянул фуражку набекрень и надел перчатки. Разумеется, матч этот мы позорно проиграли с разгромом 9:0. Настроение было весьма прискорбное. Склонив головы и не глядя друг-другу в глаза, мы

уходили со стадиона. Чтобы не попадаться на глаза публики райцентра, мы срочно выехали в Балыктуюл, что в 15 км от Улагана. Там я когда-то учился в семилетней школе и там у меня было много соклассников и друзей. Мне поручили созвониться с парторгом колхоза — моим другом Арсентием Васильевичем Санаа о намерении нашей экспедиции. Парторга не оказалось в конторе. Со мной разговаривал счетовод колхоза и я продиктовал ему текст объявления, которое должно быть вывешено в самом людном месте села. Текст был таков: «Сегодня, в 8 часов вечера в клубе состоится встреча с алтайскими писателями и учеными, а также будет прочитана лекция о международном положении». Далее были названы фамилии гостей, которые приедут на встречу.

В числе занятых в первой части вечера были директор института Т. М. Тошакоев, П. Е. Тадыев, Н. А. Кучигашева и я, как лектор. Мы поехали первыми. Село было безлюдным. Изредка из подворотен с лаем выбегали собаки и после недолгой погони лениво возвращались обратно. Подъезжаем к конторе колхоза. Никаких объявлений о предстоящей встрече на дверях конторы и клуба нет. Я чувствовал себя весьма неловко. Время приближалось к 8 часам, а в клубе ни души, к тому же на дверях клуба замок. Я попросил счетовода разыскать Арсентия Васильевича. Адыкаев сел в нашу машину и поехал на квартиру к парторгу. Наконец, машина возвращается. Из нее выходит улыбающийся Санаа. Он прежде всего направился ко мне для дружеских рукопожатий и объятий, но, заметив на моем лице озабоченность, спросил, чем я расстроен? Я ответил, что мне стыдно перед участниками экспедиции, которым я пообещал необычно теплый прием в Балыктуе, где прошло мое босоное детство и где народ отличается приветливостью и гостеприимством. Арсений Васильевич с присущей ему добротой успокоил меня, сказав, что народ будет и прием тоже...

Подошедшим к конторе колхозникам он приказал собирать народ. Вдруг неожиданно раздался раздирающий душу крик, буквально оглушивший стоящих на крыльце конторы людей. Мы, как говорят, опешили. Оказывается, здесь так принято созывать людей при помощи глашатая, без всяких красочных афиш и объявлений... Причем, свой крик и вой глашатай сопровождал неудобоваримыми

словами в адрес тех жителей села, которые пассивно относятся к общественным мероприятиям, не ходят на лекции, часто выпивают... На этот раз глашатай использовал интригующий прием: что де из области прибыли «хромой электрик обкома, в прошлом житель Балыктуюла, бывший хулиган Каташ, который очень возмущается тем, что вы не собрались...

— Каташ требует немедленно собрать народ. Срочно собирайтесь! Сходитесь!.. Выручайте своих руководителей!..

Такой метод созыва сработал. Голос глашатая был услышан даже на окраине затихшего села и народ валом повалил в клуб. В клубе, как и везде в наших сельских клубах, не хватало скамеек, и те, кто остался без места, устраивались на полу, не оставляя прохода... В течение каких-то 20-ти минут клуб был заполнен до отказа. Пора начинать встречу. Я быстро набросал программу и передал Арсентию Васильевичу. Он пригласил докладчиков в президиум, постучал по графину и предоставил слово руководителю экспедиции, директору института Тощаковой Т. М., при этом сказав ее фамилию, что вызвало бурную реакцию зала, недоумение со стороны женской части аудитории...

Руководитель экспедиции не стала распространяться о целях и задачах экспедиции, сказав, что все организационные вопросы будет решать с руководством колхоза завтра... Вот и все. Ее выступление мы планировали на 20 минут, а она закончила за 3—4 минуты. Тогда председательствующий предоставил слово П. Е. Тадыеву, назвав его действительным членом несуществующей Казанской академии, участником раскопок Пазырыкских курганов, проводившихся под руководством академика С. И. Руденко. А. В. Санаа попросил рассказать подробно об этих археологических памятниках, но автор отказался это сделать, мотивируя свой отказ тем, что для восприятия научного доклада данная аудитория не подготовлена и тратить время попусту не следует. Опять экономия времени. Тогда Санаа предоставляет слово следующему оратору — зав. сектором языкознания НИИИЯЛ кандидату филологических наук Н. А. Кучиговой. Надежда Александровна с присущим ей юмором заявила, что не собирается здесь выступать с лекцией, а намерена выполнить свою экспедиционную задачу по

сбору и записи языковых материалов теленгитского диалекта путем посещения каждой юрты... Бравурно рассмеялась и — села... Что делать? Наступила моя очередь выходить на арену. Три предыдущих оратора закончили свои выступления в течение 10 минут! Мне было отведено на лекцию о международном положении в пределах часа, а я говорил около двух часов, потому что участников второй части вечера — писателей все еще не было. После международного обзора я перешел к рассказу о новостях Горного Алтая, и, вдруг в дверях клуба увидел фигуру Кокышева. Я поманил жестом. Мол иди сюда. Он как-то странно стал протискиваться мимо сидящих на полу колхозников, потом на мгновение потерял равновесие и, пытаясь устоять, нечаянно наступил сидящей женщине на ноги. Та громко вскрикнула, взмахнула руками и выразила свое неудовольствие такими словами: «Дьодомой!.. Дьодомой! Бу быдираш чачту неме калангы эмтир не!..» («Ой, ой, ой! Этот кудрявый парень оказывается под хмельком!..»)

Лазарь с извинением, покачивая головой так, что его пышная шевелюра стала дыбом, продолжал пробираться к сцене. Поднявшись наконец на сцену он сделал артистический поклон в сторону зрителей и уселся за стол президиума. Я вынужден был на время прервать лекцию. Отозвал Лазаря за сцену, в подсобное помещение типа киобудки, стал с возмущением допытываться — где остальные? Он покачивая головой и не переставая улыбаться, показал рукой на окно. Я растворил окно и увидел кавалькаду — отряд «кавалеристов», едва держащихся в седлах... «Батюшки! Ребята! Пожалуйста, поезжайте не спешиваясь к речке. Искупайтесь! А я тем временем сделаю еще один круг вокруг света... Минут через тридцать возвращайтесь.» Мое компромиссное предложение «всадниками» было одобрено. После этого я, как ни в чем небывало, продолжал свое выступление. Ответил на многочисленные вопросы. И вот через полчаса в клуб, под аплодисменты присутствующих, гурьбой ворвались участники 2-ой части вечера, посвежевшие и чистые после купания в горной речушке. Литературная часть вечера удалась на славу. Каждое выступление поэтов принималось рукоплесканием. Особый успех выпал на долю Лазаря. И это понятно. Он обвораживал публику своим обаянием и остроумием. Помню, Лазарь тогда с вдохновением читал отрывки из своей поэмы «Туба».

Публика была в восторге. На вторую часть вечера ушло около 3-х часов. Встреча закончилась глубокой ночью. Народ долго не расходился. Лазарь был по достоинству оценен и тесным кольцом своих почитателей.

Он был на первом плане.

С. С. Каташ

Январь, 1993 год.

ЛАЗАРЬ КОКЫШЕВ, ИЛИ ВЕСЕЛЫЕ ПЛОДЫ ЕГО ФАНТАЗИИ

Лазарь Кокышев... Его имя ярче других блистает в алтайской литературе. Он был ярчайшей достопримечательностью Горного Алтая при жизни и остался его гордостью после своей трагической гибели.

В алтайской литературе не было недостатка в талантах, много их было и в литературе. Но Кокышеву, повторяю, не было равных. Нет ему равных и сегодня: обаяние его таланта и чудодейственная сила его свершений вне времени и вне конкуренции.

Уникальная творческая индивидуальность Кокышева не оставила сколько-либо равных ему последователей. Она дала алтайской литературе могучую традицию и немало подражателей. Но подражание просто — дело бесплодное. Кокышев как был, так и остался неповторимым явлением алтайского национального духа, взмывшего к вершинам общечеловеческих ценностей.

Таким он и остался в памяти тех, кому довелось знать его и как Поэта, и как человека.

Природа щедро подарила ему дар художника, впрочем, не лучше ли сказать, что он и сам был сыном, даром такого совершенного явления, как природа Горного Алтая. Не об этом ли свидетельствует его удивительная творческая разносторонность: замечательный лирик, автор первых алтайских романов, поэм, одна из которых — «Туба» — стала подлинным явлением алтайского духа; драматург, переводчик русской и зарубежной классики на алтайский язык... А как он пел, превосходно рисовал, пародировал! Слава его была громкой, его любили, но плен довольства собой был не для него.

Сердце поэта было сердцем Артиста. А, может быть, наоборот: сердце Артиста жило в нем сердцем Поэта? Кто знает. В случае с Лазарем это трудно определить. Но все, что он не делал, во все вносил изрядную долю артистизма. Все знают, каким он был лицедеем, как умел в лицах представить тех, кто попадал ему на язык, кого шаржировал он в своих устных рассказах или рисунках.

— Вам Бориса Укачина нарисовать? Пожалуйста. Что может быть проще. Берем обыкновенный гафрированный шланг — это будет его выдавший виды лоб, проводим изгиб его выдавшего виды носа, ставим на место эту изящную шишечку на носу и портрет поэта в юности готов... Пожалуйста.

Прежде чем передать шарж владельцу, он обязательно подписывал его. Делал это старательно, со значением. Своего рода — ритуал.

Писал он, как правило, аккуратным каллиграфическим почерком.

Мелочь вроде бы, но для творческого работника очень важная.

Всмотримся в его почерк, необезличенный машинописью.

Чистописание с трудом дается поэтам, почерк которых зачастую деформирован скорописью. А тут почерк очень похож на самого пишущего. Он отражение его внутренней сути, образует свою неповторимую кардиограмму сердца и взаимоотношений.

Чудом сохранилась одна его записка на промокашке:

«Дорогой Валерий,
в этот день, день рождения твоего сына, я приехал к сроку. Долго сидел с Анатолием, много думал и все было хорошо.

Лазарь Кокышев»

Обращает внимание тон записки — спокойный, доброжелательный. И тогда, когда он приехал ко мне в Каяс, я опоздал и не приехал во-время и ему пришлось уехать... И ни тени обиды в его записке. Почерк все так же красив, уверен, хотя и писал авторучкой шариковой, которую не любил...

Почерк говорит о целеустремленности поэта, которая

заложена в самой равномерности высоты букв. А пышность завитков на некоторых заглавных буквах? Она свидетельствует о богатстве его поэтического воображения.

Писать он любил на хорошей мелованной бумаге, взятой в издательстве, а рисунки делал на чем придется. Они буквально распирали его. Тут он всегда художник. Линии пластичны, штрихи свободны и артистичны. Как у Пушкина и Лермонтова, как у Блейка и Теккерея, как у Лорки и Превьера, как у Самыка... Хорошие поэты нередко хорошо рисуют. Это, видимо, оттого, что основные законы творчества едины как для живописи, так и для поэзии. Словесной метафоре присуща предметная изобразительность, которая зачастую соотносится в визуально-пространственном образе. Поэт нередко может добиться того же эффекта, что и живописец — создать единое эмоциональное впечатление.

Природа рисунка и поэзии едина. Поэт пишет с помощью зрения, он творит, как и рисовальщик. Визуально-пространственные образы дают первотолчок идее, которая чаще всего смешанная, юморная.

Рисунки Кокушева, которые вы увидите в этом сборнике, есть веселые плоды его удивительно мудрой фантазии. В них выразительнейшая характерность, лиризм, наблюдательность, доброта. И выполнялись они легко, между делом, играючи, с присказкой да с комментарием.

Рисунок выполнялся чаще всего по памяти, в каждом из которых была идея — человек. Их было много, этих людей; они были разные: Чот Енчинов, Иван Шодоев, Аржан Адаров, Эркемен Палкин, Паслей Самык, Владимир Яценко, Иван Алексеев, Бронтой Бедюров, Александр Ередеев, Александр Демченко, автор этих строк.

Шаржи были дружескими и резко индивидуальными. В них резюмировались одновременно и модель, и идеал. Рисунок был своеобразным графическим знаком человека и его характера. Автор всегда смеялся, но смеялся как правило, по доброму — не за счет соринки в глазу того или иного человека и не над человеком смеялся Лазарь.

Юмор для него был способом разрешения жизненного противоречия. Вспомним, например, как он рисовал профессора Сазона Саймовича Суразакова — человека в высшей степени неординарного и ценившего юмор, понимавшего его. Все, помнится, начиналось с комментария.

— Сазон — мудрец. А шумеры рисовали мудрость с большими ушами. На такого шумерского мудреца похож и наш алтайский, которого вы сейчас увидите — говорил он, и моментально набрасывал то, что было так характерно для этого человека — уши... очки... челку... Взрывался дружный смех. Люди сразу узнавали Сазона Саймовича, который вначале недовольно фыркал, глядя на рисунок, а затем зарзательно смеялся вместе со всеми.

Рисунки, рисунки, рисунки... Их много и в моей, и в других папках. Часть из них вы держите в руках — они изданы. Они выполнены в разное время, в разной манере, ручкой, карандашом, сюжеты их разнообразны, как и сама продиктовавшая их жизнь. Чаще всего это остроумные дружеские шаржи, и подписи к ним, а то и отдельно, которые сам автор именовал по моде того времени дружескими пасквилями.

Молодым людям очень повезло, что поэт оставил нам свои удивительные рисунки, конгениальные его поэтическому слову, его веселой фантазии по меткости, отточенности штриха, артистичности, силе чувства и прозрения. Рисунки поэта являются непосредственным началом и продолжением его не так уж продолжительного творческого пути. Всмотримся в них, вчитаемся и повторим в раздумии за Кокрышевым его любимое: «Мир уцелел потому, что он смеялся...» Сам поэт не уцелел в борьбе с пошлостью, но удивительные плоды его юмористической фантазии живы и они в строю.

Рисунки поэта и подписи к ним, его юмористические интерлюдии — еще одно свидетельство того, насколько человеческим было творчество Кокрышева, насколько национально-народной была материя его юмора. Это и следует познать в первую очередь, чтобы постигнуть до конца его многогранную личность.

На этом придется прервать столь затянувшееся вступление. Его органическим продолжением пусть будут рисунки и подписи к ним, выполненные поэтом в разные годы. Повторяю, это дружеские шаржи. Надеемся, что шаржируемые не обидятся. Скорее, наоборот. В любом цивилизованном обществе карикатуры и шаржи на людей — своего рода рейтинг их популярности.

Смотрите, читайте и смейтесь на здоровье!

Каткрып алыгар, улустар!

Валерий Чичинов

БАЖАЛЫКТАР

Л. Кокышев. Поэзия	3
------------------------------	---

КИРЕ СӨСТӨР

К. Төлөсов. Ойгорчы ла кокырчы	4
В. Чичинов. Мир уцелел потому, что он смеялся	10

БИЧИИЧИНИНГ ЧҮМДЕГЕНИНЕН

Л. Кокышев. Орто кизи. Сценка. Уулдардын статья көргөни. «Алтайдын чолмонынын» ат-нерелү баатырлары. Пародиялар	18
---	----

ЭСКЕ АЛЫНЫШТАР

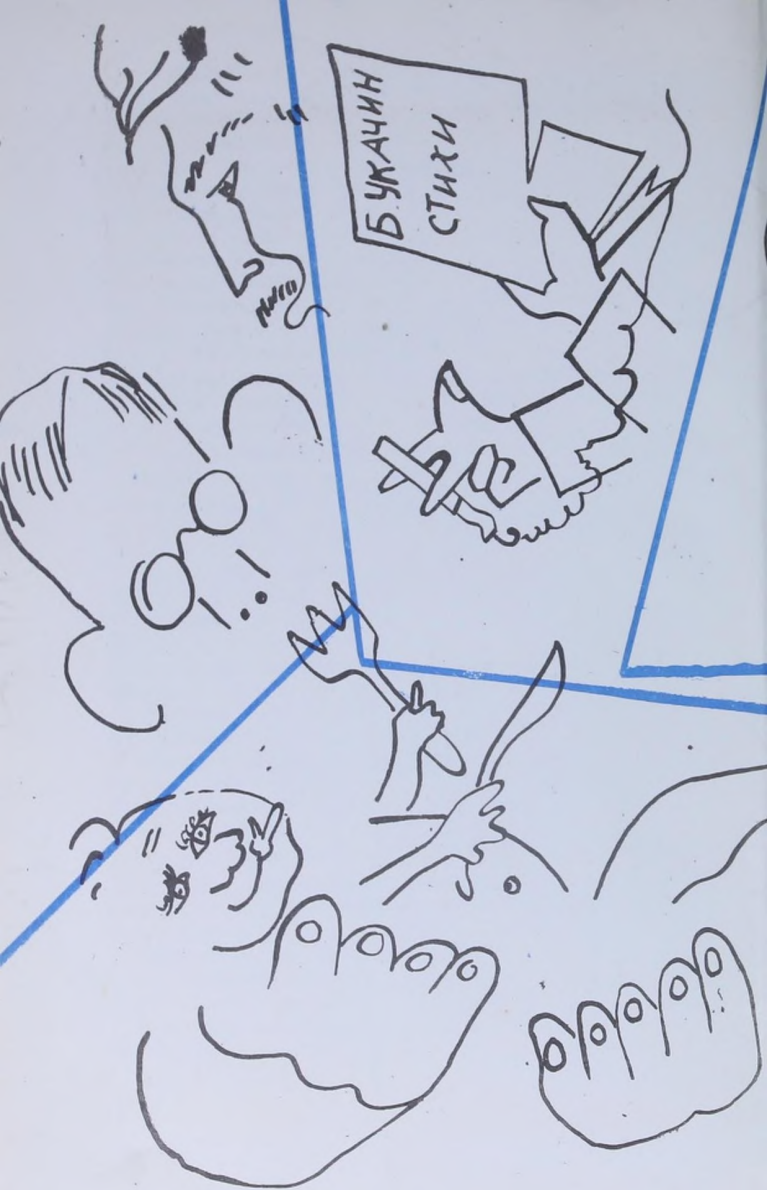
А. Адаров. Москвада өткөн өйлөрдөн	36
Б. Укачин. Кереев самаралар	45
П. Самык. Күн жаркынду жүректү поэт	75
Ж. Кашин. Сагыжыма кирет	78
В. Чичинов. Бу куулгазынду телекей	81
О. Савиц. А. Чендекова, М. Кильчичаков	83
У. Садыков. Нөкөрм керегинде сөс	87
Н. Енчинова. Эржинедий поэдис	91
К. Төлөсов. Кару поэдисти сананып. Түш жеримде. Карган Тубанын сөзи	92
М. Макошева. Онын кокырларын эске аладым	98

ИЗ АРХИВА ПОЭТА

Л. Кокышев. Операция «Венера». Золотой ключик. И восходит солнце (сон Валерия). Сценка	102
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Эдоков. Его каждый помнит по-своему	112
С. Каташ. Вспоминая Лазаря	118
В. Чичинов. Лазарь Кокышев, или веселые плоды его фантазии	125

Нет бжизни счас.

